
ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

THEORY AND METHODOLOGY

Вестник Челябинского государственного университета.
2016. № 6 (388). Экономические науки. Вып. 53. С. 7—18.

УДК 330
ББК У01

ШЕСТОЙ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ УКЛАД, КИБЕРНЕТИЧЕСКАЯ ЭПИСТЕМОЛОГИЯ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ И МЕЙНСТРИМ

С. И. Кретов

Российская академия предпринимательства, Москва, Россия

Незадолго до смерти И. В. Сталин произнес бессмертную фразу: «Мы можем напутать что-то в хозяйстве, но все-таки выйдем из положения. Но если мы напутаем в теории, это может оказаться не-исправимо. Без теории нам — смерть, смерть, смерть...» Эта мысль сейчас актуальна как никогда. Поэтому настоящая статья призвана возбудить активность ученых всех направлений для выработки новой объяснительной парадигмы будущего мироустройства в России и в мире в целом. Она является логическим продолжением предыдущей статьи автора в журнале.

Ключевые слова: *кибернетическая эпистемология, теория сложности, политическая экономия, экономикс.*

Об этапах технологического развития можно спорить. Для целей настоящего исследования метрика и топология теории кондратьевских длинных волн вполне приемлема¹. Сейчас заканчивается 5-й технологический уклад, а США, Германия и Япония уже осваивают 6-й. Он признается первым гуманитарным укладом, а экономическая наука является самой «технологической» из всех гуманитарных наук.

Вопреки четырехсотлетней истории политической экономии западным мейнстримом сейчас тоталитарно объявлен набор публикаций по проблемам регулирования экономики и общества с обобщающим именем «Экономикс». Самуэльсовцев и фридманитов Д. Макклоски объединяет в единый кластер «неоклассиков»². «Неоклассики... очень любят свою метафору, представляющую людей как счетные машины» [1]. «Неоклассики монополизируют пони-

мание того, что они считают экономической наукой, и пытаются заткнуть рты теоретикам, которые подобно австрийской школе составляют альтернативную точку зрения, привержены более богатой и реалистичной парадигме и конкурируют с неоклассиками в области научных исследований» [1]. Мейнстрим как маловразумительная и искусственная конструкция сейчас рушится под тяжестью собственных заблуждений, ошибок и явных искажений действительности. Критерий деления знаний на науку и примитивное ремесло весьма прост. Теория сложности относится к наукам работы, исследующие объективные законы развития, а не «акуан» (см. [3; 12]), исследующий последствия действия искусственных бумажных законов (БЗ) капитализма. Например, Хэлпман в своей книге более чем прозорливо утверждает, что «загадка экономического роста остается нераскрытой более двухсот лет» [2]. Еще К. Маркс в «Капитале» показал, что никакой тайны роста 20—25 западных экономик нет. Так называемые развитые страны, погрязшие в неоплатных долгах, сформировались за счет военного и экономического ограбления остальных 175 стран и бесчеловечной эксплуатации своего населения, о чем ярко и исторически точно он написал вместе с Ф. Энгельсом. Убери сейчас 180 баз по всему миру, разоружи армию США — и сразу станут ясны истинные

¹Великобритания, Франция и Бельгия были лидерами промышленной революции. Это 1-й технологический уклад, с 1770 по 1830 г. Второй уклад (до 1880 г.) дополнили Германия и США. На 3-м укладе (до 1930 г.) к ним присоединились Швейцария и Нидерланды. Лидерство в 4-м укладе перехватили США, Германия, Япония, Канада и Австралия.

²Неоклассическая парадигма опирается на три сомнительных, а с точки зрения кибернетической эпистемологии абсурдных постулата-аксиомы: индивидуализм, эгоизм и рационализм.

источники экономического процветания 25 «развитых» стран-должников.

В период возвышения современного мироустройства разрушалась колониальная система, закабаление приняло форму экономического принуждения. После Великой Отечественной войны и создания Бреттон-Вудской системы, капиталистическая общественно-экономическая формация (КОЭФ) быстро выродилась в военно-монополистическую диктатуру нескольких ТНК. Все дурное величие Запада и показушные темпы роста заложены в исключительном гегемонизме американских ТНК как главном «пылесосе», высасывающем ресурсы из всего остального мира. Постоянные попытки западных акул замалчивать «так называемое первоначальное накопление капитала стран-агрессоров» и тотальный грабеж всего мира странами Запада ставят мейнстрим в положение пораженчества.

Раскрываемый институционализм также не отличается научностью и здравым смыслом. Его адепты, пытаясь апологетически затушевать естественные и объективные законы умирания капитализма, изощряются в подмене сущностей. Вместо «ракового» перерождения КОЭФ в террористический гегемонизм они подсовывают читателям проблемы неэффективных институтов. Мол, с капитализмом все в порядке, а вот институты недостаточно инклюзивные.

Можно долго обманывать немногих людей, можно на короткое время обмануть всех, но нельзя постоянно обманывать Человечество. Разоблачение мейнстримовской лжи и формирование ясной картины объективных процессов аутопозного развития социально-экономических отношений является миссией политической экономики.

Мыльный пузырь мейнстрима существует вопреки мнению авторитетных западных ученых [4]. Д. Макклоски последовательно показывает абсурдность и отсутствие даже намеков научности беспрецедентного упрощенчества доводов и выводов неоклассиков [11; 14]. Она доказывает, что в основе так называемого «фундаментального доказательства» теоремы о существовании (авторы — нобелевский лауреат К. Эрроу и Ж. Дебре) лежит негодная предпосылка о максимизации полезности. Теорема о существовании, постулированная еще Л. Вальрасом как существование общего экономического равновесия на всех рынках при наличии совершенной конкуренции, столь искусственна, что строить реальные социэконо-

мические модели на ее основе может лишь откровенный дилетант от науки. Здесь явно прослеживается не экономический и философский взгляд на экономику, а примитивный математизированный подход, в основе которого лежат недопустимые искусственные упрощения. Функциям, «очаровавшим» западных математиков-экономистов, отказано предъявлять модельерам свои рекурсивные свойства. Факторы и аргументы, которые не укладываются в их стандартные математические модели, игнорируются вопреки наглядным проколам и несурзацам, получаемым в результате такого огульного упрощенчества. Копировать всю эту глупость современного мейнстрима — все равно что переливать из пустого в порожнее.

Причем безоглядная апологетика — это не изобретение мейнстрима. Еще К. Маркс распекал «добросовестность гнусного политического лицемера Э. Бёрка» [15]. В общем, продажные научные работники были всегда.

Ученым вторят и авторитетные СМИ: «Вашингтон не может командовать» (Financial Times, Великобритания); «Прощай, «Американский век» (Nation, США); «Гегемония доллара под ударом» (Monde, Франция); «Кому нужен доллар?» (Monitor Mercantil, Бразилия); «Если Китай разувверится, доллар рухнет» (Financial Times). Р. Манделл, лауреат Нобелевской премии 1999 г., ученик М. Флемминга, в 2010 г. в интервью Wall Street Journal публично отрекся от неолиберальной парадигмы.

Не лучше обстоит дело и с идеологической подоплекой. Один из основоположников американской неоклассики, И. Фишер, опростоволосился со своим неуместным оптимизмом процветания накануне и даже в ходе Великой депрессии. М. Блауг писал про И. Фишера: «Его огромное влияние среди профессиональных американских экономистов (не говоря о его личном состоянии) рухнуло в 1929 г.: он не только не сумел предсказать крах на Уолл-стрит, но и после его наступления продолжал месяц за месяцем утверждать, что начало великого бума уже за углом» [17].

В 1988 г. «лучшие умы» Гарварда и Йеля привлекли все «великие» эконометрические достижения мейнстрима для ответа политэкономии задним числом. Все их безуспешные попытки в порядке ретропрогноза оправдать коллег-неудачников, проспавших Великую депрессию, привели лишь к тому, что М. Скоузен охарактеризовал так: эти неудачные попытки быть умными задним умом говорят «о принципиальной несо-

стоятельности использования эконометрических моделей» [16].

В 1994 г. два нобелевских эконометрика М. Скоулз и Р. Мертон в качестве членов правления внедрили в хедж-фонде Long Term Capital Management свою отмеченную премией модель Блэка — Скоулза. Она была «столь хороша», что ее применение «гарантировало» фонду вероятность банкротства один раз в миллиард лет! Однако уже в 1998 г. фонд обрушился, поставив оценки авторам «предельно надежной» эконометрической модели, а заодно и самому Нобелевскому комитету. В этом же ряду стоит прогноз нобелевского лауреата 1973 г. В. Леонтьева, сделанный по заданию ООН в 1977 г. и вскоре признанный полной бессмыслицей.

Серьезную попытку вернуть в мейнстрим модель Харрода — Домара, которая с некоторыми допущениями отражает экономическую парадигму Дж. М. Кейнса¹, предпринял очередной лауреат Нобелевской премии Д. Стиглиц [18]. Последующие события предъявили всей когорте нобелевских лауреатов по экономике неутешительный счет их полного фиаско. После кризиса 2008 г. на планете не осталось ни одного серьезного исследователя, который верил бы в состоятельность прогнозирования экономики классическими методами, заимствованными из естественных дисциплин.

Приведем цепочку высказываний А. Гринспена: «Финансовый кризис продемонстрировал, в числе прочего, несостоятельность экономического прогнозирования»; «Та степень определенности, которая свойственна так называемым точным наукам, недоступна экономическим дисциплинам»; «Я больше сомневался в том, применима ли она (математическая статистика Д. Вулфовица и А. Вальда) в мире, где важнейшим фактором, определяющим экономические результаты, является иррациональное начало, не поддающееся моделированию»; «На практике создатели моделей (включая и меня) занимаются подбором переменных и факторов, пока не получают результат, который вроде бы воспроизводит исторические

¹Дж. М. Кейнс признается бесспорным основоположником макроэкономического моделирования. Однако его подход твердо отрицал веру представителей классической школы в то, что рынок способен саморегулироваться и после кризиса восстанавливает полную занятость. Он понимал, что любая система с неограниченной ничем положительной обратной связью, превышающей единицу (стремление к прибыли любой ценой), всегда заканчивается кризисом.

данные разумным с экономической точки зрения образом»; «Не успела кейнсианская парадигма утвердиться в экономической науке, как американская экономика пошла против ее ключевых положений. Значительную часть 1970-х гг. уровень безработицы рос, но темпы инфляции не думали падать — ситуация, названная стагфляцией» [19]. Далее он рассказывает о своей деятельности в ФРС: «Модель, созданная экономистами ФРС, объединяла элементы кейнсианства, монетаризма и ряда других современных экономических теорий»; «То, что кризис сентября 2008 г. оказался неожиданностью практически для всех, означало полный провал макро моделирования именно в тот момент, когда оно было так необходимо»; «Бессильной оказалась и модель, разработанная высокоуважаемым Международным валютным фондом, которая еще весной 2007 г. говорила о том, что “глобальные экономические риски *снизились* по сравнению с сентябрем 2006 г. Экономика США в целом развивается хорошо и дает позитивные сигналы”»; «JPMorgan, пожалуй, финансовый институт номер один в Америке, 12 сентября 2008 г. (за три дня до кризиса) заявил, что рост ВВП США ускорится в первой половине 2009 г.» [Там же]. Ну что еще нужно научным работникам, чтобы они все разом выбросили свои модели прошлого на помойку и обратились к рекурсивной математике, которая учитывает формализуемые факторы и то, что Дж. М. Кейнс и А. Гринспен называют «иррациональным началом».

Не лучше обстоит дело и с «просветительской» деятельностью Международного валютного фонда (МВФ). Их официальные прогнозы в 2007—2009 гг. иначе, чем чередой несурзац, некомпетентности и полного непонимания происходящих в мире процессов, назвать язык не поворачивается. Факт всегда отклоняется от их прогноза на произвольную величину. Можно ли после этого вообще рассматривать западный мейнстрим иначе, нежели правила игры в «Монополию» для взрослых?

Обобщая череду полных публичных фиаско эконометрических прогнозов, которые не имеют положительных примеров, Н. Талеб доказал, что любые попытки предвидения будущего на основе кривой распределения Гаусса, априори бессмысленны и представляют собой лишь игру воображения [20].

IX Конгресс польских экономистов «Экономия для будущего: открывать природу и причины

экономических явлений», состоявшийся в Варшаве в ноябре 2013 г., вслед за своим лидером Г. Колодко [21] через приставку «ордо-» закрыл неолиберальную страницу и в науке, и на практике. Лишь в российском заповеднике остались последние в мире фанаты неолиберализма, институционализма¹ [1] и вашингтонского консенсуса. Рекламный Гайдаровский форум поражает утопизмом своих докладов и цинизмом его участников.

Наиболее последовательно современный мейнстрим отвергает австрийская школа. Их противостояние фундаментально. Исходные неоклассические постулаты о рациональности в статическом варианте, о неизменности предпочтений акторов отношений и о желанном, но практически недостижимом равновесии австрийская школа опровергала и отвергает. У неоклассики на их доводы нет никаких ответов. Из противоречий вытекает принципиальная ошибочность традиционных математических моделей прогнозирования экономических процессов. Они не допускают инжиниринга при проектировании желаемого будущего. С точки зрения австрийской школы неоклассические теории нельзя отнести к науке, за что мейнстрим включает все возможные инструменты дискриминации австрийской школы.

Для завершения разгрома мейнстрима и толпы математиков-экономистов-неудачников послушаем М. Ротбарда: «Претензии эконометриков и других специалистов по математическим моделям экономики, что они могут точно предсказывать ход будущих экономических событий, всегда будут наткаться на простой, но обескураживающий вопрос: “Если вы можете так точно все предсказывать, то почему вы не делаете этого на фондовом рынке, где точный прогноз может буквально озолотить?”» [29].

Классическая политическая экономия создала стройное, но абсолютно искусственное учение об экономике совершенной конкуренции. Блестяще была раскрыта сущность системы производственных отношений капитализма, создан универсальный тезаурус науки, подготовлены основы исследования и управления процессами функционирования капиталистического хозяйственного механизма. Но экономики

совершенной конкуренции не было, нет и уже никогда не будет на Земле. Это такая же искусственная теория, как и гипотеза первоначального взрыва в астрофизике или таблица умножения. Из всех постмарксовых политэкономов можно отметить лишь Дж. М. Кейнса, который сумел подняться над однобокой апологетикой капитализма и сформулировал свою доктрину о занятости трудоспособного населения как первоцели капитализма. Максимизация прибыли — это лишь вторичная цель. Он обосновывал необходимость удовлетворения витальных потребностей людей и искал приемлемый для тогдашнего развития производительных сил и производственных отношений способ реализации данного вселенского закона.

К сожалению, политэкономия в XX в. погрязла в апологетике, не замечая, что капитализм и социализм — это всего лишь две допустимые модели единой капиталистической общественно-экономической формации с едиными исходным (товар и кредитные деньги) и основным (капитал и прибавочная стоимость) отношениями.

Современная цивилизация в результате эволюции сознания достигла в своем развитии такого уровня, когда от знаний, нацеленных на покорение Природы, приходится переходить к пониманию целостности окружающего мира и его принципиальной непокоряемости. Такое продвинутое миропонимание неизбежного фазового перехода к новой объяснительной парадигме приводит к объединению терминологии, методологии и предмета научных исследований узкоспециализированных наук в единую и неделимую фундаментальную науку, которая обобщенно была названа кибернетической эпистемологией, или теорией сложности. Метафорически ее можно назвать наукой разума, экологической наукой идей или глубокой экологией. Это не просто очередной эволюционный шаг, который подправляет признанную объяснительную парадигму, а фазовый переход в миропонимании, какого еще не было в истории науки.

Научная объяснительная парадигма социально-экономических процессов называется политической экономией. Вся совокупность конкретных экономических дисциплин, исследующих процессы функционирования экономики и общества без исключения, представляет подразделы политической экономии, и их главным предназначением является индуктивная, критическая фальсификация генеральной модели экономики. С точки зрения

¹Нашим так называемым институционалистами, наверное, неведомы слова Уэрта де Сото об «институциональном принуждении» других народов к следованию «западным шаблонам», что делает данную «теорию не только бесполезной, но и опасной».

методологии кибернетической эпистемологии, так выглядит кластер социально-экономических дисциплин.

Необходимо учитывать, что на определение предмета и метода политической экономии [25] существенное влияние оказывают тенденции развития мировоззренческой объяснительной научной парадигмы, представляющей надсистему для политической экономии. Исследование взаимодействия социума с объективным миром Природы разными науками должно обеспечивать многостороннее, но сравнимое и сопоставимое представление данного образа. Для этого необходимо применять единый методологический инструментарий с идентичной метрической шкалой и топологическими параметрами. Именно такой интеграционной дисциплиной выступает кибернетическая эпистемология, или теория сложности.

«Клеем», который производит методологическое скрепление необоснованно расползшихся научных «тектонических плит», является номинированная на Нобелевскую премию математическая теорема Дж. Белла о взаимосвязанности мира. Ее выводы касаются как самой Природы, так и всех искусственно разделенных наук, представители которых с разных сторон пытаются познать эту единую и неделимую Природу, постоянно «изобретая» узкоотраслевой тезаурус.

Примечательно мнение К. Поппера: «Дисциплины отличаются друг от друга отчасти в силу исторических причин и административных соображений (организация обучения и распределение финансирования), а отчасти потому, что теории, которые мы строим для решения наших проблем, имеют тенденцию вырастать в специальные системы. Однако все эти классификации и дистинкции сравнительно несущественны и поверхностны. Мы исследуем не предметы, а проблемы. Проблемы же способны пересекать границы любых дисциплин и их предметов» [26].

Современные социально-экономические науки исследуют последствия деформации (совокупностью искусственно навязываемых БЗ) объективных, имманентных Природе закономерностей воспроизводства всего живого на Земле. БЗ создаются той или иной руководящей подсистемой общества (РП) для властвования над управляемой подсистемой (УП). Эти БЗ каждой РП самозабвенно выдаются за объективные законы Природы, хотя они таковыми не являются. Сначала «придворные» законотворцы сознатель-

но выдумывают различные нормы, правила, законы и прочее, то есть искусственно формируют экономическую среду, в корыстных целях РП, оплачивающей их деятельность, а потом акуанцы начинают изучать фактические последствия этих субъективных творений, стремясь выдать свое познание за открытие объективных социальных или экономических процессов. Некоторым за это удается отхватить аж Нобелевскую премию.

Перефразируя тезис Д. Норта, можно констатировать, что РП, генерирующая БЗ, управляет игрой, а акуанцы вынуждены в нее играть по спущенным сверху субъективным правилам. Те, кто преданнее доказывает объективность созданных БЗ, получает большой куш от РП. Ученые же, опирающиеся на объективные закономерности развития социально-экономических отношений, почти всегда становятся изгоями. Лишь иногда, в самые критичные периоды развития Человечества, ученые начинают «выкапывать труп» очередной белой вороны, заклеванной ее стандартными сородичами и закопанной поглубже по указке РП. Можно вспомнить А. А. Богданова, Н. Д. Кондратьева и др. В науке в целом доминирует «эффект колени», когда прошлые авторитеты принуждают новых ученых ездить хоть и по устаревшей, но привычной академиком колее мейнстрима.

Современная экономическая теория изучает деформированные бумажным законодательством отношения и явления так называемой рыночной экономики в форматах капиталистических или социалистических идеологических парадигм. Происходит двойное извращение. Вместо объективных законов предметом экономической теории объявляется искусственная институциональная среда, сформированная корыстными БЗ. С другой стороны, сами методы исследования деформируются идеологическими догматами.

Политическая экономия в отличие от фантазий мейнстрима сохранила проверенные практикой и временем фундаментальные методы познания объективных явлений в экономике и обществе. Предметом ее исследования является система отношений индивидуумов в процессе взаимодействия с Природой и между собой в целях удовлетворения своих потребностей, а не практики расчета капитализации компаний, не жонглирование бессмысленными показателями типа ВВП, не обожествление цен, назначаемых глобальными ТНК в своих кабинетах, и др. РП разных стран и в разные времена пытались подстроить под себя

институты через череду БЗ, нарушающих права и интересы УП. Исследовать же необходимо систему объективных законов, а не последствия функционирования субъективных БЗ, навязываемых УП сверху.

Антагонистическое противоречие между инструментами современного неолиберального мейнстрима (которые практически бессмысленны при пестроте национальных систем БЗ) мотивирует США и НАТО силой оружия навязывать свои ценности (читай: БЗ) другим суверенным странам. Агрессия выдается при этом за торжество демократии. В контексте сущности процессов силовая попытка подгона объективных законов социально-экономического развития стран мира под малоэффективные и нелогичные рецепты и шаблоны экономикс с научной точки зрения абсурдна, а с общечеловеческой — преступна. Мейнстрим практически аннигилировал экономику как науку, превратив ее в негодную инструкцию по сохранению убогого капитализма.

Наиболее ярко это проявилось в России в ходе так называемых реформ. Неолиберальные апологеты вашингтонского консенсуса часто переводили англоязычные тексты, присылаемые из-за океана, превращая их в новые российские бумажные законы. В результате реформ в России было ликвидировано более 70 000 производственных структур, в том числе 250 самых передовых в мире предприятий оборонного комплекса, вместе с квалифицированными трудовыми коллективами, оборудованием, технологиями, кооперационными связями. Были стерты с лица нашей Родины более 23 000 населенных пунктов, прекратили существование 25 000 школ и т. д. и т. п. Такого промышленного и социального разгрома не удалось добиться даже фашистской Германии. Это стало результатом реформаторской деятельности кучки мальчишей-плохишей¹, ежегодно собирающихся на свой гайдаровский шабаш. Ответить просто и убедительно на этот вызов может лишь политическая экономия, которую «реформаторы» запретили по американско-либеральным предписаниям.

¹ Командарм Голиков (Аркадий Гайдар) прозорливо описал будущую судьбу российских «реформаторов». У него есть рассказ «Военная тайна», где наш, отечественный, мальчиш-плохиш продал буржуинам свое Отечество за ящик печенья и бочку варенья. Сверхактуальный рассказ! Прямо ясновидение какое-то!

Политэкономией открыт объективный экономический закон соответствия производительных сил и производственных отношений. Малограмотные реформаторы-приватизаторы о нем не слышали. Но их западные советники были более образованны. Чубайс со своей командой в холуйском угаре перед Западом произвел примитивизацию форм собственности. Высокоцентрализованную общенародную частную собственность реформаторы варварски заменили на архаичные формы собственности образца середины XIX в.: индивидуальную и коллективную частную собственность. Под эти примитивные производственные отношения моментально подстроились и производительные силы. Публичные призывы к инновациям, модернизации и импортозамещению вместе с реиндустриализацией являются пустым звуком, так как производственные отношения в России дезинтегрированы по лекалам XIX в. Для выполнения таких задач необходимо сначала поднять степень концентрации и централизации собственности до ее ассоциированной формы (ассоциированной частной собственности граждан²) [25; 28], которая объективно соответствует требуемому уровню концентрации и централизации производительных сил на 6-м технологическом укладе. В фундаменте этого определяющего фактора оптимизации размера производственных единиц в каждой отрасли производства лежит перманентное противоречие между выигрышами от специализации при разделении труда и обусловленными ею дополнительными, часто именуемыми транзакционными издержками. Сейчас транзакционные издержки достигают в цене высокотехнологичной продукции 70 % и более, поэтому инновации не удастся запустить в российской экономике, превращенной чубайсовской прихватизацией в сеть враждующих частных «овощных палаток». Не понимают этого в стране практически все научные работники, гордо именующие себя учеными и экономистами. Для российской исполнительной власти данная азбука политической экономии тоже тайна за семью печатями.

Этот важный пример подчеркивает разницу между мейнстримом и политической экономией. Первый пытается представить капиталистические

² Общенародная собственность также была частной, так как она обеспечивала дивидендами своих сособственников — граждан СССР и закреплялась за владельцами, как и все прочие формы частной собственности, бумажными законами.

БЗ как объективные закономерности «конца истории». Вторая была, есть и будет наукой о сущности и закономерностях сожительства Человека и Природы на Земле.

Исторически первым шагом к синтезирующему объединению всех отраслей знаний в понимании Природы как целостной и неделимой сложной системы стало зарождение новой науки, которая стала заниматься проблемами контроля, рекурсивности и информации в системах, — кибернетической эпистемологии. Это закономерный исторический этап понимания Человеком своего места в Природе.

Здесь уместно вспомнить Л. фон Мизеса и М. Ротбарда, которые опровергали бездоказательное убеждение в том, «что единственным подлинно “научным подходом” к изучению человека является подражание подходу физических наук» [29]. Мизес пишет: «Науки о человеческой деятельности невозможно реформировать по образцу физики и других естественных наук» [30]. Попытки С. Джевонса, Л. Вальраса, Ф. Эджуорта, В. Парето, И. Фишера и других добиться фундаментального прогресса в экономической теории путем выстраивания ее по образу и подобию классической физики не просто бесплодны, но и антинаучны. Это искусственное упрощенчество сложной диссипативной социальной системы, движущейся в аутопозном режиме по рекурсивным траекториям, с познавательной точки зрения бесперспективно и непорядочно в научном плане.

Р. Нельсон и С. Уинтер [31] не поняли, что наряду со «слепой эволюцией» биологических видов определяющее влияние на социально-экономические процессы оказывает *эволюция сознания*. Д. Норт справедливо подчеркивает, что в развитии человеческого общества определяющими являются объективно-субъективные представления акторов, а не изменчивость и естественный отбор.

Мейнстрим отстаивает:

— безудержную гонку за богатством, номинированным в выдуманных фиатных фантиках (долларах, евро);

— возведение экономического роста, оцениваемого в тех же фантиках, во вселенскую проблему выживания Человечества;

— войны за природные ресурсы;

— все более извращенные формы тирании РП, включая и терроризм;

— разрушение ноосферы и создание реальной угрозы рыночного самоуничтожения биологической жизни на Земле.

Процесс познания Природы и общества опосредуется по крайней мере двумя факторами. *Первый* — это процесс обучения, когда у ученого формируется его собственная библиотека компонент подсознательных образов (КПО)¹. *Второй* — это период времени и неосознаваемые процессы, которые определяют текущее человеческое восприятие реального окружающего мира по КПО, размещенным в «подсознании-библиотеке» в процессе предыдущего обучения и опыта. Через КПО подсознание «говорит» с сознанием на языке сущности явлений и фактов окружающего мира. Сущность любого явления раскрывается минимальным набором КПО, которым подсознание объясняет сознанию значения полученных через органы чувств категорий и понятий, используемых в общении и исследованиях.

Подсознательный образец экономики совершенной конкуренции раскрыт в первом томе «Капитала». Но единых КПО экономики, существующей ныне в разных странах, нет. В дискуссиях доминируют две КПО: неolibеральная и неомарксистская. Обе идеологически окрашены и ни в какое сравнение не идут с классификационной четкостью и понятийной демаркацией, достигнутой К. Марксом в «Капитале».

Не лучше обстоят дела и на подлежащем уровне абстракции, где должна быть создана адекватная, объясняющая современные социально-экономические отношения теоретическая модель. Теоретическая модель экономики совершенной конкуренции представлена во 2-м и 3-м томах «Капитала». Попытку создать двухфакторную теоретическую модель экономики в условиях фундаментальной неопределенности предпринял Дж. М. Кейнс [32]. Однако последователи выхолостили его представления о рыночной модели до примитивных математизированных рецептов экономикс.

К. Поппер выделяет верификацию и фальсификацию, которые в наиболее общем виде отличаются целью эмпирических наблюдений. Первый стремится подтвердить дедуктивно рожденную теорию, а второй — ее опровергнуть. Именно дедукция-озарение с последующей индуктивной верификацией и фальсификацией уже имеющейся теоретической модели есть процесс развития

¹Это процесс, который часто именуется как превращение территории в карту или отображение действительности в образах, которыми оперируют индивидуумы.

науки. И политическая экономия здесь ничем не отличается от кибернетической эпистемологии.

С учетом всего изложенного выше можно постулировать, что аналогом процесса глобализации мирового хозяйства в науке предстает кибернетическая эпистемология. Это первая естественно-гуманитарная наука 6-го технологического уклада, всесторонне исследующая сложные системы¹. Теория сложности предоставляет ученым совершенный и строгий в метрическом и топологическом смысле методологический инструментарий. Социально-экономические науки в целом и политическая экономия в частности стоят на пороге фазового перехода, который приведет на роль мейнстрима политическую экономию гуманистической общественно-экономической формации (ГОЭФ), у которой уже выявлены:

— принципиально новые исходное и основное отношения;

— РП и УП, которые будут представлены новыми акторами;

— неизбежность безусловного и гарантированного удовлетворения органических витальных потребностей индивидуумов по факту их рождения, а не в обмен на наемную работу;

— замена прибыли любой ценой на новую цель человеческого бытия — заботу о безопасном и комфортном расширенном воспроизводстве природных ресурсов для блага живущих и будущих поколений.

Политическая экономия доказала свое историческое превосходство в исследовании сущности КПО и теоретических моделей экономики. Кибернетическая эпистемология показывает путь выхода из кризиса вверх по спирали исторического развития производительных сил и производственных отношений.

Задачей всех исследователей экономической теории является осознание цивилизационного характера современного кризиса и завершение дискуссии о способах сохранения капиталистической формации в любых ее форматах. Неомарксисты и неолибералы должны принять фундаментальный принцип необратимости явлений и сконцентрироваться на исследовании реальных процессов эволюции сознания Человечества, которые объективно подвели всех нас к ГОЭФ.

¹Сложная система — это такая и только такая система, которая одновременно обладает тремя свойствами (компонентами подсознательного образца): синергией (холизм), аутопоззом и рекурсивностью.

Рассматривая перспективы развития общества, как в технологическом плане по «законам Кондратьева», так и в социально-экономическом по «законам Пригожина», нельзя не учитывать, что современная глобальная экономика и общество — это диссипативная структура, находящаяся в точке бифуркации на пороге очередного «квантового» перехода к новой формации.

Разрешение современного глобального кризиса видится в выходе современной глобальной экономики (читай: диссипативной структуры) из глобального кризиса (читай: точки бифуркации), то есть в исторически неизбежном переходе от 5-го технологического уклада к 6-му и от частного присвоения результатов общественного труда по БЗ акционерного права к более гуманистической форме такого присвоения, в первую очередь через безусловное удовлетворение органических витальных потребностей каждого индивидуума. Этот научный вывод следует из анализа сложной системы социально-экономического развития, обладающей свойством аутопозза.

Нарождающаяся в мире ГОЭФ имеет качественно отличные черты от современной экономики, безнадежно погрязшей в экономическом, финансовом, экологическом и нравственном кризисе по всем без исключения координатам вектора современного развития. Этот «отработанный тренд» должен будет радикально измениться по функции кондратьевских волн и по законам рекурсивной математики странных аттракторов, описывающих поведение сложных систем в точках бифуркации.

Три КПО биологической жизни на Земле были сформулированы Ф. Энгельсом в «Диалектике природы»². Четвертая компонента — процесс эволюции сознания — добавлена к аксиоматике современного миропонимания автором статьи. Именно эти четыре сущностные компоненты определяют все многообразие человеческого бытия на Земле, в том числе и принципиально новую теоретическую модель экономики ДОБРОТВОРЕНИЯ, которую можно назвать *моделью экономики витального потребления*. Политическая экономия будущего должна исследовать все многообразие отношений индивидуумов между собой, а также взаимодействие Человечества и Природы.

Экономические теории, существующие в современной «большой» науке о социально-эко-

²Это неживая материя, клетка и слепая эволюция.

номических отношениях, относятся к эргодическим моделям. Постулат об эргодичности является определяющим в современном мейнстриме, то есть фундаментальная структура современной рыночной модели является постоянной и неизменной во времени. Отсюда смехотворный «конец истории» от Ф. Фукуямы.

Кибернетическая эпистемология переводит сущность и теоретическую модель экономики в группу неэргодических моделей, то есть учитываются постоянно возникающие и аутопозно самогенерирующиеся изменения, представленные как принцип фундаментальной, рекурсивной неопределенности будущего, фактор необратимости явлений и процессов, а также активная и значимая роль наблюдателя и самого факта наблюдения в получаемых образах абстрактных научных моделей. Это и есть цивилизационный раздел между всеми отмирающими экономическими теориями, доминировавшими до 5-го технологического уклада, и политической экономией ГОЭФ как учения 6-го, гуманитарного уклада.

Убедительным доказательством исторической верности приведенного выше тезиса является мнение Р. Хайлбронера. Оказавшись в гегемонистски навязанных рамках предмета западного мейнстрима, он вынужден был вынести экономику за границы науки. Он пишет: «Если бы экономика была наукой, то нам отводилась бы роль

простых роботов, способных выбрать реакцию на увеличение цен не в большей степени, чем частица железа — на появление неподалеку магнита» [34]. Этот тезис является блестящим приговором западному мейнстриму, так как включение в число исходных аксиом понимания экономики как неэргодической сложной социальной системы не оставляет места в экономической науке любым неоклассическим подходам и парадигмам. Возвышение фактора неэргодичности в данном споре является неоспоримой фальсификацией всех математических моделей экономик.

При этом следует особо подчеркнуть, что кибернетическая эпистемология, теория сложности, не является отрицанием классической науки. Она преодолевает лишь ограничительные базовые постулаты классической науки, что обеспечивает более общее представление о Природе. Это не революция в процессе познания, а лишь широкий эволюционный шаг в самосознании, который значительно раздвигает радиус «шара познания». Кибернетическая эпистемология, признавая неисчерпаемость знаний, стоит на позиции, что Человечество как малая часть Природы всегда будет находиться внутри замкнутого и непрозрачного шара, внешняя поверхность которого не будет доступна исследователям в принципе. Античный тезис «чем больше я знаю, тем больше я не знаю» — лучшая тому иллюстрация.

Список литературы

1. Уэрта де Сото, Х. Австрийская экономическая школа: рынок и предпринимательство / Х. Уэрта де Сото. — Челябинск : Социум, 2007. — 161 с.
2. Хэлпман, Э. Загадка экономического роста / Э. Хэлпман. — М. : Изд-во Ин-та Гайдара, 2011. — 13 с.
3. Истерли, У. В поисках роста: приключения экономиста в тропиках / У. Истерли. — М. : Ин-т комплекс. стратегич. исслед., 2006.
4. Кретов, С. И. Добрострой — политическая экономия будущего, в свете методологии кибернетической эпистемологии / С. И. Кретов // Вестн. Челяб. гос. ун-та. — 2015. — № 12. — С. 15.
5. Ward, B. What's Wrong With Economics? / B. Ward. — London : Macmillan, 1972.
6. Henry, D. F. Econometrics — Alchemy or Sciences? / D. F. Henry // *Economica*. — 1980. — № 47. — P. 387—406.
7. Bell, D. The Crises in Economic Theory / D. Bell, I. Kristol. — New York : Basic Books, 1981.
8. Eichner, A. S. Why economics is not yet a Science? / A. S. Eichner. — London : Macmillan, 1984. — P. 205—241.
9. Wiles, P. Economic in Disarray / P. Wiles, E. Routh. — Oxford : Basil Blackwell, 1984.
10. Kirby, M. W. The Intrinsic Limits of Modern Economics Theory: The Emperor has no clothes / M. W. Kirby // *Economic J*. — 1992. — № 99 (395).
11. McCloskey, D. Bourgeois Dignity Why Economics Can't Explain the Modern World / D. McCloskey. — Chicago (IL.) : Univ. of Chicago Press, 2010.
12. Ormerod, P. The Death of Economics / P. Ormerod. — London : Faber and Faber, 1994.

13. Weeks, J. F. Economic of the 1 %. How mainstream Economics serves the rich, observes reality and distorts policy / J. F. Weeks. — London ; New York : Anthem Press, 2014.
14. Макклоски, Д. Риторика экономической теории. Истоки: Социокультурная среда экономической деятельности и экономического познания / Д. Макклоски. — М. : Издат. дом Высш. шк. экономики, 2011.
15. Маркс, К. Капитал. Т. 1 // К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. 2-е изд. — М. : Политиздат, 1960. — Т. 23. — 770 с.
16. Скоузен, М. Кто предсказал крах 1929 года? Бум, крах и будущее. Анализ австрийской школы / М. Скоузен. — М. : Социум, 2002.
17. Блауг, М. 100 великих экономистов до Кейнса / М. Блауг. — СПб. : Экон. шк., 2005. — 317 с.
18. Стиглиц, Д. Глобализация: тревожные тенденции / Д. Стиглиц. — М. : Нац.-обществ. науч. фонд, 2003.
19. Гринспен, А. Карта и территория. Риск, человеческая природа и проблемы прогнозирования / А. Гринспен. — М. : Альпина Пабlishер, 2015.
20. Талеб, Н. Н. Черный лебедь. Под знаком непредсказуемости / Н. Н. Талеб. — М. : КоЛибри : Азбука Аттikuс, 2014.
21. Колодко, Г. В. Куда идет мир: политическая экономия будущего / Г. В. Колодко. — М. : Магистр, 2014.
22. Ротбард, М. Власть и рынок: государство и экономика / М. Ротбард. — Челябинск : Социум, 2003. — С. 388.
23. Бейтсон, Г. Шаги в направлении экологии разума. Избранные статьи по теории эволюции и эпистемологии / Г. Бейтсон. — М. : КомКнига, 2005.
24. Капра, Ф. Паутина жизни. Новое научное понимание живых систем. — София, 2003. — 336 с.
25. Кретов, С. И. Гуманистическая общественно-экономическая формация. Политическая экономия будущего. Вторая часть: предмет и метод политической экономии будущего [Электронный ресурс] / С. И. Кретов. — М. : ДОБРОТВОРЕНИЕ, 2015. — URL: <http://www.dobrotvorenje.ru>.
26. Поппер, К. Р. Предположения и опровержения: Рост научного знания / К. Р. Поппер. — М. : АСТ : Ермак, 2004.
27. Либман, А. М. Экономическая теория и социальные науки об экономике: некоторые направления развития : науч. докл. / А. М. Либман // Теоретическая экономика : тр. семинара / под ред. А. Рубинштейна. — Кн. 1. — М. : ИЭ РАН, 2008. — С. 106.
28. Кретов, С. И. Приватизация в России: мифы и заблуждения. (Теории сложности) / С. И. Кретов. — Germany, LAP LAMBERT Acad. Publ., 2015.
29. Ротбард, М. Предисловие. Мизес Л. фон. Теория и история: Интерпретация социально-экономических эволюций / М. Ротбард. — Челябинск : Социум, 2007.
30. Мизес, Л. фон. Человеческая деятельность: трактат по экономической теории / Л. Мизес. — Челябинск : Социум, 2005.
31. Нельсон, Р. Р. Эволюционная теория экономических изменений / Р. Р. Нельсон, С. Дж. Уинтер. — М. : Дело, 2002.
32. Кейнс, Дж. М. Избранные произведения / Дж. М. Кейнс. — М. : Экономика, 1993.
33. Дзарасов, С. Куда Кейнс зовет Россию? / С. Дзарасов. — М. : Алгоритм, 2012.
34. Хайлбронер, Р. Л. Философы от мира сего / Р. Л. Хайлбронер. — М. : КоЛибри, 2008. — 408 с.

Сведения об авторе

Кретов Сергей Иванович — доктор экономических наук, руководитель научно-исследовательского центра Российской академии предпринимательства, Москва, Россия. kretsi1955@gmail.com

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2016. No. 6 (388). Economic Sciences. Iss. 53. Pp. 7—18.

THE SIXTH TECHNOLOGICAL ORDER, CYBERNETIC EPISTEMOLOGY, POLITICAL ECONOMY AND MAINSTREAM

S.I. Kretov

Russian Academy of Entrepreneurship, Moscow, Russia. kretsi1955@gmail.com

Shortly before the death Stalin pronounces such an immortal phrase: “We can make a mess of something in the economy, but still come out of the situation. But if we mess up in theory, it could be irreparably. Without theory we are going die, die, die...” This idea is now more relevant than ever. Therefore, this article is written to excite the activity of scientists of all areas to generate new explanatory paradigm of the future world order in Russia and the world at large. It is a logical continuation of the previous article the author in the Journal.

Keywords: *cybernetic epistemology, complexity theory, political economy, economics.*

References

1. Uerta de Soto H. *Avstriyskaya ekonomicheskaya shkola: rynek i predprinimatel'stvo* [The Austrian school of economics: the market and entrepreneurship]. Chelyabinsk, Sotsium Publ., 2007. 161 p. (In Russ.).
2. Helpman E. *Zagadka ekonomicheskogo rosta* [Mystery of Economic Growth]. Moscow, Gaydar Institute Publ., 2011. 13 p. (In Russ.).
3. Isterli U. *V poiskakh rosta: priklyucheniya ekonomista v tropikakh* [In search of growth: economist adventure in the tropics]. Moscow, 2006. (In Russ.).
4. Kretov S.I. Dobrostroy — politicheskaya ekonomiya budushchego, v svete metodologii kiberneticheskoy epistemologii [Dobrostroy is political economy of the future, in the light of the methodology cybernetic epistemology]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University], 2015, no. 12, p. 15. (In Russ.).
5. Ward B. *What's Wrong With Economics?* London, Macmillan, 1972.
6. Henry D.F. Econometrics — Alchemy or Sciences? *Economica*, 1980, vol. 47, pp. 387—406.
7. Bell D., Kristol I. *The Crises in Economic Theory*. New York, Basic Books, 1981.
8. Eichner A.S. *Why economics is not yet a science?* London, Macmillan, 1984. Pp. 205—241.
9. Wiles P., Routh E. *Economic in Disarray*. Oxford, Basil Blackwell, 1984.
10. Kirby M.W. The Intrinsic Limits of Modern Economics Theory: The Emperor has no clothes. *Economic Journal*, 1992, vol. 99 (395).
11. McCloskey D. *Bourgeois Dignity Why Economics Can't Explain the Modern World*. Chicago (IL.), University of Chicago Press, 2010.
12. Ormerod P. *The Death of Economics*. London, Faber and Faber, 1994.
13. Weeks J.F. *Economic of the 1 %*. How mainstream Economics serves the rich, observes reality and distorts policy. London, N. Y., Anthem Press, 2014.
14. Makkloski D. *Ritorika ekonomicheskoy teorii. Istoki: Sotsiokul'turnaya sreda ekonomicheskoy deyatelnosti i ekonomicheskogo poznaniya* [The rhetoric of economic theory. Origins: Sociocultural environment of economic activity and economic knowledge]. Moscow, 2011. 294 p. (In Russ.).
15. Marks K. *Sochineniya* [Works], vol. 23. Moscow, Politizdat Publ., 1960. (In Russ.).
16. Skouzen M. *Kto predskazal krakh 1929 goda? Bum, krakh i budushcheye. Analiz avstriyskoy shkoly* [Who predicted the crash of 1929? Boom, crash, and future. Analysis of the Austrian School]. Moscow, Sotsium Publ., 2002. (In Russ.).
17. Blaug M. *100 velikikh ekonomistov do Keynosa* [100 great economists before Keynes]. Saint Petersburg, 2005. 317 p. (In Russ.).
18. Stiglits D. *Globalizatsiya: trevozhnye tendentsii* [Globalization: disturbing trends]. Moscow, 2003. (In Russ.).

19. Grinspen A. *Karta i territoriya. Risk, chelovecheskaya priroda i problemy prognozirovaniya* [Map and the territory. The risk of human nature and forecasting problems]. Moscow, Alpina Publisher Publ., 2015. (In Russ.).
20. Taleb N.N. *Chyornyy lebed': Pod znakom nepredskazuemosti* [Black Swan. Under the sign of unpredictability]. Moscow, KoLibri Publ., Azbuka Attikus Publ., 2014. (In Russ.).
21. Kolodko G.V. *Kuda idyot mir: politicheskaya ekonomiya budushchego* [Where is the world: the political economy of the future]. Moscow, Magistr Publ., 2014. (In Russ.).
22. Rotbard M. *Vlast' i rynek: gosudarstvo i ekonomika* [Power and Market: the state and the economy]. Chelyabinsk, Sotsium Publ., 2003. 388 p. (In Russ.).
23. Beytson G. *Shagi v napravlenii ekologii razuma. Izbrannye stat'i po teorii evolyutsii i epistemologii* [Steps in the direction of mind ecology. Selected articles on the theory of evolution and epistemology]. Moscow, KomKniga Publ., 2005. (In Russ.).
24. Kapra F. *Pautina zhizni. Novoye nauchnoye ponimaniye zhivyykh system* [The web of life. New scientific understanding of living systems]. Sophia, 2003. 336 p. (In Russ.).
25. Kretov S.I. *Gumanisticheskaya obshchestvenno-ekonomicheskaya formatsiya. Politicheskaya ekonomiya budushchego. Vtoraya chast': predmet i metod politicheskoy ekonomii budushchego* [Humanistic socio-economic formation. The political economy of the future. The second part: the subject and method of political economy of the future]. Moscow, DOBROTVORENIE Publ., 2015. Available at: <http://www.dobrotvorenje.ru> (In Russ.).
26. Popper, K.R. *Predpolozheniya i oproverzheniya: Rost nauchnogo znaniya* [Assumptions and denials: The growth of scientific knowledge]. Moscow, AST Publ., 2004. 121 p. (In Russ.).
27. Libman, A.M. *Ekonomicheskaya teoriya i sotsial'nye nauki ob ekonomike: nekotorye napravleniya razvitiya (nauchnyy doklad)* [Economic theory and social science of economics: some directions of development (scientific report)]. *Teoreticheskaya ekonomika. Trudy seminar. Kniga 1* [Theoretical Economics. Proceedings of the seminar. Vol. 1]. Moscow, IE RAN Publ., 2008. 106 p. (In Russ.).
28. Kretov, S.I. *Privatizatsiya v Rossii: mify i zabluzhdeniya. (Teorii slozhnosti)* [Privatization in Russia: Myths and Misconceptions. (Complexity theory)]. Germany, LAP LAMBERT Academic Publishing, 2015. (In Russ.).
29. Rotbard, M. *Predisloviye. Mizes L. fon. Teoriya i istoriya: Interpretatsiya sotsial'no-ekonomicheskikh evolyutsiy* [Introduction. Ludwig von Mises. Theory and history: Interpretation of the socio-economic evolution]. Chelyabinsk, Sotsium Publ., 2007. (In Russ.).
30. Mizes, L. fon. *Chelovecheskaya deyatelnost': traktat po ekonomicheskoy teorii* [Human action: a treatise on economic theory]. Chelyabinsk, Sotsium Publ., 2005. 33 p. (In Russ.).
31. Nel'son, R.R. *Evolyutsionnaya teoriya ekonomicheskikh izmeneniy* [Evolutionary Theory of Economic Change]. Moscow, Delo Publ., 2002. 29 p. (In Russ.).
32. Keynes, Dzh.M. *Izbrannye proizvedeniya* [Selected Works]. Moscow, Ekonomika Publ., 1993. (In Russ.).
33. Dzarasov, S. *Kuda Keyns zovyot Rossiyu?* [Where does Keynes call Russia?]. Moscow, Algoritm Publ., 2012. (In Russ.).
34. Haylbroner, R.L. *Filosofy ot mira sego* [Worldly philosophers]. Moscow, KoLibri Publ., 2008. 408 p. (In Russ.).

УДК 330.162
ББК У011.1

К ВОПРОСУ ОБ ОГРАНИЧЕННОСТИ ЭКОНОМИЧЕСКИХ РЕСУРСОВ

Л. И. Макарова

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

В связи с обострением ресурсной проблемы особую актуальность приобретает вопрос о причинах ограниченности экономических ресурсов. В настоящей статье предпринята попытка преодолеть сложившуюся в современной экономической науке практику абсолютизации формальной стороны экономики (концентрация на проблеме выбора между различными способами использования средств) в ущерб ее содержательной стороне (исследование хозяйственной деятельности сквозь призму зависимости человека от природы и от других людей). В результате анализа определены две причины ограниченности экономических ресурсов: исключение из экономического анализа его содержательной стороны, предполагающей зависимость человека от природы и от других людей; тотальное распространение товарно-денежных отношений, стимулирующих чрезмерное развитие человеческих потребностей.

Ключевые слова: *ограниченность ресурсов, безграничность потребностей, основное противоречие экономики.*

Ограниченность никакой величины допустить нельзя. Значит, остается принять только одно — бесконечность.

Константин Циолковский

Сложно переоценить роль экономических ресурсов в социально-экономическом развитии, обеспечении высокого уровня жизни в обществе. Проблема ограниченности экономических ресурсов особенно обострилась «с середины прошлого столетия, когда учеными были получены результаты о лимите природных ресурсов и их исчерпаемости в течение 50—100 последующих лет» [14. С. 7].

О том, что проблема ресурсной ограниченности является весьма актуальной и обсуждаемой научным сообществом, можно судить по анализу публикаций, посвященных данной теме. В центре внимания исследователей — общие вопросы ресурсной обеспеченности, влияния ресурсов на экономический рост, проблемы эффективного использования и пути повышения эффективности использования экономических ресурсов.

Вместе с тем очевидно недостаточное внимание авторов к анализу причин ограниченности экономических ресурсов. С целью выявления причин такой ограниченности обратимся к основному противоречию экономики — между количественной и качественной ограниченностью ресурсов, с одной стороны, и безграничностью человеческих потребностей — с другой.

Вопрос об ограниченности экономических ресурсов занимает большое место в экономической теории. Во второй половине XIX в. складываются

предпосылки для смены общей парадигмы экономической науки. Капиталистические производственные отношения прочно утверждаются в развитых странах. Разработка общих принципов политической экономии, предметом которой принято считать социально-экономические отношения, складывающиеся в определенных сферах, заменяется исследованием различных проблем экономической практики. На смену качественному анализу приходит анализ количественный. Происходит математизация экономического анализа. Политическая экономия уступает место «экономической науке» (economics).

В 1935 г. выходит в свет работа Л. Роббинса «Предмет экономической науки», третий раздел которой называется «Определение экономической науки через редкость». Л. Роббинс [13] доказывает, что предмет экономической науки — это способы распоряжения редкими ресурсами. «Наше определение охватывает и всю теорию заработной платы, и политическую экономию войн» [Там же. С. 18]. Таким образом, «редкость средств, предназначенных для удовлетворения целей разной значимости» [Там же], признается универсальным свойством среды, в которой совершается человеческая деятельность.

По мнению В. И. Вернадского, прямым следствием проблемы ограниченности экономических ресурсов — «при этом государства эти считают,

что население их, их полноправные граждане, не имеют достаточной площади для своего развития и роста» [7] — становится поиск путей ее решения. В результате происходит формирование государственной идеологии, направленной на передел ограниченных экономических ресурсов. И на основе этой идеологии применяются государственные декреты, фактически признающие «государственные организованные убийства моральным благом, способствующим росту добродетели господствующей расы» [6. С. 280].

Эти слова В. И. Вернадского были сказаны между двумя мировыми войнами. Однако и сегодня они не потеряли актуальности. Речь идет о чудовищных, по оценкам исследователей-гуманистов, выводах ученых Римского клуба, направленных на обоснование идеи «золотого миллиарда» — программы стабилизации численности населения планеты для обеспечения устойчивого развития общества.

Высказывая тревогу в отношении быстрого истощения ограниченных запасов природных ресурсов, которые накапливались миллионами веков, В. И. Вернадский в то же время отмечал, что запасы энергии, находящиеся в распоряжении разума, неистощимы [5], что силы приливов и морских волн, радиоактивная, атомная энергия, теплота Солнца могут дать нужную мощность в любом количестве и что введение этих форм энергии в жизнь есть вопрос времени [16].

Особенно наглядно можно проиллюстрировать безграничность экономических ресурсов на примере такого абсолютно неэластичного — с точки зрения предложения — экономического ресурса, как земля, в особенности земля сельскохозяйственного назначения. В 1951 г. была опубликована статья американского экономиста, лауреата Нобелевской премии в области экономики за 1979 г. Теодора Шульца, на первый взгляд, с парадоксальным названием «Уменьшение экономического значения земли» [20]. В своей нобелевской лекции Теодор Шульц четко различает «почвенную» («невозможно производить достаточное количество продуктов питания для увеличивающегося населения») и социально-экономическую («человек обладает способностями и интеллектом, достаточными для того, чтобы уменьшить свою зависимость от пахотной земли») точки зрения. На этом основании нобелевский лауреат приходит к выводу о том, что человечество «в состоянии приращивать ресурсы благодаря расширению наших познаний» [18].

Достаточно даже беглого взгляда на условия хозяйствования в различных регионах планеты, чтобы сделать вывод о том, что отнюдь не проблема ограниченности ресурсов, в том числе земли, является главным условием их экономического роста.

С одной стороны — такие высокоразвитые страны, как Швейцария, Голландия и Гонконг. Швейцария — гористая страна, с небольшой площадью, пригодной для обработки земли, и с высокой плотностью населения, почти не имеющая полезных ископаемых. Голландия расположена ниже уровня моря, имеет высокую плотность населения и не имеет минеральных ресурсов. Гонконг — страна с самым быстрым ростом населения и очень высоким уровнем иммиграции, самым большим в мире за последние полстолетия, с очень высокой плотностью населения и полным отсутствием природных ресурсов, даже свежей воды.

С другой стороны — африканские страны с низким уровнем экономического развития зачастую характеризуются низкой плотностью населения, большими запасами природных ресурсов и избытком земли, пригодной для ведения сельского хозяйства.

«Наиболее важным фактом относительно земли, используемой в сельском хозяйстве, является то, что с каждым десятилетием ее требуется все меньше и меньше. Это утверждение может показаться абсурдным. Кажется совершенно очевидным, что рост мирового населения потребует большего количества обрабатываемой земли». Однако «фактическая и потенциальная продуктивность на единицу площади растет гораздо быстрее, чем население планеты, и здравый смысл подсказывает, что эта тенденция будет действовать и в будущем. ...В XIX веке Земля могла прокормить только 1 млрд человек. 10 000 лет назад только 4 млн человек могли добыть себе средства к существованию. Сегодня 5 млрд человек живут в среднем больше и отличаются лучшим здоровьем, чем когда-либо прежде» [15].

Подчеркивая неограниченность ресурсов планеты Земля, Джулиан Линкольн Саймон говорит о том, что всегда есть «последний ресурс» — это человеческая изобретательность. В итоге ресурсы вопреки общепринятому мнению неисчерпаемы [14. С. 137].

Предлагая оценивать редкость экономических ресурсов количественными показателями издержек или цен, Дж. Л. Саймон приходит к выводу:

«Редкость природных ресурсов — измеренная экономически осмысленным показателем издержек или цены — для всех видов сырья в долгосрочной перспективе снижалась, а не увеличивалась, исключения были лишь временными: то есть доступность повышается». Если в качестве примера взять медь, то «цена тонны сейчас составляет всего лишь 10 % цены на нее двести лет назад» [15].

Вероятно, безграничность ресурсов связана с безграничными возможностями человека к совершенствованию. Подтверждение данного тезиса можно найти в истории предпринимательства. Так, в XVII в. Англия была крайне обеспокоена угрозой дефицита энергоресурсов, вызванной вырубкой леса на дрова. Люди опасались нехватки топлива для обогрева и черной металлургии. Этот надвигающийся дефицит привел к развитию добычи каменного угля. Затем в середине XIX в. англичан обеспокоила угроза кризиса в связи с нехваткой угля. Уильям Стенли Джевонс, руководствуясь экономическими расчетами, пришел к выводу о том, что исчерпание запасов угля приведет к остановке роста английской промышленности к 1990 г., а нефть не сможет решить проблемы ограниченности ресурсов угля. Мотивированные надвигающимся дефицитом угля изобретательные дельцы открыли, что нефть является гораздо более подходящим топливом, нежели уголь. И в 1990 г. мы видим, что Англия по-прежнему экспортирует и уголь, и нефть [Там же].

Другой пример связан с проблемой ограниченности жидкого топлива. В 1840-х гг. в связи с возросшим спросом, вызванным ростом численности населения и увеличением доходов, выросла цена на китовый жир для ламп. В результате данный продукт был заменен рапсовым, оливковым, льняным маслом и скипидаром из хвойных деревьев. Затем и эти продукты были заменены жидким топливом, которое научились производить из каменного угля. Наконец, предприниматели сконцентрировали свое внимание на запасах нефти [Там же].

Об отсутствии ограниченности ресурсов говорил также австро-венгерский социолог и экономист К. Поланьи. Он рассматривал ограниченность ресурсов как социальный феномен, характерный для определенных социально-экономических систем, но не для всех. И из этого делал вывод, что теория, претендующая на универсальность, не может иметь предметом своего анализа

распределение ограниченных ресурсов, так как они не являются ограниченными всегда и везде.

Приведем некоторые выдержки из работ Карла Поланьи. Вот что он говорит о проблеме ограниченности ресурсов применительно к обществам с невысоким уровнем развития производительных сил: «Как правило, производственная или экономическая система организована так, что участие в производстве ни для кого не является следствием боязни голода (или страха голода). Независимо от того, участвует человек или нет в производственных процессах сообщества, он всегда имеет свою долю в общих ресурсах пищи. ...При земельной системе краал (kraal-land system) племени каффирс нужда невозможна — кто бы ни нуждался в помощи, безусловно ее получает. Люди квакют также никогда не рискуют остаться голодными» [4. С. 35]. А вывод таков: «В обществах, живущих на грани выживания, нет голода. Как правило, индивиду в первобытном обществе не угрожает голодная смерть» [Там же. С. 25].

Древнегреческий мыслитель Аристотель однозначно отрицал проблему ограниченности ресурсов, утверждая, что «природа не знает нехватки средств пропитания» [Там же. С. 95].

Почему же, несмотря на множество фактов, доказывающих безграничность экономических ресурсов, предметом экономической теории продолжает оставаться «редкость средств, предназначенных для удовлетворения целей разной значимости» [13. С. 18].

Есть несколько причин абсолютизации проблемы ограниченности ресурсов. Одна из них — теоретическая — связана с фактическим отказом от анализа содержательной стороны экономики и ограничения теоретических выкладок формальной стороной экономики.

Задаваясь вопросом «определить значение термина “экономический”, которое можно было бы использовать во всех социальных науках», К. Поланьи разделяет его содержательную и формальную стороны: «Применительно к человеческой деятельности термин “экономический” используется в двух значениях, имеющих разные корни. Мы будем называть их содержательным и формальным значениями. Содержательное значение [substantive meaning] экономического вытекает из факта зависимости человека от природы и других людей. Оно характеризует его взаимоотношения с природным и социальным окружением, которое обеспечивает ему средства удовлетворения материальных потребностей.

Формальное значение [formal meaning] термина “экономический” основывается на логическом характере связи между целями и средствами, являемой в таких понятиях, как “экономичный” или “экономить” [economical, economizing]. Оно подразумевает конкретную ситуацию выбора, а именно: выбора между различными способами использования средств, порождаемого их ограниченностью» [4. С. 44].

Сопоставление тезиса о содержательной и формальной сторонах «экономического» с трактовкой предмета экономической теории Лайонелом Роббинсом позволяет сделать вывод об ограничении рамок современного экономического анализа поиском рациональных способов сочетания факторов производства исключительно формальной стороной экономики.

Данное обстоятельство имеет определенные негативные последствия, поскольку экономическая теория, призванная выполнять познавательную, прогностическую, методологическую функции и не учитывающая «факта зависимости человека от природы и других людей», не может исследовать глубинную сущность экономических явлений, не может стать фундаментальной теоретической основой хозяйственного бытия и в этой связи не может быть использована в качестве инструмента «во всех социальных науках».

Выход за рамки формального подхода к экономической науке позволит, во-первых, уйти от абсолютизации проблемы ограниченности экономических ресурсов; во-вторых, ответить на вопрос о причинах такой ограниченности: «для знания важнее всего исследование причины, почему есть» [1. С. 283].

Противоположность ограниченности ресурсов — их безграничность. Интересный подход к оценке безграничности ресурсов мы находим в теории решения изобретательских задач: «Ресурс — это то, что есть в системе» [8. С. 76]. В качестве таковых представители теории решения изобретательских задач называют силу тяжести, силу упругости, центробежную силу, геометрическую форму тел, инерцию человеческого мышления, наконец, «Вечный Ресурс» — пустоту. И задача заключается в умении распорядиться тем, что уже дано по условиям задачи, — ресурсами.

Подчеркивая безграничность предоставленных в распоряжение человека ресурсов, триовцы используют понятие «идеальной машины», которая определяется как «машина, которой нет,

а ее функции выполняются». Аналогично определяют «идеальный технологический процесс» как «процесс, которого нет, а результат его — продукция — получается» [9. С. 34]. В своих воспоминаниях один из создателей советского танка Т-34 конструктор А. Морозов писал, что главным принципом работы руководимого им коллектива было: «Самой надежной, непоражаемой, легкой и дешевой является та деталь, которой нет в машине» [10].

Безграничность ресурсов связана с безграничностью самой природы. И коль скоро в состав экономических ресурсов входит земля, которую мы понимаем не только в узком смысле, как земную поверхность, пригодную для проживания человека и для любых видов хозяйственной деятельности и характеризующуюся определенной величиной территории, но и в широком смысле как природные ресурсы — объекты, процессы и условия природы, — используемые обществом для удовлетворения материальных и духовных потребностей людей, то справедливо предположить, что безграничны не только ресурсы технических систем, но и экономические ресурсы.

Вероятно, ограниченными эти ресурсы становятся в одном-единственном случае: когда человек уходит от использования сил природы и начинает бороться с этими силами. Полярный исследователь Фритьюф Нансен считал главной ошибкой своих предшественников то, что, стремясь на санях к Северному полюсу, они двигались через льды, дрейфовавшие мимо полюса к югу, то есть боролись с силами природы (ресурсами) вместо того, чтобы использовать их. Поэтому Нансен специально дал вмерзнуть в лед своему кораблю «Фраму» и стал дожидаться дрейфа. Так в начале прошлого века он приблизился к Северному полюсу ближе всех. Ту же безграничность сил природы (ресурсов) мы можем наблюдать в организации хозяйства скотоводов Средней Азии: табунщики издавна знают, что при пастьбе лошади бредут по ветру. И поэтому вечером направляют их пастись против ветра, чтобы утром животные вернулись сами [8. С. 58].

«Как только мы начинаем обсуждать управление потоками энергии, так сразу исчезают все трудности, — поток энергии, захватываемый тем или иным устройством, и является силой природы, поставленной на службу человеку взамен его мускульной силы, — отмечает С. А. Подолинский. — Никто не станет расходовать энергию на изготовление паруса, если он

не будет экономить мускульную силу гребцов — физиологический источник мощности, — заменяя эту мощность на улавливаемый поток энергии (мощность) ветра. Никто не станет строить ветряную или водяную мельницу, если эти затраты энергии не дадут экономии силы при помоле зерна за счет использования потока энергии (мощности) ветра или падающей воды!» [12].

Экстраполируя выводы о безграничности ресурсов в технических системах на экономику, можно предположить, что причина ограниченности экономических ресурсов кроется в особенностях экономического поведения людей, стремящихся не использовать в своей деятельности силы природы, а бороться с ними. Трудно рассчитывать на безграничность экономических ресурсов, если исходить из точки зрения, высказываемой по этому вопросу С. Н. Булгаковым: «Природа есть для нас чуждая и враждебная стихия, с которой нам приходится вести борьбу, отстаивая самое существование» [2. С. 242]. Исходить не из взаимодействия с природой, а из необходимости подчинения ее, когда «всякая победа над ней, всякое хозяйственное завоевание состоит в подчинении ее целям человеческого духа» [Там же].

Такой подход к взаимодействию природы и человека имеет своим следствием эгоистическое экономическое поведение человека, не учитывающее законы развития природы. Вот как определяет суть экономического поведения «Энциклопедия социологии»: «Экономическое поведение — это поведение, связанное с перебором экономических альтернатив с целью рационального выбора, то есть выбора, в котором минимизируются издержки и максимизируется чистая выгода... Исходя из баланса рациональности и эмоциональности своего мышления, индивиды предпринимают лишь те действия, которые принесут им наибольшую чистую пользу (то есть пользу за вычетом возможных затрат, связанных с этими действиями). В общении между собой, особенно по поводу распределения и потребления ограниченных экономических ресурсов, субъекты преследуют свои экономические интересы, удовлетворяют свои насущные потребности» [19].

В приведенном определении гипертрофируется роль эгоистического интереса. Мы настолько привыкли, что «не от благожелательности мясника, булочника или пивовара ожидаем получить свой обед, а от соблюдения ими своих собственных интересов», что даже не задумываемся, что хозяйственная деятельность человека на Земле

не может не влиять на развитие Вселенной и, следовательно, в этой своей деятельности человек просто обязан руководствоваться отнюдь не только «своими собственными интересами», но и знанием объективных законов мироздания. Не проявляется ли в ограниченности ресурсов несоответствие той экономической деятельности людей, которой они занимаются, законам функционирования Вселенной.

Таким образом, абсолютная ограниченность экономических ресурсов является следствием не согласованного с требованиями законов природы использования ресурсов, игнорирования первой компоненты содержательной стороны «экономического» — «факта зависимости человека от природы».

Обратимся к анализу второй компоненты содержательной стороны «экономического», а именно к «факту зависимости человека от других людей». Как представляется, атомизация (индивидуализация) экономического анализа, широкое использование метода робинзоад при исследовании экономических явлений — это еще одна предпосылка абсолютизации проблемы ограниченности экономических ресурсов в экономической науке. Парадокс заключается в том, что проблема ограниченности экономических ресурсов, как показывает история экономики, решалась не благодаря, а вопреки рациональному поведению (в том смысле, как оно понимается в маржинализме) — не за счет максимизирующего поведения эгоистически мыслящих экономических субъектов, а за счет «факта зависимости человека от других людей». И именно поэтому «индивиду в первобытном обществе не угрожает голодная смерть».

Таким образом, связь предмета экономической науки с редкостью экономических ресурсов является следствием чрезмерного увлечения формальной стороной экономики в ущерб ее содержательной стороне.

Возникает вопрос: каковы объективные причины фактического игнорирования «факта зависимости человека от природы и других людей» и сведения задач экономической науки к решению проблемы выбора «между различными способами использования средств, порождаемого их ограниченностью»?

Для ответа на данный вопрос обратимся к анализу причин несоответствия человеческих потребностей средствам их удовлетворения — экономическим ресурсам. Противоречие между

безграничными потребностями и ограниченными ресурсами может быть снято либо за счет первой стороны — потребностей, либо за счет второй — ресурсов. Неоклассический подход воспринимает безграничность человеческих потребностей аксиоматически. Вопрос об ограничении потребностей человека не ставится. Поэтому разрешение основного экономического противоречия рассматривается с точки зрения рационального использования ресурсов.

Существует другая точка зрения на соотношение «потребности — ресурсы»: «Если редкость возникает “со стороны спроса”, как мы бы выразились, то Аристотель приписывает это неверному представлению о хорошей жизни, связывающему ее со стремлением к изобилию материальных благ и наслаждений...» [4. С. 96]. Таким образом, осуждается сама идея безграничности потребностей.

Но, коль скоро такая идея получила широкое распространение в экономической теории, нужно знать причину. «Ошибочную концепцию неограниченных человеческих желаний и потребностей... Аристотель относит на счет... приобретения продуктов питания посредством коммерческих торговцев, что вводит деньги (money-making) в процесс поиска средств к существованию» [Там же].

К. Поланьи, характеризуя дорыночную экономику, писал: «Фактически все общества, известные антропологам и историкам, ограничивали рынки товарами в буквальном смысле этого слова» [Там же. С. 32]. Напротив, рыночная экономика — это не только рынок товаров, но также рынки земли и труда — создала новый тип общества. «В результате рыночный механизм стал определяющим для жизни общественного тела» [Там же].

Развивая мысль о наличии прямой связи между распространением товарно-денежных отноше-

ний и снятием ограничений на рост материальных потребностей человека, обратимся к известной критике теоретического наследия представителя австрийской школы экономической теории Ойгена фон Бем-Баверка Н. И. Бухариным в работе «Политическая экономия рантье». Развитие капитализма в конце XIX в. сопровождается невиданным ранее разнообразием всевозможных форм кредита, что приводит к образованию целого общественного класса, занимающегося торговлей деньгами, — класса рантье. «Этот слой буржуазии является паразитической буржуазией», характерная черта которого — «его отчужденность от хозяйственной жизни» [3. С. 19] и направленность на потребление. «...Буржуа-рантье ставит своей задачей разрешить прежде всего проблему потребления, и точка зрения потребления есть самая основная, самая характерная позиция австрийской школы и родственных ей течений» [Там же].

Таким образом, распространение товарно-денежных отношений за пределы торговли результатами человеческого труда, распространение отношений купли-продажи на сам труд, землю и капитал способствует расширению материальных потребностей человека за пределы разумных.

Подводя общий итог анализу проблемы ограниченности экономических ресурсов, обратим внимание на две причины такой ограниченности. Во-первых, «редкость средств» для удовлетворения человеческих потребностей является следствием исключения из экономического анализа его содержательной стороны, предполагающей зависимость человека от природы и от других людей. Во-вторых, тотальное распространение товарно-денежных отношений стимулирует чрезмерное развитие человеческих потребностей «стремлением к изобилию материальных благ и наслаждений».

Список литературы

1. Аристотель. Вторая аналитика // Аристотель. Соч. : в 4 т. Т. 2. — М. : Мысль, 1978. — 687 с.
2. Булгаков, С. Н. Труды по социологии и теологии : в 2 т. Т. 1. От марксизма к идеализму / С. Н. Булгаков. — М. : Наука, 1999.
3. Бухарин, Н. И. Политическая экономия рантье. Теория ценности и прибыли австрийской школы / Н. И. Бухарин. — М. : Орбита, 1988. — 191 с.
4. «Великая трансформация» Карла Поланьи: прошлое, настоящее, будущее / под общ. ред. Р. М. Нуреева. — М. : ГУ-ВШЭ, 2007. — 321 с.
5. Вернадский, В. И. Автотрофность человечества [Электронный ресурс] / В. И. Вернадский. — URL: http://vernadsky.lib.ru/e-texts/archive/Vernadsky_V.I._Avtotrofnost_Chelovechestva.html.
6. Вернадский, В. И. Биосфера и ноосфера / В. И. Вернадский. — М. : Айрис-пресс, 2004. — 576 с.

7. Вернадский, В. И. Научная мысль как планетное явление [Электронный ресурс] / В. И. Вернадский. — URL: <http://vernadsky.lib.ru/e-texts/archive/thought.html>.
8. Викентьев, И. Л. Лестница идей / И. Л. Викентьев, И. К. Кайков. — Новосибирск, 1992. — 104 с.
9. Злотин, Б. Л. Законы развития и прогнозирования технических систем / Б. Л. Злотин, А. В. Зусман. — Кишинев : Картя Молдовеняскэ, 1989.
10. Морозов, А. Чем больше отдаляется война / А. Морозов // Лит. газ. — 1985. — 27 февр.
11. Мосеева, Г. В. Ограниченность природных ресурсов и проблема экономического роста / Г. В. Мосеева, Н. М. Мосеева // Управление экон. системами. — 2009. — № 19. — С. 2—7.
12. Подолинский Сергей Андреевич. Мыслители отечества [Электронный ресурс]. — URL: http://lib.uni-dubna.ru/search/files/ur_podolinskii/~ur_podolinskii.htm.
13. Роббинс, Л. Предмет экономической науки / Л. Роббинс // THESIS. 1993. — Вып. 1. — С. 10—23.
14. Саймон, Дж. Неисчерпаемый ресурс / Дж. Саймон. — Челябинск : Социум, 2005.
15. Саймон, Дж. Л. Рост населения, повышение благосостояния, увеличение ресурсов, здоровая среда [Электронный ресурс] / Дж. Саймон. — URL: <http://r-e-e-d.com/simon-more-people/>.
16. Чесноков, В. С. Сергей Андреевич Подолинский [Электронный ресурс] / В. С. Чесноков. — М. : Наука, 2001. — URL: http://www.situation.ru/app/j_artp_219.htm.
17. Шабетник, В. Д. Фрактальная физика. Наука о мироздании [Электронный ресурс] / В. Д. Шабетник. — URL: <http://shabet.narod.ru/world.html>.
18. Шульц, Т. Экономика пребывания в бедности : нобелев. лекция 8 дек. 1979 г. [Электронный ресурс] / Т. Шульц. — URL: <http://um-mag.ru/wp-content/uploads/2011/05/Pages-56-68.pdf>.
19. Энциклопедия социологии [Электронный ресурс]. — URL: <http://slovari.yandex.ru/art.xml?art=sociology/soc/soc>.
20. Schultz, T. W. The Declining Economic Importance of Land / T. W. Schultz // Economic J. — 1951. — Vol. LXI, December.

Сведения об авторе

Макарова Людмила Ивановна — кандидат экономических наук, доцент кафедры экономической теории и регионального развития Челябинского государственного университета, Челябинск, Россия. bmlj@yandex.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2016. No. 6 (388). *Economic Sciences. Iss. 53. Pp. 19—26.*

TO THE QUESTION OF THE LIMITED ECONOMIC RESOURCES

L.I. Makarova

Chelyabinsk state University, Chelyabinsk, Russia. bmlj@yandex.ru

The purpose of the study is to determine the reason for the limited resources. In the present work an attempt was made to overcome in modern economic science the practice of absolutism formal part of the economy (concentration on the problem of choice between different ways of using tools) at the expense of its content side (the study of economic activity through the prism of human dependence on nature and from other people). As a result of the analysis identified two reasons for the limited economic resources: exclusion from economic analysis of its content, suggesting the dependence of man from nature and from other people; total distribution of commodity-money relations, stimulating excessive development of human needs.

Keywords: *limited resources, infinity needs, the basic contradiction of the economy.*

References

1. Aristotel'. Vtoraya analitika [The second analyst]. *Sochineniya v 4 t. T. 2* [Works in 4 vol. Vol. 2]. Moscow, Mysl' Publ., 1978. 687 p. (In Russ.).
2. Bulgakov S.N. *Trudy po sotsiologii i teologii v 2 t. T. 1. Ot marksizma k idealizmu* [Works on sociology and theology in 2 vol. Vol. 1. From Marxism to idealism]. Moscow, Nauka Publ., 1999. (In Russ.).

3. Bukharin N.I. *Politicheskaya ekonomiya rant'ye. Teoriya tsennosti i pribyli avstriyskoy shkoly* [The political economy of the rentier. Theory of value and profits of the Austrian school]. Moscow, Orbita Publ., 1988. 191 p. (In Russ.).
4. *Velikaya transformatsiya Karla Polan'i* [The great transformation Karl of Polany]. Moscow, 2006. 321 p. (In Russ.).
5. Vernadskiy V.I. *Avtotrofnost' chelovechestva* [The autotrophy of humanity]. Available at: http://vernadsky.lib.ru/e-texts/archive/Vernadsky_V.I._Avtotrofnost_Chelovechestva.html (In Russ.).
6. Vernadskiy V.I. *Biosfera i noosfera* [The biosphere and the noosphere]. Moscow, Ayris-press Publ., 2004. 576 p. (In Russ.).
7. Vernadskiy V.I. *Nauchnaya mysl' kak planetnoye yavleniye* [Scientific thought as a planetary phenomenon]. Available at: <http://vernadsky.lib.ru/e-texts/archive/thought.html> (In Russ.).
8. Vikent'ev I.L., Kaykov I.K. *Lestnitsa idey* [Staircase ideas]. Novosibirsk, 1992. 104 p. (In Russ.).
9. Zlotin B.L., Zusman A.V. *Zakony razvitiya i prognozirovaniya tekhnicheskikh system* [The laws of development and forecasting of technical systems]. Kishinev, Kartya Moldovenyaskye Publ., 1989. (In Russ.).
10. Morozov A. Chem bol'she otdalyaetsya vojna [The more distant the war]. *Literaturnaya gazeta* [Literaturnaya gazeta], 1985, February 27. (In Russ.).
11. Moseyeva G.V., Moseyeva N.M. Ogranichennost' prirodnykh resursov i problema ekonomicheskogo rosta [Limited natural resources and the problem of economic growth]. *Upravleniye ekonomicheskimi sistemami* [Economic systems management]. 2009, no. 19, pp. 2—7. (In Russ.).
12. *Podolinskiy Sergey Andreyevich. Mysliteli Otechestva* [Podolinsky Sergey Andreevich. Thinkers of the Fatherland]. Available at: http://lib.uni-dubna.ru/search/files/ur_podolinskii/~ur_podolinskii.htm (In Russ.).
13. Robbins L. Predmet ekonomicheskoy nauki [The subject of Economics]. *THESIS* [THESIS]. 1993, no. 1, pp. 10—23. (In Russ.).
14. Saymon Dzh. *Neischerpaemyy resurs* [An inexhaustible resource]. Chelyabinsk, Sotsium Publ., 2005. (In Russ.).
15. Saymon Dzh.L. *Rost naseleniya, povysheniye blagosostoyaniya, uvelicheniye resursov, zdorovaya sreda* [Population growth, increasing prosperity, increasing resources, healthy environment]. Available at: <http://r-e-d.com/simon-more-people/> (In Russ.).
16. Chesnokov V.S. *Sergey Andreyevich Podolinskiy* [Sergey Andreevich Podolinsky]. Moscow, Nauka Publ., 2001. Available at: http://www.situation.ru/app/j_artp_219.htm. (In Russ.).
17. Shabetnik V.D. *Fraktal'naya fizika. Nauka o mirozdanii* [Fractal physics. The science of the universe]. Available at: <http://shabet.narod.ru/world.html> (In Russ.).
18. Shul'ts T. *Ekonomika prebyvaniya v bednosti: Nobelevskaya lektsiya 8 dekabrya 1979 goda* [Economics of poverty. Nobel lecture, December 8, 1979]. Available at: <http://um-mag.ru/wp-content/uploads/2011/05/Pages-56-68.pdf> (In Russ.).
19. *Entsiklopediya sotsiologii* [Encyclopedia of the sociology]. Available at: <http://slovari.yandex.ru/art.xml?art=sociology/soc/soc> (In Russ.).
20. Schultz T.W. The Declining Economic Importance of Land. *Economic Journal*. 1951, no. LXI, December.

Вестник Челябинского государственного университета.
2016. № 6 (388). Экономические науки. Вып. 53. С. 27—35.

УДК 332.1
ББК У050.14

ОТКРЫТЫЕ РЕЙТИНГИ В ОЦЕНКЕ РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ

С. С. Гордеев

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

Рассмотрены проблемы анализа, оценок, прогнозирования развития сложных экономических систем в условиях экономической нестабильности. Изложены общие требования к задачам анализа, оценок, прогнозирования в таких условиях. Определены общие положения информационной адаптации и развития инструментария задач оценки для условий неопределенности и недостатка информации. Представлены вопросы детализации и проблемной ориентации экономических и смежных междисциплинарных исследований, применения специализированных информационно-адаптированных методических подходов к решению задач анализа, оценки и прогнозирования. Обосновано использование в сложных проблемных ситуациях требований доверия и открытости, формирования развернутых рейтингов с максимально достоверной информацией и прозрачными принципами построения, наглядно представляющих развернутую информацию. Изложены основы построения открытых, максимально информационно насыщенных рейтингов. Рассмотрен пример построения открытых рейтингов для двадцати наиболее репрезентативных ведущих регионов России (по данным Росстата). На примере рейтингов изменения вектора развития ведущих индустриальных регионов дана оценка трех ключевых аспектов текущего развития: динамики реальной экономики, социальных последствий, структурных изменений.

Ключевые слова: *динамика, оценки, рейтинги, регионы, информация.*

Изменчивость в различных сферах социально-экономического развития в настоящее время заметно возрастает. Структурный кризис как конфликт между старой структурой экономики и требованиями меняющейся рыночной среды и новых технологий порождает множество перемен в самых различных сферах. Меняются динамика и пропорции множества показателей, обеспечивающих развитие и устойчивость в общем случае для сложных социо-эколого-экономических систем (далее — экономические системы) и их составляющих. Масштабы подобных перемен значительны [1]. Неизбежна длительность всего периода структурных преобразований и становления новых, пока неизвестных трендов.

Кризисные процессы в структуре российской экономики массово и явно проявились в 2015 г. Однако в отдельных случаях они стали заметны уже после кризиса 2009 г. То обстоятельство, что в современной российской экономике проявляется немало прежних нерешенных структурных проблем наследия СССР, значительно усложняет ситуацию и затрудняет использование классических рыночных механизмов регулирования.

Экономические проблемы по-разному отражаются на различных субъектах хозяйственной деятельности — от сравнительно простых, уровня локального предприятия, до национальных экономик и транснациональных структур. В перспективе вопросы экономического развития во многом пересекаются с вопросами жизнеобеспечения и с неизбежными при негативных сценариях болезненными социально-экономическими проблемами. Все эти обстоятельства обуславливают необходимость соответствующих перемен в решении самых разнообразных задач анализа, оценки и прогнозирования состояния экономических систем (далее — задачи оценки).

Общие требования к задачам оценки в условиях экономической нестабильности. В период глобальных структурных экономических изменений и кризисных процессов поиск решения задач оценки осложняется множеством перемен и нестандартных ситуаций в динамике развития. Здесь затрагиваются не только вопросы текущих скачков, но и новые долгосрочные тренды стратегического развития. В отличие от краткосрочных рыночных кризисов в виде спада

и восстановления (кризис с динамикой показателей типа V) структурный кризис (с динамикой показателей типа L), предполагающий долгосрочные структурные преобразования, обуславливает ряд далеко идущих и сложно прогнозируемых взаимосвязанных последовательностей изменений. Такие последствия распространяются с макроэкономического на микроэкономический уровень и с отраслевого на территориальный.

Принципиальным моментом здесь является смена динамики ключевых секторов экономики. В период кризисных структурных изменений для отдельных показателей динамики весьма вероятны отдельные провалы — годовой спад на 10 % и более. Далее возникают риски локальных диспропорций с соответствующими негативными последствиями. Возможности выравнивания локальных диспропорций при «около нулевой» динамике общего низкого роста заметно ограничены. В подобной ситуации взаимное наложение локальных диспропорций может серьезно изменить ключевые условия и тренды экономического развития. В целом проблема корректности определения и точности оценок явно обостряется.

Экономическая нестабильность в конечном итоге отражается в информационной нестабильности и недостатке информации для принятия решений. Возникают проблемы: выбора показателей, адекватно отображающих динамично меняющуюся ситуацию, корректности значений исходных данных. В рассматриваемых условиях экономической нестабильности меняются многие характеристики информационной среды по формированию оценок. В подобных случаях возникает общая проблема репрезентативности отражения рассматриваемой ситуации при оценке.

Повышение точности оценок предполагает более детальное изучение особенностей рассматриваемой ситуации. Поиск решений в таких условиях предполагает как увеличение числа рассматриваемых характеристик, так и их более значительную детализацию. Фактически речь идет о неизбежном росте размерности задач оценки, проблемно ориентированное изучение предполагает соответствующую информационную адаптацию задач оценки. Необходимые поправки в таких ситуациях могут быть введены различными путями. Подобная информационная адаптация затрагивает как постановку задач, так и инструментарий оценки и может иметь множество форм реализации: от корректировки отдельных граничных условий до появления новых вариантов

формализации рассматриваемых явлений и кардинальной смены постановок задач с иными методами их решения. В общем случае речь идет о более глубоком, проблемно ориентированном изучении рассматриваемых изменений.

Информационная адаптация и развитие инструментария задач оценки в условиях неопределенности и недостатка информации. Проблемно ориентированная адаптация в условиях экономической и последующей информационной нестабильности основывается на общих положениях, но в каждом конкретном случае прежде всего определяется общими характеристиками и спецификой проблем рассматриваемых в задачах оценки. Проблемная ориентация предполагает более глубокое исследование многих взаимосвязей, что иногда требует качественно новых исследований и отхода от определенных стереотипов. Именно некорректное использование стереотипов в вопросах экономического анализа, оценки и прогнозирования приводит к появлению «черных лебедей» — непрогнозируемых, прежде не отмеченных ситуаций.

Для рассматриваемых в дальнейшем вопросов регионального анализа подобных ситуаций может быть множество. Исследования динамики индустриальных субъектов РФ (Свердловская и Челябинская области) за последние годы показали присутствие различных специфических моментов. Среди них: точки резкой смены динамики в показателях отдельных аспектов развития (точки перелома трендов), взлет отдельных «мегаточек роста», противоречия устойчивости развития и проявления новых видов рисков, стагнация отдельных показателей жизнеобеспечения [2; 3]. Помимо отмеченных, в нестандартных условиях будут проявляться многие другие, прежде малозаметные моменты анализа, оценок, прогнозирования. Многие ограничения развития экономики советских времен реальны до сих пор (пространственное размещение предприятий, структура связей по кооперации, существование неэффективных старопромышленных территорий и моногородов).

Для неоднородных экономических систем с большим количеством ограничений развития (к их числу относятся региональные) первым требованием информационной адаптации становится более детальная, проблемно ориентированная классификация всех рассматриваемых экономических систем. Результатом становится отбор для оценки значительно более однород-

ных подмножеств с соответствующими характеристиками.

Далее необходима соответствующая адаптация инструментария поиска решений. В первую очередь это касается уже известного и опробованного на практике инструментария. Среди них: классические экономико-математические балансовые модели (например, региональные межотраслевые модели [4]), разнообразные методы оптимизации и поиска эффективных решений [5], модели централизованного управления сложными экономическими системами [6], универсальные статистические методы прогнозирования [7] и более сложные эконометрические модели [8], методы эконометрики в привязке к информационным технологиям [9].

В нестандартных условиях экономического развития решение многих задач анализа, оценки и прогнозирования затрагивает специфические и междисциплинарные вопросы. При нестабильности и в условиях управленческих преобразований к таким вопросам можно отнести: анализ и оценку рисков [10], анализ состояния институциональной среды и развития институтов [11].

В итоге в управленческой практике, как правило, наблюдается некоторый симбиоз различных моделей и методов. Причем здесь речь идет как о привязке отдельных элементов инструментария, так и о его масштабной перестройке. На практике развитие тех или иных элементов инструментария определяется прежде всего возможностью его адаптации в реальной информационной среде. Здесь операции по обработке информации, обычно рассматриваемые как вспомогательные, становятся одними из ключевых составляющих инструментария поиска решений.

В современных условиях именно информационная составляющая обеспечивает форму представления результата. На классический вариант представления цифровых результатов в условиях развитой информационной среды для формирования оценок дополнительно накладывается процедура оптимизации структуры выходной информации (по объему, составу и форме представления). Здесь затрагиваются как наиболее общие информационные вопросы [12], так и специализированные, связанные с визуализацией [13] (графическим представлением данных). К ним относятся уже апробированные в рамках принятия решений при управлении различными бизнес-процессами средства инфографики.

Подобное отражает общую тенденцию развития методологии оценок — насыщения процедур

принятия решений элементами информационных технологий. Здесь визуализация непосредственно связана с обеспечением прозрачности эвристических действий. В такой информационно адаптируемой постановке решение задач более соответствует одному из фундаментальных требований общественного развития доверия, в данном случае доверия к оценкам.

Таким образом, в общем случае речь идет о дополнении классических положений методологии системного анализа сложных систем в условиях нестабильности и недостатка информации новыми положениями, связанными с детализацией и проблемной ориентацией экономических и смежных междисциплинарных исследований, применением специализированных информационно адаптированных методических подходов. Здесь в рамках единого проблемно ориентированного информационного процесса осуществляется интеграция многих вопросов, в том числе междисциплинарных.

В рамках интеграции множества вопросов, задач оценки (региональных и других сложных систем и с проблемами формализации) возрастает роль универсальных интегрирующих подходов: методологии «мягких» систем с организацией исследований в рамках процесса [14], многокритериальных оценок (как простых ранговых оценок, так и более сложных Парето-оптимальных [15]), «гибких» итерационных и эвристических диалоговых алгоритмов поиска решений в среде «человек — компьютер». Использование подобных принципов обуславливает заметно более сложные требования к рассмотрению смежных междисциплинарных вопросов. Это прежде всего формализация и построение программного обеспечения для получаемого нового варианта адаптированного инструментария [16].

Такое направление в метрологии решения задач оценки с интеграцией междисциплинарных вопросов на общей информационной базе становится одной из важных предпосылок кардинальных преобразований в системах управления. Конечным результатом подобного решения задач оценки становится непосредственное повышение результативности соответствующих звеньев систем управления.

Рассмотренное направление развития методологии анализа и оценки экономических перспектив имеет множество различных вариантов реализации, в том числе на региональном уровне. Ниже в статье рассмотрены основные положения

и результаты одного из таких вариантов реализации — построение открытых рейтингов регионов.

Особенности применения рейтинговых оценок в условиях изменчивости национальных трендов. Серьезные изменения на глобальных рынках и структурный кризис российской экономики требуют пересмотра ключевых параметров анализа динамики многих экономических систем, включая региональные. Непростая даже при равномерном росте задача оценки перспектив развития регионов (субъектов РФ) как неоднородных, сложных, открытых социально-экономических систем, имеющих множество внутренних, часто скрытых противоречий и дисбалансов, в нынешних условиях многократно усложняется. Это требует обновления даже наиболее общих ранее намеченных ориентиров, поэтому вопрос о развитии инструментария мониторинга и оперативного анализа (вариант рассмотренных выше задач оценки) для таких систем выходит на первый план.

В данном случае сведение результатов многих неоднородных социально-экономических процессов к «главному» стоимостному показателю на уровне региона практически невозможно. В анализе тенденций территориального развития более продуктивно сравнительное сопоставление территорий с формированием соответствующих относительных оценок — рейтингов в формате числовых и порядковых показателей. Их первичной задачей является максимально корректное определение ключевых направлений анализа, а конечной целью — выявление узких мест и оптимизация бизнес-процессов с формированием более эффективных социально-экономических отношений и структур управления.

Рейтинги как универсальный инструментарий, отражающий независимую оценку и ранжирование субъектов экономики, достаточно давно получили признание прежде всего в среде бизнес-аналитики, банковской и финансовой деятельности. Здесь они базируются на официальной финансовой отчетности, дополненной квалифицированными экспертными оценками. Составителями бизнес-рейтингов, вошедших в международную практику, являются в первую очередь наднациональные рейтинговые агентства (такие как Fitch, Moody's, Standard and Poor's), международные аудиторские компании (Price water house Coopers, Deloitte, Ernst&Young, KPMG) и ряд других аудиторско-консалтинговых и специализированных рейтинговых структур.

В целом подобные рейтинги, формируемые в соответствии со сложившейся практикой, в большей мере касаются финансового аспекта, являются специализированными и не отражают всех сторон развития, в особенности — специфики российских региональных экономических процессов. Периодически появляющиеся тематические отраслевые и социальные рейтинги (в том числе ведущих агентств: «Рейтинговое агентство RAEX» — «Эксперт РА» [17] и РИА «Рейтинг» [18]) дополняют финансовые. Но даже в совокупности они не дают развернутых комплексных оценок по регионам.

Построение рейтингов прочих важных аспектов комплексного социально-экономического развития, например инвестиционной привлекательности регионов, на сегодня недостаточно систематизировано и обоснованно. Здесь происходит наложение множества тем и институциональной среды, что связано с противоречивостью и дискуссионностью ряда положений по оценке инвестиционного потенциала и региональных рисков. Поэтому практическая полезность даже самых проработанных рейтингов (например: рейтинг инвестиционной привлекательности регионов 2015 г. [19]) совокупно для бизнеса, власти и общества на сегодня невысока.

В современных условиях ломки многих ранее сложившихся трендов развития значение и сложность корректной оперативной оценки ситуации и роли точек слома трендов, меняющих динамику и перспективы развития регионов, увеличиваются также многократно. При существующих методиках построения рейтингов, базирующихся в основном на финансовой информации, неизбежно снижение точности оценок.

Основы построения открытых рейтингов. В условиях нестабильности, когда неоднородность быстро растет внутри как многих рассматриваемых объектов и процессов, так и показателей их динамики, более перспективными становятся новые подходы, связанные с построением открытых, максимально информационно насыщенных рейтингов, наглядно содержащих развернутую информацию о текущих изменениях. Построение подобных рейтингов базируется на рассмотренной выше междисциплинарной интеграции управленческих и информационных технологий в процесс формирования экономических оценок.

Такая методика предполагает постепенно детализируемую постановку задачи (в соответ-

ствии с методологией «мягких» систем), агрегацию данных с использованием рейтинговых технологий и представление имеющихся данных в максимально концентрированной форме с визуализацией результатов (отражение важнейших причинно-следственных связей средствами инфографики). В ряде случаев, при ориентации на проблемы и более точной настройке, подобные открытые развернутые рейтинги становятся важным уточняющим дополнением стандартных.

Открытые проблемно ориентированные рейтинги сохраняют наглядность и удобство применения обычных рейтингов, базирующихся на закрытых экспертных оценках, и в то же время по объективности приближаются к таблицам с ранжированными значениями показателей (ранкинги). Именно увязанная проблемно ориентированная система подобных таблиц в данном случае является базой для формирования оценок.

Построение таких рейтингов с развернутой причинно-следственной информацией во многом определяется компромиссом между требованиями корректного экономического анализа и существующими информационными ограничениями (возможностью технологий обработки и отображения наиболее значимой информации). В рамках такого компромисса значительная часть экспертной деятельности происходит на стадии организации оценки: выбора наиболее значимых в текущей ситуации (актуальных) показателей, формирования открытого алгоритма оценки, определения структуры и формата представления информации. Подобный перенос части экспертной деятельности на определяющие начальные стадии работы без привязки к конкретным проектам и их социально-политической значимости повышает объективность итоговых оценок открытого рейтинга.

Следует учитывать, что практическая ценность результатов анализа и оценки во многом определяется степенью доверия к ним всех заинтересованных сторон в системе «общество — бизнес — власть». При рассмотрении сложных проблемных ситуаций именно требование доверия и открытости обуславливает методологию формирования развернутых рейтингов с максимально достоверной информацией и прозрачными принципами построения.

Требование доверия к рейтингам во многом определяет методику их формирования. Здесь к общим условиям добавляются ограничения по качеству (репрезентативности) имеющейся ста-

тистической информации, что повышает требования к корректности структуры информации (выбор подмножества сопоставляемых показателей) и однородности информационного наполнения, включая правила классификации и представления данных. Отмеченные информационные ограничения предполагают наличие специализированного, гибкого программного обеспечения, открытого для адаптации при смене любых условий.

В рассматриваемом случае вся совокупность проблемных экономических вопросов и реальных информационных ограничений определяет главную особенность построения рассмотренных открытых рейтингов.

Это рейтинги для возможно более однородного подмножества индустриальных субъектов РФ по скользящим трехлетним периодам по ряду ключевых показателей с классификацией и визуализацией результатов средствами инфографики и дополнительными характеристиками анализируемой динамики.

Рейтинги ведущих индустриальных регионов России по изменению ключевых показателей вектора экономического развития. Выбранные для рейтинга показатели рассматриваются как индикаторы динамики и структурных изменений в качестве точки отсчета для анализа и оценки перспектив экономического развития региона. При формировании подмножества из двадцати наиболее репрезентативных ведущих регионов России рассмотрены (по данным Росстата [20]) наиболее значимые индустриальные регионы Северо-Запада и Центра России, Поволжья, Урала и Сибири. Для сглаживания колебаний в условиях экономической нестабильности и волатильности параметров использованы скользящие показатели трехлетних периодов (с 2012 г. по текущий момент 2016 г.).

Критерием оценки при построении рейтинга является величина итогового прироста значений показателей (в процентах) за последние три полных года (2013—2015). Состав и структура построения таблиц определяются доступностью информации (актуальностью статистической отчетности).

В предлагаемом варианте при использовании актуальной (ежемесячной) информации рейтинги становятся ключевым элементом мониторинга текущей социально-экономической ситуации. Для этого в дополнение к рейтинговой оценке дается детализация показателей трехлетних периодов — как тренда предыдущего года (2012—

2014), так и экстраполяции прогнозного периода (2014—2016) по текущему тренду. Для наглядности сопоставления информация дается по ежегодным изменениям (годовой прирост).

В рейтингах изменения вектора развития ведущих индустриальных регионов дана оценка трех ключевых аспектов текущего развития:

- динамики реальной экономики;
- социальных последствий;
- структурных изменений.

Рассмотрены по одной характеристике текущей динамики экономики и социума (динамика производства и динамика платежеспособного спроса на потребительском рынке) и три показателя, характеризующие структурные изменения (динамика экспорта продукции, динамика инвестиций, динамика малого и среднего бизнеса).

Всего рассмотрено три аспекта регионального развития, с соответствующими видами оценки и показателями (в таблице).

Положения по оценке изменения вектора регионального развития

Аспект анализа	Характеристика динамики развития (виды оценки)	Показатели
Динамика реальной экономики	Оценка динамики промышленного производства	Прирост индекса промышленного производства (всего)
Социальные последствия	Оценка развития регионального потребительского рынка	Прирост оборота розничной торговли (в сопоставимых ценах)
Структурные изменения	Оценка поставки конкурентоспособной продукции в существующих условиях глобального рынка	Прирост экспорта во внешней торговле (всего, в млн долл. США, без экспорта субъектов РФ в торговле с республиками Беларусь и Казахстан)
	Оценка масштабов технического переоснащения в реальной экономике	Прирост инвестиций в основной капитал (за счет всех источников финансирования, в млн р., включая затраты на централизованное приобретение машин и оборудования, транспортных средств, не включенных в сметы строек, по полному кругу хозяйствующих субъектов)
	Оценка участия населения в развитии малого и среднего бизнеса	Прирост среднесписочной численности работников на предприятиях малого и среднего бизнеса

	итог в % за три года 2012-2014гг.	итог в % за три года 2013-2015гг.	годовой в % 2014г.	годовой в % 2015г.	годовой в % 2016г.	итог в % за три года 2014-2016гг.
1 Московская область	17,9	10,0	3,9	0,6	5,2	10,0
2 Красноярский край	21,4	9,8	1,9	-1,1	-0,2	0,6
3 Нижегородская область	9,3	7,5	0,6	2,4	2,3	5,4
4 Омская область	9,9	7,2	3,5	0,6	-3,3	0,7
5 Республика Башкортостан	11,8	6,8	3,2	0	-1,9	2,3
6 Пермский край	8,9	5,9	4,3	-0,6	0,7	4,4
7 Республика Татарстан	8,6	2,0	0,6	0,4	2,2	3,2
8 Челябинская область	5,6	1,7	3,9	0,0	-5,9	-4,2
9 Курганская область	9,3	0,5	-1,9	1,6	-6,9	-7,2
10 Липецкая область	7,0	0,4	1,9	0,7	1,6	4,3
11 Удмуртская Республика	4,8	0,0	0,9	1,1	19,5	18,0
12 Волгоградская область	5,5	-0,1	0,7	-0,8	4,0	3,9
13 Тюменская область	-0,7	-0,2	0,7	-0,2	2,4	1,5
14 Самарская область	2,3	-0,7	0,7	-0,8	-4,7	-6,1
15 Свердловская область	12,6	-1,1	0,8	0,7	23,6	20,0
16 Российская Федерация	5,6	-1,4	1,7	0,4	-0,7	-2,4
17 Калужская область	18,2	-2,5	2,9	0,1	-2,9	-9,2
18 Томская область	0,1	-4,3	0,1	-0,6	-0,1	-0,6
19 Ленинградская область	-1,4	-7,5	0,1	-0,9	5,5	4,7
20 Оренбургская область	-1,2	-10,3	0,2	0,2	-6,8	-13,4
21 г.Москва	-7,0	-12,1	-4,1	-1,1	-6,2	-14,3
22 г.Санкт-Петербург	5,3	-16,2	-8,2	0,3	1,1	-14,0

Рис. 1. Рейтинг регионов по приросту объемов промышленности: прирост индекса промышленного производства за три года (2013—2015) с оценкой трендов текущего года

В рассматриваемом варианте в зависимости от актуальности ежемесячной информации для представленных показателей используется два типа таблиц. Расширенные таблицы (рис. 1) дополнены элементами экстраполяции и прогноза по актуальным трендам текущего года.

Стандартные из-за ограничений, связанных со снижением актуальности информации (в данном случае при задержке статистической отчетности на два месяца) на момент оценки (период 1-го квартала текущего года) содержат только оценки сложившихся трендов (рис. 2).

	итог в % за три года 2012 - 2014гг.	итог в % за три года 2013- 2015гг.	годовой в % 2014г.	годовой в % 2015г.
1 Удмуртская Республика	9,8	10,3	4,8	0,2
2 Липецкая область	10,5	8,3	3,8	-1,7
3 Самарская область	8,5	4,4	0,4	5,8
4 Омская область	4,5	4,2	4,1	0,0
5 Республика Башкортостан	11,2	0,8	0,9	0,2
6 г.Санкт-Петербург	-0,1	0,3	-0,3	-0,3
7 Калужская область	21,0	-0,1	2,9	-6,1
8 Московская область	-1,6	-0,4	0,6	-0,8
9 Красноярский край	4,5	-0,7	5,8	-4,2
10 Томская область	-6,7	-1,8	-2,2	-1,4
11 Российская Федерация	-0,1	-2,3	-0,2	-1,5
12 г.Москва	11,2	-3,6	-0,6	-1,7
13 Республика Татарстан	-0,9	-3,6	-0,8	-2,0
14 Свердловская область	-3,4	-3,6	-4,2	0,7
15 Оренбургская область	3,7	-3,9	-1,4	-0,6
16 Тюменская область	-10,3	-4,4	-4,1	1,5
17 Ленинградская область	-3,3	-4,8	0,8	-2,4
18 Пермский край	0,0	-5,8	-2,1	-2,2
19 Нижегородская область	-1,1	-6,0	-1,9	-4,8
20 Курганская область	-2,0	-7,8	-4,7	-7,9
21 Челябинская область	-4,6	-7,9	-2,0	-3,1
22 Волгоградская область	-8,7	-10,1	1,9	-7,4

Рис. 2. Рейтинг регионов по приросту среднесписочной численности работников на предприятиях малого и среднего бизнеса за три предшествующих года (2013—2015)

Все вышесказанное в рассмотренном примере открытых рейтингов в конечном результате создает основы для более подробного анализа, сравнения и дальнейшей детализации проблем развития в регионах. Это касается широкого спектра вопросов: от анализа конкретных рисков до корректировки приоритетов инве-

стиционной политики и взаимодействия общества и бизнеса с властью. Все это указывает как на широкие возможности использования открытых рейтингов в практике управления, так и на все расширяющиеся возможности информационно адаптированного инструментария поиска решений [21].

Список литературы

1. Российская экономика в 2014 году. Тенденции и перспективы. Вып. 36. — М. : Изд-во Ин-та Гайдара, 2015. — 576 с.
2. Гордеев, С. С. Риски интеграции точек роста в экономику региона / С. С. Гордеев, А. В. Кочеров, А. В. Подопригора // Вестн. Челяб. гос. ун-та. — 2015. — № 18 (373). Экономика. Вып. 51. — С. 65—73.
3. Устойчивое развитие региона в изменчивой внешней среде / С. С. Гордеев [и др.] // Социум и власть. — 2015. — № 2 (52). — С. 48—55.
4. Гранберг, А. Г. Основы региональной экономики / А. Г. Гранберг. — М. : ГУ ВШЭ, 2004. — 495 с.
5. Интрилигатор, М. Математические методы оптимизации и экономическая теория / М. Интрилигатор. — М. : Прогресс, 1975. — 607 с.
6. Мэнеску, М. Экономическая кибернетика / М. Мэнеску. — М. : Экономика, 1988. — 230 с.
7. Четыркин, Е. Н. Статистические методы прогнозирования / Е. Н. Четыркин. — М. : Статистика, 1975. — 200 с.

8. Шаттелес, Т. Современные эконометрические методы / Т. Шаттелес. — М. : Статистика, 1975. — 239 с.
9. Воскобойников, Ю. Е. Эконометрика в EXCEL : учеб. пособие. Ч. 1 / Ю. Е. Воскобойников. — Новосибирск : НГАСУ, 2005. — 77 с.
10. Мадера, А. Г. Риски и шансы: неопределенность, прогнозирование и оценка / А. Г. Мадера. — М. : КРАСАНД : УРСС, 2014. — 448 с.
11. Попов, Е. В. Институты / Е. В. Попов. — Екатеринбург : Ин-т экономики УрО РАН, 2015. — 712 с.
12. Моисеев, Н. Н. Универсум. Информация. Общество / Н. Н. Моисеев. — М. : Устойч. мир, 2001. — 200 с.
13. Роэм, Д. Практика визуального мышления / Д. Роэм. — М. : МИФ, 2013. — 369 с.
14. Checkland P. Soft systems methodology in action / P. Checkland, J. Scholes. — New Jersey (USA) : John Wiley and Sons, Ltd., 2005.
15. Ногин, В. Д. Принятие решений в многокритериальной среде: количественный подход / В. Д. Ногин. — М. : Физматлит, 2002. — 175 с.
16. Коберн, А. Современные методы описания функциональных требований к системам / А. Коберн. — М. : Лори, 2002. — 266 с.
17. Рейтинговое агентство RAEX (Эксперт РА) [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.raexpert.ru/> (дата обращения: 12.05.2016).
18. РИА РЕЙТИНГ [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.riarating.ru/> (дата обращения: 12.05.2016).
19. Рейтинг инвестиционной привлекательности регионов 2015 года [Электронный ресурс] // Рейтинговое агентство RAEX (Эксперт РА). — URL: <http://www.raexpert.ru/ratings/regions/2015/#tab1> (дата обращения: 12.05.2016).
20. Информация для ведения мониторинга социально-экономического положения субъектов Российской Федерации [Электронный ресурс]. — URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1246601078438 (дата обращения: 12.05.2016).
21. Гордеев, С. С. Поиск социо-эколого-экономических решений в информационной среде / С. С. Гордеев // Вестн. Челяб. гос. ун-та. — 2013. — № 8 (299). Экономика. Вып. 40. — С. 47—52.

Сведения об авторе

Гордеев Сергей Сергеевич — кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, руководитель научно-образовательного центра «Развитие региональных социально-экономических систем» Института экономики Уральского отделения РАН и Челябинского государственного университета, Челябинск, Россия. sgordeev222@mail.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2016. No. 6 (388). Economic Sciences. Iss. 53. Pp. 27—35.

OPEN RATINGS IN EVALUATION OF THE REGIONS

S.S. Gordeev

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. sgordeev222@mail.ru

Problems of analysis, assessment, forecasting the development of complex economic systems in the conditions of economic instability are considered. The general requirements for the analysis of problems, assessment, forecasting in such conditions identified. Determined the general provisions of the info adaptation and development tools of evaluation tasks under conditions of uncertainty and lack of information. Presents questions of detail and problem-oriented economic and related interdisciplinary research, the use of specialized information — adapted methodological approaches to solving problems of analysis, evaluation and forecasting. Sound management of complex problem situations in the requirements of the trust and openness, formation deployed ratings with maximum reliable information and transparent principles of construction, clearly representing the detailed information. The foundations of the construction of the most information-intensive public ratings. An example of the construction of public ratings for the twenty most representative of the leading regions of Russia (according to Rosstat). For example, the vector changes the ratings of the leading in-

dustrial regions, assessed in three key aspects of this development: the dynamics of the real economy; social impacts; structural changes. The problem of assessing the sustainability of the economic and financial system of industrial enterprise in the current economic crisis, involving long-term structural changes and causes new specific risks.

Keywords: *dynamics, evaluations, ratings, regions, information.*

References

1. *Rossiyskaya ekonomika v 2014 godu. Tendentsii i perspektivy* [The Russian economy in 2014. Trends and Prospects]. Moscow, Gaydar Institute Publ., 2015. 576 p. (In Russ.).
2. Gordeev S.S., Kocherov A.V., Podoprigora A.V. Riski integratsii toчек rosta v ekonomiku regiona [Integration risks of growth points in regional economy]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University], 2015, no. 18 (373), pp. 65—73. (In Russ.).
3. Gordeev S.S. [et al.]. Ustoychivoye razvitiye regiona v izmenchivoy vneshney srede [Stable regional development in changing environment]. *Sotsium i vlast'* [Socium and Power], 2015, no. 2 (52), pp. 48—55. (In Russ.).
4. Granberg A.G. *Osnovy regional'noy ekonomiki* [Basics of regional economics]. Moscow, GU VShE Publ., 2004. 495 p. (In Russ.).
5. Intriligator M. *Matematicheskiye metody optimizatsii i ekonomicheskaya teoriya* [Mathematical methods of optimization and economic theory]. Moscow, Progress Publ., 1975. 607 p. (In Russ.).
6. Menesku M. *Ekonomicheskaya kibernetika* [Economic Cybernetics]. Moscow, Economy. 1988. 230 p. (In Russ.).
7. Chetyrkin E.N. *Statisticheskiye metody prognozirovaniya* [Statistical methods of forecasting]. Moscow, Statistics Publ., 1975. 200 p. (In Russ.).
8. Shatteles T. *Sovremennyye ekonomicheskyye metody* [Modern econometric methods]. Moscow, Statistics Publ., 1975. 239 p. (In Russ.).
9. Voskoboynikov J.E. *Ekonometrika v EXCEL*. Ch. 1 [Econometrics in EXCEL. Pt. 1]. Novosibirsk, 2005. 77 p. (In Russ.).
10. Madera A.G. *Riski i shansy: neopredelennost', prognozirovaniye i otsenka* [Risks and chances: uncertainty, prediction and assessment]. Moscow, KRASAND Publ., URSS Publ., 2014. 448 p. (In Russ.).
11. Popov E.V. *Instituty* [Institutes]. Yekaterinburg, Institute of Economics, Ural Branch of Russian Academy of Sciences Publ., 2015. 712 p. (In Russ.).
12. Moses N.N. *Universum. Informatsiya. Obshchestvo* [Universum. Information. Society]. Moscow, Sustainable world Publ., 2001. 200 p. (In Russ.).
13. Roem D. *Praktika vizual'nogo myshleniya* [The practice of visual thinking]. MIF Publ., 2013. 369 p. (In Russ.).
14. Checkland P., Scholes J. *Soft systems methodology in action*. New Jersey, USA, John Wiley and Sons. Ltd., 2005.
15. Nogin V.D. *Prinyatiye resheniy v mnogokriterial'noy srede: kolichestvennyy podkhod* [Decision-making in multicriteria environment: a quantitative approach]. Moscow, Fizmatlit Publ., 2002. 175 p. (In Russ.).
16. Cobern A. *Sovremennyye metody opisaniya funktsional'nykh trebovaniy k sistemam* [Modern methods of describing the functional requirements for the systems]. Moscow, Lori Publ., 2002. 266 p.
17. *Reytingovoye agentstvo RAEX (Ekspert RA)* [The rating agency RAEX (Expert RA)]. Available at: <http://www.raexpert.ru/>, accessed 12.05.2016.
18. *RIA "REYTING"* [RIA RATING]. Available at: <http://www.riarating.ru/>, accessed 12.05.2016.
19. *Reytingovoye agentstvo RAEX (Ekspert RA)* [The rating agency RAEX (Expert RA)]. Available at: <http://www.raexpert.ru/ratings/regions/2015/#tab1>, accessed 12.05.2016.
20. *Informatsiya dlya vedeniya monitoringa sotsial'no-ekonomicheskogo polozheniya sub'ektov Rossiyskoy Federatsii* [The information for monitoring the socio-economic situation of the Russian Federation]. Available at: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1246601078438, accessed 05.12.2016.
21. Gordeev, S.S. Poisk socio-ekologo-ekonomicheskikh resheniy v informatsionnoy srede [Search of socio-ecological-economic decisions in the information environment]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University], 2013, no. 8 (299), pp. 47—52. (In Russ.).

УДК 332.1
ББК У042

УСТОЙЧИВАЯ ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАК ТОЧКА РОСТА ЭКОНОМИКИ ЧЕЛЯБИНСКОЙ ОБЛАСТИ

О. В. Веселова

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

Рассматривается внешнеэкономическая деятельность как одно из приоритетных направлений мировой, национальной и региональной экономики и как фактор экономического развития, которое возможно лишь при условии обеспечения устойчивости и эффективности внешнеэкономических операций. В Челябинской области состояние и динамика внешнеэкономической деятельности не вполне благополучны, что обусловлено сырьевой направленностью экспорта, его высокой зависимостью от конъюнктуры мировых товарных рынков, недостаточной конкурентоспособностью продукции региона и т. п. Потенциал развития включает: рост удельного веса продукции высокой степени обработки и услуг в региональном экспорте, создание дополнительных инфраструктурных объектов и повышение устойчивости внешнеэкономической деятельности. Устранение причин неустойчивости позволит рассматривать внешнеэкономическую деятельность как инструмент устойчивого развития региональной экономики.

Ключевые слова: *внешнеэкономическая деятельность региона, устойчивость внешнеэкономической деятельности.*

Внешнеэкономическая деятельность (ВЭД) является определяющим видом хозяйственной деятельности для многих стран. В большинстве из них эта сфера развивается быстрее, чем в среднем вся экономика страны, и содействует росту многих отраслей хозяйства.

В Российской Федерации ВЭД также является одной из приоритетных сфер экономики. Значительную долю в доходной части государственного бюджета составляют таможенные пошлины и сборы, отражающие главным образом результаты работы экспортной базы страны.

В настоящее время в Российской Федерации реализуется государственная программа развития ВЭД, рассчитанная на 2013—2018 гг. и предусматривающая финансирование в объеме, превышающем 430 млрд р. Госпрограмма направлена на усиление позиций России в глобальной экономике, улучшение качественных параметров ВЭД, повышение ее практического вклада в решение задач модернизации национального хозяйства.

Государственная программа предусматривает решение ряда задач, в числе которых: реализация приоритетных направлений ВЭД в процессе международного экономического сотрудничества, формирование и развитие Евразийского экономического союза, совершенствование системы государственного регулирования ВЭД и др. Но, поскольку внешнеэкономическая деятельность

Российской Федерации формируется за счет ВЭД ее регионов, целесообразно оценить состояние региональной внешнеэкономической деятельности.

Состояние внешнеэкономической (и прежде всего внешнеторговой) деятельности Уральского экономического района и, в частности, Челябинской области, недостаточно благополучно. Это объясняется наличием негативных обстоятельств, среди которых:

1. Сырьевая направленность экспорта. По данным Министерства экономического развития Челябинской области, в товарной структуре экспорта региона приоритетным остается экспорт черных и цветных металлов, причем доля этой продукции продолжает расти (в 2014 г. — 85,8 % общего объема областного экспорта). Крупнейшие участники ВЭД Челябинской области — металлургические предприятия, такие как ОАО «Магнитогорский металлургический комбинат», ПАО «Челябинский металлургический комбинат», ОАО «Челябинский электрометаллургический комбинат» и др.

2. Глубокая зависимость экспорта от конъюнктуры мирового рынка, что вытекает из сырьевой направленности экспорта и создает угрозу экономической безопасности региона. Складывается ситуация, при которой стратегические позиции региона определяются не эффективностью реги-

онального хозяйства, а влиянием внешних факторов, как правило, не зависящих от региональной и национальной экономики.

3. Недостаточная конкурентоспособность промышленной продукции высокой степени обработки, что обусловлено высокими издержками производства и/или ненадлежащим качеством. Разумеется, это не касается всех южноуральских производителей. Так, например, АО «Обувная фирма “Юничел”», один из крупнейших производителей обуви в России, в конце 2014 г. вышло на рынок Казахстана и продолжает уверенно его завоевывать. Но таких примеров пока немного.

Тем не менее осуществление внешнеэкономической деятельности в Челябинской области подкрепляется положительным воздействием ряда факторов, среди которых:

1. Выгодное экономико-географическое положение.
2. Высокий научно-технический и промышленный потенциал.
3. Квалифицированные трудовые ресурсы.
4. Наличие запасов природных ресурсов.
5. Достаточно развитая транспортная инфраструктура.

Создание транспортно-логистического комплекса (ТЛК) «Южноуральский», вероятно, даст возможность в ближайшем будущем наиболее эффективно использовать вышеперечисленные факторы в целях развития региональной экономики.

Все указанные выше факторы позволяют рассматривать внешнеэкономическую деятельность Челябинской области как одну из точек роста региональной экономики. Однако выступать в таком качестве внешнеэкономическая деятельность может лишь при условии рационального управления, обеспечивающего повышение устойчивости и эффективности ВЭД.

Динамика основных показателей ВЭД Челябинской области за последние десять лет свиде-

тельствует о недостаточно благоприятном состоянии и развитии внешнеэкономической деятельности региона. Период с 2008 г. в целом характеризуется сокращением объемов экспорта, импорта и внешнеторгового оборота (табл. 1). Внешнеэкономическая ситуация в области в 2015 г. в сравнении с 2014 г. выглядит пессимистично. Так, внешнеторговый оборот за январь — сентябрь 2015 г. составил 74,7 % к аналогичному периоду 2014 г., в том числе: экспорт 80,4 %, импорт — 60,7 %.

Рассмотрим современное состояние ВЭД Челябинской области в контексте устойчивости.

На протяжении ряда лет перечень предприятий — крупнейших участников ВЭД области не претерпевает существенных изменений. Самыми значительными экспортерами и импортерами области остаются предприятия металлургической промышленности. Если продукция металлургии — основная товарная группа экспорта области, то в структуре импорта основными товарными группами являются продовольствие и товары народного потребления. Основные статьи: продукция машиностроения (46 % общего объема импорта области), черные и цветные металлы (21 %), продукция нефтехимического комплекса (12 %).

Преобладание сырьевых товаров в экспорте области является объективным отражением реальных и наиболее значимых конкурентных преимуществ предприятий Челябинской области в международном разделении труда. Вместе с тем усиление позиций нашего региона на внешних рынках невозможно без улучшения структуры и пропорций внешней торговли в пользу повышения удельного веса готовой продукции. Основой долгосрочной экспортной стратегии Челябинской области должен быть экспорт товаров высокой степени обработки, и в первую очередь продукции машиностроения. В то же время

Таблица 1

**Основные показатели внешнеэкономической деятельности Челябинской области
в 2006—2015 гг., млн долл.**

Показатель	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015 (январь — сентябрь)
Внешнеторговый оборот	6730	9400	11107	7521	7780	7495	6376	6143	5805	3260
Экспорт	5107	6700	7853	4973	5113	5465	4605	3864	4162	2504
Импорт	1623	2700	3854	2548	2667	2030	1771	2279	1643	757
Сальдо внешнеторгового оборота	3484	4000	3999	2425	2446	3435	2834	1585	2519	1747

позиции экспорта машиностроительной продукции Челябинской области недостаточно сильны. Удельный вес продукции машиностроения в общем объеме регионального экспорта не превышает 6 %.

Роль внешнеэкономической деятельности в развитии регионального хозяйства во многом определяется ее устойчивостью. Нестабильная ВЭД не может выступать опорой роста и развития региональной экономики. Поэтому для определения роли ВЭД в развитии экономики Челябинской области целесообразно оценить ее устойчивость. Устойчивость внешнеэкономической деятельности предлагается оценивать на основе методики, предложенной А. А. Голиковым и О. В. Веселовой [2] для исследования ВЭД промышленных предприятий, сделав некоторые поправки на специфику регионального хозяйства.

Методика оценки устойчивости внешнеэкономической деятельности предприятия состоит из нескольких основных этапов:

1. Подбор необходимого фактического материала, характеризующего состояние внешнеэкономической деятельности исследуемого объекта в динамике за определенный период. В данном случае предлагается взять за основу показатели объемов экспорта и импорта области за период с 2006 по 2014 г. (официальная статистика ВЭД за 2015 г. пока не сформирована).

2. Определение уровней локальной и интегральной устойчивости. Наиболее полно устойчивость внешнеэкономической деятельности региона отражают, на наш взгляд, темпы роста экспорта, импорта и внешнеторгового оборота (табл. 2).

3. Определение класса устойчивости внешнеэкономической деятельности региона. Основные показатели ВЭД Челябинской области за последние годы были подвержены резким колебаниям: ежегодные изменения варьировались от сокращения на 37 % до роста на 66 %. Если рассматривать весь исследуемый период, можно сделать вывод, что внешнеторговый оборот области

начиная с 2006 г. сократился на 14 %. При этом ситуации с экспортом и импортом неодинаковы: региональный импорт вырос на 1 %, в то время как экспорт снизился на целых 14 %. Это позволяет отнести ВЭД Челябинской области к высокому классу устойчивости, хотя отрицательная динамика внешнеторгового оборота и экспорта показывает наличие неблагоприятных тенденций для экспортно-ориентированного региона.

Устойчивость внешнеэкономической деятельности предприятий региона формируется под влиянием внешних и внутренних факторов (табл. 3).

Внешние факторы, определяющие устойчивость ВЭД, являются объективными с точки зрения региона, поскольку не зависят от результативности его функционирования. Задачи обеспечения благоприятной внешней среды решаются на наднациональном и государственном уровнях, и результаты проводимой в этих направлениях работы во многом обуславливают состояние ВЭД отдельных регионов [1].

Внутренние факторы повышения устойчивости внешнеэкономической деятельности представляют собой совокупность субъективных условий, в той или иной мере отражающих общее состояние региональной экономики.

Устойчивая внешнеэкономическая деятельность обеспечивает успешное вхождение региона в систему мирохозяйственных связей, максимизирует размер получаемой региональными участниками ВЭД прибыли и, следовательно, ведет к увеличению доходной части государственного и регионального бюджетов и повышению уровня жизни населения.

Основные пути организации устойчивой внешнеэкономической деятельности и управления ею сводятся к использованию факторов, ее определяющих. Безусловно, здесь наиболее велика роль наднационального и государственного регулирования внешнеэкономической деятельности. Тем не менее существенное влияние на стабилизацию ВЭД могут оказать и ока-

Таблица 2

Темпы роста основных показателей ВЭД Челябинской области за период с 2006 по 2014 г.

Показатель	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	Весь период
Внешнеторговый оборот	1,07	1,40	1,18	0,68	1,03	0,96	0,85	0,96	0,94	0,86
Экспорт	1,07	1,31	1,17	0,63	1,03	1,07	0,84	0,84	1,08	0,81
Импорт	1,07	1,66	1,43	0,66	1,05	0,76	0,87	1,29	0,72	1,01

Таблица 3

Основные факторы устойчивости внешнеэкономической деятельности региона

Внешние факторы	Внутренние факторы
1. Состояние конъюнктуры мировых товарных рынков.	1. Конкуренентоспособность продукции региональных производителей.
2. Участие Российской Федерации в международных соглашениях и проектах.	2. Стабильный спрос в регионе на продукцию зарубежного производства со стороны отдельных партнеров.
3. Стабильный спрос на продукцию региональных производителей со стороны основных внешнеторговых партнеров.	3. Объемы производства конкурентоспособной продукции в регионе.
4. Инвестиционный климат Российской Федерации.	4. Издержки производства и реализации.
5. Государственное регулирование ВЭД.	5. Прибыль от ВЭД.
6. Состояние инфраструктуры ВЭД в стране.	6. Внутренние риски, сопровождающие ВЭД.
7. Внешние риски, связанные с осуществлением ВЭД.	7. Региональная поддержка предприятий — участников ВЭД.
8. Динамика валютных курсов.	8. Инвестиционный климат в регионе.
9. Общая политическая обстановка.	9. Состояние инфраструктуры ВЭД в регионе.

зывают региональные институты, например Южно-Уральская торгово-промышленная палата. Информационная поддержка предприятий — участников ВЭД, обеспечение участия предприятий региона в международных выставках, ярмарках, организация системы сертификации экспортной продукции — все это важные функции Южно-Уральской торгово-промышленной палаты, деятельность которой вносит весомый вклад в развитие и достижение устойчивости ВЭД Челябинской области.

Предмет и задачи направленного на повышение устойчивости управления ВЭД региона могут включать:

1) развитие и улучшение структуры экспорта товаров и услуг, совершенствование номенклатуры вывозимой продукции;

2) комплексное изучение конъюнктуры мирового рынка, определение наилучших условий экспорта товаров и услуг;

3) организацию научно-технического и производственного сотрудничества с зарубежными партнерами в целях практического использования новейших достижений зарубежной науки и техники, передового производственного опыта;

4) модернизацию производственного и технологического потенциала предприятий региона;

5) разработку и проведение рекламных и других мероприятий в целях расширения экспорта товаров и услуг; обеспечение участия специалистов региона в специализированных выставках, симпозиумах, семинарах и международных ярмарках на территории России и за рубежом;

6) мероприятия по организации технического, предпродажного и послепродажного обслужи-

вания экспортируемой (импортируемой) продукции;

7) разработку и осуществление мероприятий, направленных на совершенствование перевозок внешнеторговых грузов, улучшение хранения и обеспечение их сохранности. В этом контексте представляется особенно перспективным создание на территории Челябинской области ТЛК «Южноуральский».

Ввиду неблагоприятной динамики экспорта Челябинской области на современном этапе управление ВЭД на уровне региона должно быть направлено на развитие экспорта и улучшение его структуры, содействие предприятиям в переснащении производства и укреплению их экспортной базы, а также на развитие новых форм внешних связей.

Причины неустойчивости внешнеэкономической деятельности региона заключаются, как правило, в недостаточном использовании факторов устойчивости. К наиболее весомым причинам неустойчивости ВЭД Челябинской области можно отнести следующие:

1. Высокая зависимость экспорта области от конъюнктуры мировых товарных рынков.

2. Недостаточный уровень развития экономических, политических и прочих отношений с потенциальными зарубежными партнерами.

3. Недостаточное развитие инфраструктуры внешнеэкономической деятельности в регионе и стране.

4. Недостаточная конкурентоспособность продукции региона на внешнем рынке.

5. Недостаточный уровень платежеспособного спроса на продукцию предприятий региона.

6. Высокие издержки производства и реализации продукции.

Исследование фактического состояния ВЭД Челябинской области позволяет провести SWOT-анализ внешнеэкономического комплекса региона. Результаты такого анализа представлены в табл. 4.

На основе SWOT-анализа можно определить два сценария дальнейшего развития внешнеэкономической деятельности Челябинской области.

Первый, инерционный сценарий основан на политике невмешательства федеральных и органов управления в процесс функционирования внешнеэкономического комплекса. Самые неблагоприятные последствия такого сценария — полный переход экономики области на экспорт сырьевых ресурсов и усиление преобладания в структуре импорта продовольствия и товаров народного потребления. Принятие инерционного сценария таит в себе реальную угрозу потери конкурентных преимуществ и экономической безопасности области. В результате регион окажется на пе-

риферии международных экономических отношений.

Второй, позитивный, сценарий предполагает активное воздействие областных органов управления на процесс функционирования внешнеэкономического комплекса. Целью такого воздействия является реализация возможностей и приоритетов ВЭД, перечисленных в табл. 4.

В рамках повышения удельного веса готовой продукции и услуг в структуре экспорта немаловажное значение приобретает поддержка средних и малых предприятий, имеющих намерение выйти на внешний рынок со своей продукцией. В этом направлении целесообразна разработка конкретных мер по кредитованию и информационному обеспечению участников ВЭД.

В отношении развития импортной деятельности ориентиром должно выступать удовлетворение потребностей местных производителей и повышение жизненного уровня населения. В связи с этим требуется разработка мер по стимулированию импорта продукции производственного

Таблица 4

SWOT-анализ внешнеэкономической деятельности Челябинской области

<i>Сильные стороны</i>	<i>Слабые стороны</i>
<ol style="list-style-type: none"> 1. Выгодное экономико-географическое положение области. 2. Высокий научно-технический и промышленный потенциал. 3. Квалифицированные трудовые ресурсы. 4. Запасы природных ресурсов на территории области. 5. Достаточно развитая транспортная инфраструктура. 6. Привлекательность области в качестве центра образования, культуры, туризма. 7. Достаточно высокая инвестиционная привлекательность региона. 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Сырьевая направленность экспорта. 2. Глубокая зависимость экспорта от конъюнктуры мирового рынка. 3. Недостаточная конкурентоспособность продукции высокой степени обработки. 4. Недостаточно современная материально-техническая база производства. 5. Недостаточное развитие взаимосвязей с зарубежными партнерами. 6. Недостаточная устойчивость внешнеэкономической деятельности многих предприятий области.
<i>Возможности</i>	<i>Угрозы</i>
<ol style="list-style-type: none"> 1. Модернизация производственной базы предприятий области. 2. Увеличение в структуре экспорта удельного веса продукции высокой степени обработки. 3. Расширение экспорта услуг (международный туризм, транспортное обеспечение, информационное обеспечение). 4. Увеличение в структуре импорта удельного веса продукции, которая не может производиться на территории Челябинской области. 5. Развитие внешнеэкономической деятельности средних и малых предприятий. 6. Повышение устойчивости внешнеэкономической деятельности. 7. Развитие ВЭД благодаря созданию новых инфраструктурных объектов (в частности, ТЛК «Южно-уральский»). 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Угроза экономической безопасности ввиду высокой доли импортных поставок продовольствия. 2. Угроза потери конкурентных преимуществ на мировом рынке в долгосрочной перспективе вследствие ограниченности природных ресурсов. 3. Опасность полной переориентации экспорта на сырьевое направление в связи с постепенным устареванием материально-технической базы ряда промышленных предприятий области (в частности, машиностроительного комплекса). 4. Дестабилизация внешнеэкономической деятельности в результате неблагоприятной динамики валютных курсов.

и потребительского назначения, реально необходимой области, и сокращению импорта продукции, которая может и должна производиться на территории Челябинской области.

Сценарий активного воздействия предполагает полное использование внешнеэкономического потенциала Челябинской области с учетом его реальных и перспективных конкурентных преимуществ. Реализация такого сценария, на наш взгляд, усилит позиции области на национальном

и мировом рынке и в лучшую сторону изменит его статус по отношению к прочим субъектам внешнеэкономической деятельности Российской Федерации. Устранение причин неустойчивости ВЭД, решение перечисленных задач и внедрение мероприятий по совершенствованию ВЭД, на наш взгляд, позволят рассматривать внешнеэкономическую деятельность как инструмент устойчивого развития региона и роста региональной экономики.

Список литературы

1. Веселова, О. В. Устойчивость внешнеэкономической деятельности промышленных предприятий : дис. ... канд. экон. наук / О. В. Веселова. — Челябинск, 2000. — 159 с.
2. Голиков, А. А. Оценка устойчивости внешнеэкономической деятельности предприятия / А. А. Голиков, О. В. Веселова. — Челябинск : Изд-во Челяб. гос. ун-та, 2001. — 60 с.
3. Экономика Челябинской области. Министерство экономического развития Челябинской области [Электронный ресурс]. — URL: <http://econom-chelreg.ru>.
4. Молчан, А. С. Внешнеэкономическая деятельность как фактор устойчивого развития экономики региона [Электронный ресурс] / А. С. Молчан, Л. И. Тринка, Е. В. Лехман // Политематич. сетевой электрон. науч. журн. Кубан. гос. аграр. ун-та. — 2014. — № 97 (03), март. — URL: <http://ej.kubagro.ru/2014/03/pdf/01.pdf>.
5. Нефедкин, В. И. Внешняя торговля в экономике региона: до и после кризиса [Электронный ресурс] / В. И. Нефедкин // ЭКО : Всерос. экон. журн. — 2010. — № 11. — URL: http://ecotrends.ru/images/Journals/2010-2019/2010/N11/3_Articles/045Nefedkiv2010_11.pdf.
6. Порохин, А. В. Современные научные подходы к определению сущности экономической устойчивости / А. В. Порохин, Н. А. Урбан // Фундам. исслед. — 2015. — № 11-3. — С. 600—604.
7. Правительство Челябинской области [Электронный ресурс] : офиц. сайт. — URL: <http://pravmin74.ru>.
8. Растворцева, С. Н. Внешнеэкономическая деятельность как фактор развития российских регионов / С. Н. Растворцева, Е. Э. Колчинская // Науч. ведомости Белгород. гос. ун-та. — 2013. — № 22 (165). История. Политология. Экономика. Информатика. Вып. 28/1. — С. 13—24.
9. Внешнеэкономическая деятельность российских предприятий в условиях глобализации / С. Н. Растворцева [и др.]. — СПб. : Издат. центр экон. фак. СПбГУ, 2011. — 116 с.
10. Смирнова, Т. Г. Новые ориентиры внешней торговли региона / Т. Г. Смирнова, Е. С. Губанова // Экон. и соц. перемены: факты, тенденции, прогноз. — 2011. — № 2 (14). — С. 61—71.
11. Соболев, А. О. Посткризисное развитие внешней торговли России и регионов: сравнительный анализ / А. О. Соболев, И. М. Темкина // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 3. Обществ. науки. — 2012. — Т. 106, № 3. — С. 77—94.
12. Ультан, С. И. Анализ показателей и методов оценки внешнеэкономической деятельности региона / С. И. Ультан // Вестн. Омс. ун-та. Сер. «Экономика». — 2012. — № 3. — С. 38—49.
13. Федеральная таможенная служба. Уральское таможенное управление [Электронный ресурс]. — URL: <http://utu.customs.ru>.
14. Хайруллов, Д. С. Проблемы устойчивости социально-экономического развития региона / Д. С. Хайруллов, Л. М. Еремеев // Вестн. Казан. гос. аграр. ун-та. — 2012. — № 1 (23). — С. 73—76.
15. Челябинская область [Электронный ресурс]. — URL: <http://chelindustry.ru>.
16. Южно-Уральская торгово-промышленная палата [Электронный ресурс]. — URL: <http://tpp74.ru>.

Сведения об авторе

Веселова Ольга Владимировна — кандидат экономических наук, доцент кафедры экономической теории и регионального развития Челябинского государственного университета, Челябинск, Россия. ovveselova@rambler.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2016. No. 6 (388). Economic Sciences. Iss. 53. Pp. 36—43.

THE SUSTAINABLE FOREIGN ECONOMIC ACTIVITY AS A POINT OF GROWTH OF CHELYABINSK REGION

O.V. Veselova

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. ovveselova@rambler.ru

The foreign economic activity is one of the priority activities in the global, national and regional economy and is a factor of economic development. However, to act in such a capacity, foreign economic activity can only be provided to ensure the sustainability and efficiency of foreign trade operations. The state and dynamics of foreign trade activities of the Chelyabinsk region is not prosperous enough. This is due to circumstances such as a high dependence on exports of the conjuncture in world commodity markets, the lack of competitiveness of the regional products, etc. Nevertheless, the possibility of the development of foreign trade activities of the region are wide enough. They include increasing the share of highly processed products and services in the region's exports, creation of additional infrastructure and increase the stability of foreign trade activities. The elimination of the causes of foreign economic instability will allow us to consider foreign trade activities as a tool for sustainable development and growth of the regional economy.

Keywords: *foreign economic activity of a region, stability of foreign economic activity.*

References

1. Veselova O.V. *Ustoychivost' vneshneekonomicheskoy deyatel'nosti promyshlennykh predpriyatiy* [The stability of foreign trade activities of industrial enterprises. Thesis]. Chelyabinsk, 2000. 159 p. (In Russ.).
2. Golikov A.A., Veselova O.V. *Otsenka ustoychivosti vneshneekonomicheskoy deyatel'nosti predpriyatiya* [Assessment of the stability of the foreign economic activity of the enterprise]. Chelyabinsk, 2001. 60 p. (In Russ.).
3. *Ekonomika Chelyabinskoy oblasti. Ministerstvo ekonomicheskogo razvitiya Chelyabinskoy oblasti* [The economy of the Chelyabinsk region. The Ministry of Economic Development of the Chelyabinsk region]. Available at: <http://econom-chelreg.ru> (In Russ.).
4. Molchan A.S., Trinka L.I., Lehman E.V. *Vneshneekonomicheskaya deyatel'nost' kak faktor ustoychivogo razvitiya ekonomiki regiona* [Foreign economic activity as a factor of sustainable development of regional economy]. *Politematicheskii setevoy elektronnyy nauchnyy zhurnal Kubanskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta* [Multidisciplinary network electronic scientific journal of the Kuban state agrarian university], 2014, no. 97 (03), March, pp. 11—21. (In Russ.).
5. Nefedkin V.I. *Vneshnyaya trgovlya v ekonomike regiona: do i posle krizisa* [Foreign trade in the economy of the region: before and after the crisis]. *EKO: Vserossiyskiy ekonomicheskii zhurnal* [ECO: Russian economic journal], 2010, no. 11. Available at: http://ecotrends.ru/images/Journals/2010-2019/2010/N11/3_Articles/045Nefedkiv2010_11.pdf (In Russ.).
6. Porokhin A.V., Urban N.A. *Sovremennye nauchnye podkhody k opredeleniyu sushchnosti ekonomicheskoy ustoychivosti* [Modern scientific approaches to defining the essence of economic stability]. *Fundamental'nye issledovaniya* [Basic Research], 2015, no. 11-3, pp. 600—604. (In Russ.).
7. *Pravitel'stvo Chelyabinskoy oblasti* [The Government of the Chelyabinsk region]. Available at: <http://pravmin74.ru> (In Russ.).
8. Rastvortseva S.N., Kolchinskaya E.Ye. *Vneshneekonomicheskaya deyatel'nost' kak faktor razvitiya rossiyskikh regionov* [Foreign economic activity as a factor of development of Russian regions]. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta* [Scientific bulletin of Belgorod State University], 2013, no. 22, pp. 13—24. (In Russ.).
9. Rastvortseva S.N. [et al.]. *Vneshneekonomicheskaya deyatel'nost' rossiyskikh predpriyatiy v usloviyakh globalizatsii* [Foreign trade activities of Russian companies in the context of globalization]. St. Petersburg, 2011. 116 p. (In Russ.).
10. Smirnova T.G., Gubanova Ye.S. *Novye orientiry vneshney trgovli regiona* [New landmarks of the re-

gion's foreign trade]. *Ekonomicheskiye i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and social changes: facts, trends, forecast], 2011, no. 2, pp. 61—71. (In Russ.).

11. Sobolev A.O., Temkina I.M. Postkrizisnoye razvitiye vneshney torgovli Rossii i regionov: sravnitel'nyy analiz [Post-crisis development of foreign trade of Russia and the regions: a comparative analysis]. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Obshchestvennye nauki* [Proceedings of the Ural Federal University. Social Sciences], 2012, no. 3, pp. 77—94. (In Russ.).

12. Ul'tan S.I. Analiz pokazateley i metodov otsenki vneshneekonomicheskoy deyatelnosti regiona [Analysis of indicators and methods of assessment of foreign economic activity of the region]. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya "Ekonomika"* [Bulletin of Omsk University. Economy], 2012, no. 3, pp. 38—49. (In Russ.).

13. *Federal'naya tamozhennaya sluzhba. Ural'skoye tamozhennoye upravleniye* [The Federal customs service. The Ural customs administration]. Available at: <http://utu.customs.ru> (In Russ.).

14. Hayrulloev D.S., Yeremeyev L.M. Problemy ustoychivosti sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya regiona [Stability problems of socio-economic development of the region]. *Vestnik Kazanskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta* [Bulletin of the Kazan State Agrarian University], 2012, no. 1, pp. 73—76. (In Russ.).

15. *Chelyabinskaya oblast'* [Chelyabinsk region]. Available at: <http://chelindustry.ru> (In Russ.).

16. *Yuzhno-Ural'skaya torgovo-promyshlennaya palata* [The South Urals Chamber of Commerce]. Available at: <http://tpp74.ru> (In Russ.).

УДК 36
ББК У496

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В УПРАВЛЕНИИ ОТДЕЛЬНЫМИ ОТРАСЛЯМИ СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Е. А. Колесник

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

Выделены современные тенденции в образовании, здравоохранении и социальном обслуживании граждан. Их анализ осуществлен на трех разных уровнях — федеральном, региональном и местном. Проанализированы законодательные основы современного управления отраслями социальной сферы и выявлены их основные противоречия, а также нормы, требующие доработки. Определены характерные проблемы управления социальной сферой, их причины и негативные последствия. Последствия перехода к оказанию услуг в отраслях социальной сферы взамен традиционных «учить, лечить, помогать» рассмотрены с позиции экономики, права, управления и психологии. Приведены данные о степени удовлетворенности потребителей услуг в сфере высшего образования. Первоочередная роль органов власти в управлении отраслями социальной сферы сведена к формированию разделяемой и поддерживаемой населением страны политики, основанной на ценности человеческой жизни, а не на предоставлении стандартного набора социальных услуг.

Ключевые слова: *социальная сфера, образование, здравоохранение, социальное обслуживание, услуги, социальные услуги, социальное предпринимательство, федеральные, региональные, местные органы власти, социальные ценности.*

В широком понимании социальная сфера представляет собой совокупность отраслей, обеспечивающих воспроизводство человеческого потенциала. К их числу традиционно относят образование, здравоохранение, социальную поддержку и социальное обслуживание отдельных категорий граждан, культуру и досуг, физическую культуру и спорт, а также жизнеобеспечивающие отрасли — жилищно-коммунальную, транспортную и некоторые другие [1. С. 76].

Управление каждой из перечисленных отраслей осуществляется на трех уровнях: федеральном, региональном и местном. Каждый уровень имеет свои полномочия и соответствующие для их реализации органы. Сложившаяся на сегодняшний день модель взаимодействия этих уровней управления не обеспечивает эффективного решения социальных проблем граждан. Процессы перераспределения полномочий, поиск новых источников финансирования и механизмов предоставления социальных услуг населению, а также необходимость внесения изменений в действующее законодательство — вот неполный перечень проблем, стоящих перед органами управления социальной сферой. Целью данной статьи является выделение наиболее значимых особенностей и тенденций, присущих современ-

ному управлению социальной сферой Российской Федерации на всех его уровнях — от федерального до муниципального, а также определение первоочередных причин тех негативных процессов, которые в ней происходят.

Для нынешней России характерен принцип формирования социальной политики «сверху вниз». Роль федеральных органов исполнительной и законодательной власти является ключевой для нижестоящих уровней управления. Формируемая и реализуемая ими государственная социальная политика является основой для разработки аналогичной политики на уровне субъектов РФ и отдельных муниципальных образований.

Еще одной функцией, реализуемой на федеральном уровне и определяющей сущность социальной политики страны, является законодательная деятельность. Формирование законодательной базы для функционирования социальной сферы — прерогатива федеральных органов власти.

За период 2011—2015 гг. принят ряд федеральных законов, определяющих основы и принципы функционирования отраслей социальной сферы. Они во многом изменили отношения, сложившиеся в социальной сфере еще с советских времен,

и заложили основу формирования принципиально новых механизмов удовлетворения социальных потребностей населения.

Среди новых федеральных законов особо хотелось бы выделить: «Об основах охраны здоровья граждан РФ» от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ [12], «Об образовании в РФ» от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ [11] и «Об основах социального обслуживания граждан в РФ» от 28 декабря 2013 г. № 442-ФЗ [13]. Все они вступили в силу и имеют ряд общих нововведений, позволяющих говорить о наличии некоторых характерных для современного управления социальной сферой тенденциях.

Характерным для всех упомянутых законов является переход к технократическому подходу в удовлетворении социальных потребностей россиян. Вместо привычных «лечить, учить, помогать и защищать» федеральное законодательство предлагает ограничиться оказанием набора социальных услуг.

На первый взгляд, смысл остается прежним, но есть ряд принципиальных отличий, которые предполагают переход к иным отношениям при оказании услуг в социальной сфере.

Обращение к толкованию понятия «услуги» в современных словарях [15], нормативно-правовых актах и иных источниках, например в учебном пособии М. Р. Юсупова [14], позволяет выделить такие его существенные характеристики, как:

- 1) преимущественно нематериальный характер;
- 2) возможность получения платы за оказание услуги;
- 3) необходимость соответствия ряду заданных параметров оценки ее качества.

Вопрос платности при переходе к оказанию социальных услуг не вызывает сомнений. Сам термин «услуга» предполагает наличие двух сторон, участвующих в ее оказании, а также достаточных оснований для ее оказания. Так, в ГОСТ Р ИСО 9000-2008 «Системы менеджмента качества» дано следующее определение: «Услуга — это результат, по меньшей мере, одного действия, обязательно осуществленного при взаимодействии поставщика и потребителя, и, как правило, нематериальна». А в одном из первых нормативно закрепленных определений услуги и вовсе говорится о том, что «услуга — предпринимательская деятельность, направленная на удовлетворение потребностей других лиц, за исключением деятельности, осуществляемой на основе трудовых отношений». То есть основа-

нием для получения услуги, в том числе социальной, вполне может быть коммерческий интерес. Немало способствует внедрению коммерческого интереса в социальную сферу и переименование социальных учреждений в организации. Законы «Об основах охраны здоровья граждан РФ» от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ и «Об образовании в РФ» от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ предусматривают такое переименование в отношении учреждений здравоохранения и образования, несмотря на разъяснения, например, содержащиеся в Письме Минобрнауки России № ДЛ-151/17 от 10 июня 2013 г. «О наименовании образовательных учреждений», где, в частности, указано, что в наименовании образовательных учреждений слово «учреждение» не требуется заменять словом «организация», так как учреждение является одной из организационно-правовых форм некоммерческих организаций. Тем не менее, как далее следует из вышеназванного письма, «понятие “образовательная организация” используется в Федеральном законе об образовании в связи с тем, что образовательные организации могут создаваться не только в форме учреждения». Напомним, что одной из основных целей организации (а в законе речь идет об образовательных организациях без расширения «некоммерческие») является получение прибыли. Так что дальнейшая практика применения нового закона не исключает появления в образовательном пространстве и коммерческих образовательных организаций, что, помимо высказанных опасений, приведет к дальнейшему расслоению общества по материальному признаку.

В сфере образования разница между получением образования и получением образовательной услуги заключается не только в возрастающей платности последней. Меняется характер отношений между участниками оказания и потребления образовательных услуг. Со стороны ее потребителя становится оправданным снижение интереса к сущности самой услуги. Его интересует конечный результат в виде документа о полученном образовании, а не обретенные им фактически знания. Как справедливо отмечают О. К. Крокинская и С. Ю. Трапицын, «возможность внебюджетного обучения студентов создала прецеденты коммерческого обмена “в теле” образовательных процессов, внося при этом большую неясность в понимание того, что именно покупается при оплате учебы: отметки? знания? “корочки”? Оказалось — образовательные

услуги» [8. С. 68]. Плата, а точнее, предоплата за оказание образовательных услуг, ставит сторону, оказывающую услугу, в зависимое положение. Потребитель услуги может и вовсе отказаться от ее фактического получения, сделав труд преподавателя бессмысленным. Это его право. В современном российском профессиональном образовании такая ситуация давно перестала быть редкостью. Она не только способствует снижению качества полученного образования обучающимися и их последующей удовлетворенностью полученными знаниями, что подтверждено рядом исследований, в частности, проведенных В. Г. Герасименко, Е. Н. Елисеевой и др. [2; 4; 5; 10], но и является сильным демотивирующим фактором для преподавательско-педагогического состава образовательных учреждений.

По мнению Н. Б. Москвиной, данное явление может быть охарактеризовано как «профессиональная катастрофа». Причем «это не метафора, а глубоко и мучительно переживаемое состояние. Его симптомы не явлены стороннему наблюдателю, они не связаны с внешними признаками неуспешности или утраты статусных позиций... Речь идет о нарастающем отчуждении от профессии, от деятельности, которой много отдано, в которой что-то достигнуто и которую никак не хочется низводить до добросовестного выполнения требований, инструкций, ничего общего не имеющих с ее сущностью». [9. С. 37]. Причины этого состояния обусловлены переходом к не свойственным для нашей страны отношениям в сфере образования, которые закреплены действующим законодательством.

В отношении подавляющего большинства социальных услуг крайне сложно разработать систему показателей оценки их качества. Это связано с так называемым «человеческим фактором», который очень трудно формализовать. Тем не менее именно этот фактор определяет степень удовлетворенности потребителем качеством оказанной социальной услуги. К сожалению, такие важные характеристики лица, оказывающего социальные услуги, как, например, отзывчивость, заинтересованность, сострадание и подобные, не могут быть включены в параметры оценки услуг в силу их большой субъективности и сложности измерения, хотя федеральные законы, прекратившие свое действие в связи с принятием вышеупомянутых, содержали такие нормы в качестве обязательных. Так, например, «уважительное и гуманное отношение со стороны медперсона-

ла к пациентам», гарантированное Федеральным законом «Основы законодательства РФ об охране здоровья граждан» от 22 июля 1993 г. теперь вряд ли можно вместили в узкие рамки оказания медицинских услуг нового аналогичного федерального закона от 21 ноября 2011 г.

Еще одна опасность, которую таит в себе переход к оказанию социальных услуг, заключается в том, что стремление к более эффективному их оказанию неизбежно ведет к поиску удешевления их стоимости. Крайним следствием такого подхода становится особенно хорошо известное среди педагогов и врачей повышение нагрузки, приходящейся на одного специалиста. Если сегодня преподавателю вуза приходится для выполнения одинаковой учебной нагрузки вести 7-8 и более дисциплин вместо 3-4 еще несколько лет назад, то понятно, что качество оказываемых им услуг неизбежно ухудшается. Ситуация очень напоминает русскую народную сказку, в которой жадный богач, пытаясь сэкономить, предлагает скорняку сшить из одной шкуры барана шесть шапок. Скорняк соглашается, но шапки получаются такими маленькими, что носить их невозможно.

Нельзя забывать и о том, что для оценки каждой услуги необходимо определять степень соответствия всем тем формальным критериям, которые определены ее стандартом. Вот и приходится врачам, учителям, социальным работникам все больше и больше времени уделять «бумажной» работе для составления отчетов и прочих свидетельств проделанной ими работы. А в итоге получаем упомянутую выше профессиональную катастрофу.

Еще один весьма показательный с точки зрения современных тенденций в управлении социальной сферой федеральный закон — «Об основах социального обслуживания граждан в РФ» от 28 декабря 2013 г. № 442-ФЗ [13]. Вступив в силу 1 января 2015 г., он внес ряд значительных изменений в действовавший до указанной даты порядок оказания социальной поддержки гражданам страны, в частности по поводу перечня участников социального обслуживания, осуществляемых ими функций, а также механизмов и источников их финансирования.

Статья 3 федерального закона включает в состав участников социального обслуживания социальные службы — предприятия и учреждения независимо от форм собственности, предоставляющие социальные услуги, а также граждан, за-

нимающихся предпринимательской деятельностью по социальному обслуживанию населения без образования юридического лица. То есть перечень участников теперь не ограничивается исключительно государственными учреждениями.

Социальное обслуживание с 2005 г. по настоящее время остается расходным обязательством субъекта РФ. Но как будет производиться компенсация из бюджета услуг частного поставщика — остается нерешенным вопросом. В законе появилось понятие профилактики и социального сопровождения, но отсутствуют разъяснения по поводу их сути и также не предусмотрены ресурсы на их осуществление.

Таким образом, в федеральном законе речь идет о государственном социальном заказе на услуги по оказанию социальной поддержки, социально-бытовых, социально-медицинских, психолого-педагогических, социально-правовых услуг и материальной помощи, проведению социальной адаптации и реабилитации граждан, находящихся в трудной жизненной ситуации, но не предусмотрены никакие государственные субсидии или субвенции для его реализации. Положение социальных предпринимателей в части источников оплаты предоставляемых ими услуг также остается неясным.

При этом на прошедшей в июле 2015 г. пресс-конференции, посвященной развитию социального предпринимательства, заместителем председателя Совета Федерации Г. Кареловой было озвучено, что «общая потребность граждан в социальных услугах сегодня намного превышает бюджетные возможности регионов... Между тем доля негосударственных соцуслуг в сфере социального обслуживания пока очень скромная — она составляет от 1,5 до 2,9 % в зависимости от сегмента рынка» [6. С. 103]. Сенатор также отметила неравномерность развития социального предпринимательства в регионах — от практически полного их отсутствия до, например, 100 % в определенных сегментах социальной сферы в Перми [6. С. 103]. Это связано не только с неурегулированностью правовых вопросов, но и с конкретными действиями органов власти субъектов РФ по развитию социального предпринимательства. К тому же само население, то есть получатели указанных услуг, продолжает относиться с большим недоверием к новым формам социального обслуживания. Отсутствие разъяснительной работы с населением, адресного информирования потенциальных получателей тех

или иных социальных услуг — еще одна характерная российская проблема.

Остается актуальным и вопрос о создании финансового механизма предоставления услуг социальными предпринимателями. Отсутствие такого неизбежно приведет к росту оплаты услуг по социальному обслуживанию его непосредственным получателем — населением, в том числе такими уязвимыми его группами, как инвалиды, дети, пенсионеры.

Среди тенденций в управлении социальной сферой на муниципальном уровне хотелось бы отметить продолжающийся поиск оптимального набора полномочий, закрепленных за данным уровнем власти в стране. Органы местного самоуправления продолжают оставаться самой близкой к народу властью. Через муниципальную социальную политику реализуются как собственные полномочия местного самоуправления, так и переданные на муниципальный уровень государственные полномочия в социальной сфере. Реализация переданных полномочий подконтрольна государству и предполагает их финансирование через предоставление субвенций. В настоящее время сохраняется тенденция уменьшения собственных полномочий органов местного самоуправления. Последней крупной «потерей» в этом списке стала передача на уровень субъектов РФ местных полномочий муниципальных районов и городских округов в сфере здравоохранения.

Полномочия органов местного самоуправления в сфере здравоохранения с учетом произошедших изменений фактически сводятся к созданию условий для оказания населению медицинской помощи. Это, в частности, содействие в выборе земельных участков для строительства новых лечебных учреждений, в обеспечении коммунальными услугами, в транспортной доступности к лечебным учреждениям (к примеру, рядом с больницей обязательно должна быть оборудованная автобусная остановка), доплаты отдельным категориям медперсонала, решение вопросов предоставления жилья медработникам и т. д. И если раньше на это в местном бюджете были предусмотрены средства, то в настоящее время главы муниципальных районов и городских округов должны изыскивать дополнительные средства для решения этих вопросов самостоятельно. Сегодня практически вся система здравоохранения финансируется за счет средств обязательного медицинского страхования, причем

по единым нормативам и тарифам. И если раньше финансовые средства выделялись на коечный фонд, то сейчас и лечебные учреждения вынуждены самостоятельно зарабатывать деньги, что приводит к повсеместной практике сокращения пребывания больных в стационарных лечебных учреждениях и расширению набора платных медицинских услуг [7].

Таким образом, современная система управления социальной сферой переживает в РФ серьезные изменения. Они затрагивают глубинные основы мировоззрения россиян и вызывают отторжение тех нововведений, которые не согласуются с ним. Основное назначение социальной сферы — служить людям, своим соотечественникам, согражданам. Появление коммерческих настроений в социальной сфере — фактор угрозы стабильности российского общества, так как является чуждым ему по своей сути. Особенно актуальным это становится в период экономического спада, массового снижения уровня жизни населения. Поэтому вектор изменений в управлении социальной сферой страны на федеральном уровне должен быть скорректирован и сосредоточен на формировании условий для закрепления в отечественных образовании, медици-

не, социальном обслуживании кадров, не только соответствующих формальным требованиям в рамках оказания социальных услуг, а готовых учить, лечить и помогать в лучших российских традициях. Вопросы целепостановки в управлении отраслями социальной сферой должны быть четко сформулированы и закреплены в нормативных документах федерального уровня. Причем целью государственной социальной политики должно стать социальное благополучие человека, а не объем оказанных ему социальных услуг. Критериями достижения названной цели должны стать: увеличение продолжительности жизни, снижение уровня смертности, повышение рождаемости населения, а также уменьшение тех формальных требований, которые оставляют чувство неудовлетворенности как у получателей социальных услуг, так и у тех, кто их непосредственно оказывает. На региональном и местном уровнях, несмотря на явную тенденцию перераспределения социальных полномочий в сторону региона, следует продолжать поиск тех альтернативных моделей и механизмов взаимодействия, которые могут повысить удовлетворенность населения услугами социальной сферы и сохранить их доступность для населения.

Список литературы

1. Бабун, Р. В. Управление социальной сферой города: разграничение полномочий и система финансирования / Р. В. Бабун // Муницип. власть. — 2012. — № 2. — С. 76—80.
2. Герасименко, В. Г. Изучение перспектив развития дополнительного профессионального образования в национальном регионе / В. Г. Герасименко // Вестн. Ун-та (ГУУ). — 2015. — № 13. — С. 225—229.
3. Гончаров, М. А. Основы маркетинга и консалтинга в сфере образования : учеб. пособие / М. А. Гончаров. — М. : КНОРУС, 2010. — 336 с.
4. Елисеева, Е. Н. Динамика удовлетворенности потребителей образовательных услуг: анализ и проблемы / Е. Н. Елисеева // Вестн. Челяб. гос. ун-та. — 2015. — № 1 (356). Управление. Вып. 10. — С. 49—52.
5. Елисеева, Е. Н. Факторы удовлетворенности потребителей образовательных услуг качеством образования в вузе / Е. Н. Елисеева // Вестн. Челяб. гос. ун-та. — 2014. — № 2 (331). Управление. Вып. 9. — С. 38—40.
6. Информационно-аналитические материалы и информация // Соц. обслуживание. — 2015. — № 8. — С. 102—108.
7. Колмакова, И. Д. Комплексная организационно-экономическая диагностика как инструмент оценки эффективности функционирования муниципального бюджетного учреждения здравоохранения / И. Д. Колмакова, Е. И. Никитина // Вестн. Челяб. гос. ун-та. — 2014. — № 15 (344). Экономика. Вып. 45. — С. 89—95.
8. Крокинская, О. К. Студент как «потребитель образования»: содержание категории / О. К. Крокинская, С. Ю. Трапицын // Высшее образование в России. — 2015. — № 6. — С. 65—75.
9. Москвина, Н. Б. Профессиональная деятельность преподавателя вуза: проблема разрушения смысла / Н. Б. Москвина // Высшее образование в России. — 2014. — № 12. — С. 36—42.
10. Тавокин, Е. П. Социальная политика : учеб. пособие / Е. П. Тавокин. — М. : ИНФРА-М, 2013. — 157 с.

11. Федеральный закон от 29 декабря 2012 года № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (дата обращения: 14.02.2016).
12. Федеральный закон от 21 ноября 2011 года № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан РФ» [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». — URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=197271> (дата обращения: 14.02.2016).
13. Федеральный закон от 28 декабря 2013 года № 442-ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в РФ» [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». — URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=166044> (дата обращения: 14.02.2016).
14. Юсупов, М. Р. Опыт организационно-административной работы в системе социальных служб, учреждений и организаций : учеб. пособие / М. Р. Юсупов, О. Т. Бабанова. — Челябинск : Изд-во Челяб. гос. ун-та, 2010. — 206 с.
15. Большой энциклопедический словарь [Электронный ресурс]. — URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc3p/294410>.

Сведения об авторе

Колесник Елена Анатольевна — кандидат экономических наук, профессор кафедры государственного и муниципального управления Челябинского государственного университета, Челябинск, Россия. gmu@csu.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2016. No. 6 (388). *Economic Sciences. Iss. 53. Pp. 44—50.*

MODERN TRENDS IN THE MANAGEMENT OF INDIVIDUAL BRANCHES OF THE SOCIAL SPHERE OF THE RUSSIAN FEDERATION

E.A. Kolesnik

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. gmu@csu.ru

The article highlights modern trends in education, health-protection and social servicing of citizens. The analysis carried out at three different levels — Federal, regional and local. Analyzed legislative framework of the modern management of the social sphere and identified the major contradictions and norms that require further development. The typical problems of management of social sphere, identified their causes and negative consequences. Impact of transition to service delivery in the social sectors instead of the traditional “each, heal, help” dealt with in the standpoint of Economics, law, management and psychology. The article gives us information about the degree of satisfaction of consumers of services in the field of higher education. The primary role of government in the management of branches of social sphere is reduced to the formation of a shared and supported my country’s population policy, based on the value of human’s life and not on providing a standard set of social data services.

Keywords: *social sphere, education, health, social service, services, social services, social entrepreneurship, Federal, regional, local authorities, social values.*

References

1. Babun R.V. Upravleniye sotsial’noy sferoy goroda: razgranicheniye polnomochiy i sistema finansirovaniya [Management of social sphere of the city: a full delineation of authority and financing system]. *Munitsipal’naya vlast’* [Municipal government], 2012, no. 2, pp. 76—80. (In Russ.).
2. Gerasimenko V.G. Izucheniye perspektiv razvitiya dopolnitely’nogo professionaly’nogo obrazovaniya v natsional’nom regione [The study of prospects of development of additional professional education in the national region]. *Vestnik Universiteta (GUU)* [Bulletin of the University (State University of management)], 2015, no. 13, pp. 225—229. (In Russ.).
3. Goncharov M.A. *Osnovy marketinga i konsaltinga v sfere obrazovaniya* [Principles of marketing and consulting in the field of education]. Moscow, KNORUS Publ., 2010. 336 p. (In Russ.).

4. Eliseyeva E.N. Dinamika udovletvoryonnosti potrebiteley obrazovatel'nykh uslug: analiz i problemy [Dynamics of satisfaction of consumers of educational services: analysis and challenges]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University], 2015, no. 1 (356), pp. 49—52. (In Russ.).

5. Eliseyeva E.N. Faktory udovletvoryonnosti potrebiteley obrazovatel'nykh uslug kachestvom obrazovaniya v vuze [Factors of customer satisfaction of educational services quality of University education]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Chelyabinsk state University], 2014, no. 2 (331), pp. 38—40. (In Russ.).

6. Informatsionno-analiticheskiye materialy i informatsiya [Information and analytical materials and information]. *Sotsial'noye obsluzhivaniye* [Social service], 2015, no. 8, pp. 102—108. (In Russ.).

7. Kolmakova I.D., Nikitina Ye.I. Kompleksnaya organizatsionno-ekonomicheskaya diagnostika kak instrument otsenki effektivnosti funktsionirovaniya munitsipal'nogo byudzhethnogo uchrezhdeniya zdravookhraneniya [Complex organizational and economic diagnostics as a tool of evaluating the performance of the municipal budget institution of health]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University], 2014, no. 15 (344), pp. 89—95. (In Russ.).

8. Krokinskaya O.K., Trapitsyn S.Yu. Student kak “potrebitel' obrazovaniya”: sodержaniye kategorii [The student as “consumer of education”: content of category]. *Vyssheye obrazovaniye v Rossii* [Higher education in Russia], 2015, no. 6, pp. 65—75. (In Russ.).

9. Moskvina N.B. Professional'naya deyatelnost' prepodavatelya vuza: problema razrusheniya smyslov [Professional activities of University teachers: the problem of the destruction of the senses]. *Vyssheye obrazovaniye v Rossii* [Higher education in Russia], 2014, no. 12, pp. 36—42. (In Russ.).

10. Tavokin E.P. Sotsial'naya politika [Social policy]. Moscow, INFRA-M Publ., 2013. 157 p. (In Russ.).

11. Federal law of 29.12.2012 no. 273-FZ “About education of the Russian Federation”. *Spravochnaya pravovaya sistema “Konsul'tantPlyus”* [Legal reference system “ConsultantPlus”]. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/, accessed 14.02.2016. (In Russ.).

12. Federal law of 21.11.11 no. 323-FZ “About fundamentals of public health of the citizens of the Russian Federation”. *Spravochnaya pravovaya sistema “Konsul'tantPlyus”* [Legal reference system “ConsultantPlus”]. Available at: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=197271>, accessed 14.02.2016. (In Russ.).

13. Federal law of 28.12.13 no. 442-FZ “About fundamentals of social servicing of citizens in the Russian Federation”. *Spravochnaya pravovaya sistema “Konsul'tantPlyus”* [Legal reference system “ConsultantPlus”]. Available at: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=166044>, accessed 14.02.2016. (In Russ.).

14. Yusupov M.R., Babanova O.T. *Opyt organizatsionno-administrativnoy raboty v sisteme sotsial'nykh sluzhb, uchrezhdeniy i organizatsiy* [Experience of organizational and administrative work in the system of social services, institutions and organizations]. Chelyabinsk, 2010. 206 p. (In Russ.).

15. *Bol'shoy entsiklopedicheskiy slovar'* [Great encyclopedic dictionary]. Available at: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc3p/294410>, accessed 14.02.2016. (In Russ.).

УДК 338
ББК У209.1

КИБЕРПРЕСТУПНОСТЬ КАК ТЕНЕВОЙ БИЗНЕС

И. М. Глотина

Пермская государственная сельскохозяйственная академия, Пермь, Россия

Раскрыта проблема киберпреступности, ставшей специфическим бизнесом и являющейся угрозой экономической безопасности страны. Рассматривается современное состояние борьбы с компьютерными преступлениями в современной России. Анализируются виды преступлений, их количественный рост и изменение качественного состава преступлений. Приводятся статистические данные авторитетных российских и зарубежных компаний, свидетельствующие о деструктивном влиянии киберпреступности на экономику государства. Определены причины роста киберпреступлений, используемые технологии, позволяющие превратить кибермошенничество в бизнес. Показан объем различных сегментов рынка киберпреступности. Анализ статистических данных позволил автору выявить основные типы потерь, а также устойчивые тенденции на рынке киберпреступности.

Ключевые слова: *киберпреступность, теневая экономика, экономический ущерб, экономическая безопасность.*

Обеспечение экономической безопасности Российской Федерации становится глобальной проблемой не только по масштабам распространения, но и по глубине и сложности подрывающих ее угроз. Именно поэтому исследование причин возникновения и поиск возможностей их преодоления являются крайне актуальными задачами и находят свое отражение в работах Л. И. Абалкина [1], А. И. Татаркина, А. А. Куклина [2], В. К. Сенчагова [3] и др. Особого внимания в условиях информатизации всех сфер жизни и деятельности современного общества требует угроза киберпреступности, разрушающая основы безопасного существования и взаимодействия всех субъектов информационных отношений.

На сегодняшний день большинство людей значительную часть своего рабочего и свободного времени проводят в сети Интернет. Этот мир безграничных возможностей во многом похож на мир реальный: преступность, которая является, к сожалению, своеобразной частью социума, существует и там. Россия, согласно международным рейтингам, в последние годы традиционно входит в тройку самых опасных с точки зрения киберпреступности стран. Например, в рейтинге компании SpamHaus Россия занимает третье место как страна — источник спама, уступая первенство США и Китаю. При этом большинство крупных криминальных сетей в Интернете, работающих в различных странах мира, имеют российские корни.

Согласно данным отчета Norton-2013, в пятерку стран, где больше всего жертв киберпресту-

плений среди пользователей, входят: Россия — 85 %, Китай — 77 %, Южная Африка — 73 %, США — 63 %, Канада — 68 % [4].

Именно поэтому целью статьи является изучение причин возникновения киберпреступности, выявление современных тенденций на рынке киберпреступлений.

Киберпреступность является подкатегорией компьютерной преступности. Термин подразумевает преступления, совершенные с использованием компьютеров, сети Интернет или иной компьютерной сети как компонента преступления. Компьютеры и сети могут быть задействованы в совершении преступлений следующими способами:

— компьютеры и сети могут быть инструментом и использоваться для совершения преступления;

— компьютеры и сети могут быть целью преступления и в таких случаях становятся жертвами преступления.

Официальная статистика регистрируемой преступности демонстрирует тенденцию к незначительному увеличению числа преступлений. Преступность в сфере телекоммуникаций и компьютерной информации не является исключением. На протяжении последних пяти лет количественные показатели данного вида преступности в России колебались от 8 тыс. до 12,7 тыс. преступлений. В 2013 г. в России было зарегистрировано 11 104 подобных преступлений, что на 8,6 % превышает показатели 2012 г. (рис. 1).

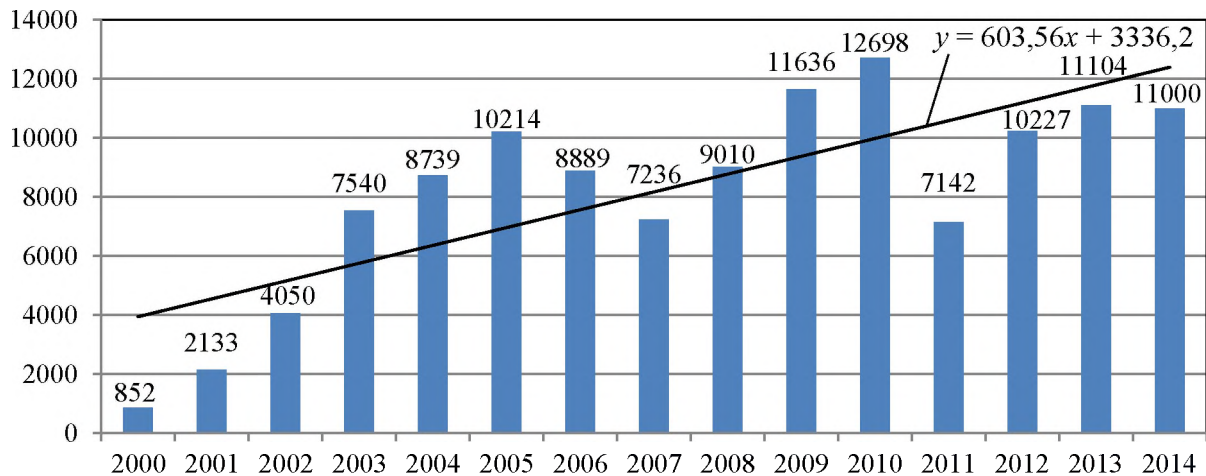

Рис. 1. Количество зарегистрированных в России преступлений в сфере компьютерной информации [5]

Преступность является сложным социальным явлением, которое зависит от политических, экономических, демографических и иных факторов. Естественной причиной возникновения, существования и увеличения преступлений против собственности с использованием компьютерных технологий является совершенствование информационных технологий, расширение производства технических средств и сферы их применения, популярность и доступность в обществе мобильных устройств, а также появление виртуальных форм расчетов как потенциальных объектов преступного посягательства.

По оценкам экспертов, ежегодная выручка преступных групп составляет от одного до двух миллиардов долларов. В основном это денежные средства, украденные у среднего и малого бизнеса через системы дистанционного банковского обслуживания (ДБО) [6].

Естественно, множество людей находят подобный «бизнес» весьма привлекательным. И если раньше это был удел скорее отдельных «одаренных» личностей, приносящих сравнительно небольшой ущерб, то сейчас киберкриминалитет превратился в серьезную, хорошо организованную структуру с большими возможностями и влиянием на все сферы жизни и деятельности общества.

Структура нынешней киберпреступности фактически сформирована: существуют четко обусловленные взаимоотношения и бизнес-модели. Киберпреступность сегодняшнего дня — это мир, который состоит из взаимодействующих и взаимодополняющих групп.

Главным критерием оценки любого бизнеса является его прибыльность, и киберпреступ-

ность не стала исключением. По результатам исследований, проведенных компанией Group-IB, в 2013 г. объем российского рынка киберпреступности составил 2,44 млрд долл. Эксперты компании впервые подсчитали объем мошенничества с пластиковыми картами, так называемый «кардинг», который составил 620 млн долл. [7].

Основной мотив киберпреступников — извлечение материальной выгоды. По данным Бюро специальных технических мероприятий (БСТМ), практически все случаи неправомерного доступа к информации (19 % всех компьютерных преступлений) направлены на хищение денежных средств [8]. По результатам ежегодного исследования, проводимого компанией Symantec, за 2013 г. киберпреступность нанесла мировой экономике ущерб, который оценивается в 113 млрд долл. во всем мире и в 2 млрд долл. в России [4].

Главное направление атак киберпреступников — системы ДБО. За последний год количество инцидентов информационной безопасности в системах ДБО выросло в несколько раз. По данным МВД, только в Москве ежемесячно происходит около десяти успешных мошеннических операций с использованием систем дистанционного банковского обслуживания. По оценкам специалистов, средний ущерб по одному инциденту составляет более 3 млн р. В среднем для одного банка убытки от хищений через ДБО оцениваются в 10 млн р. в месяц.

Компания RSA Security, входящая в состав американской корпорации EMC Corporation, одна из крупнейших в мире корпораций на рынке продуктов, услуг и решений для хранения информа-

ции и управления ею, представила в январе 2016 г. результаты исследования, посвященного расценкам данных интернет-пользователей на рынке киберпреступности. По данным специалистов компании, активный рост пользователей социальных сетей и общая информатизация общества привели к тому, что стоимость пользовательских данных снизилась, однако они по-прежнему остаются объектом повышенного интереса злоумышленников. Так, стоимость аккаунта в популярных социальных сетях с количеством подписчиков выше 500 человек оценивается в 7,5 долл., аккаунты с меньшим числом подписчиков обходятся киберпреступникам примерно в 5 долл. В последнее время повышенный интерес со стороны злоумышленников стал наблюдаться к учетным записям пользователей интернет-магазинов и торговых онлайн-площадок, которые, как правило, содержат много конфиденциальной информации: почтовые, домашние и электронные адреса, номера телефонов, истории покупок, номера пластиковых карт, списки транзакций, и оцениваются преступниками всего в 2—2,5 долл. [9].

Расходы на «вхождение» в такой бизнес невелики. Большинство инструментов и данных, в которых нуждаются злоумышленники, могут быть найдены по сравнительно невысокой цене. Например, наем ботнета обходится примерно в 225 долл., приобретение клавиатурного шпиона — около 20, а хостинг веб-сайтов для фишинговой атаки может стоить и 10 долл.

Однако киберпреступные группировки не жалуют средств: детальный разбор эволюции одного вируса, направленного на воровство денег в электронных платежных системах, показал, что ежемесячно на доработку этого вредоносного программного обеспечения тратится не менее 150 тыс. долл. Далеко не каждая компания может позволить себе такой ежемесячный бюджет на информационную безопасность [6].

Первым шагом большинства киберпреступлений является доставка и установка вредоносной программы. Сегодня основными способами распространения таких программ являются заражение веб-страниц и спам-рассылки. После того как вредоносная программа попала на незащищенный компьютер, преступники стараются как можно дольше сохранять ее необнаруженной.

Другая распространенная технология, часто используемая киберпреступниками, — нарушение работы антивирусов для предотвращения выявления вредоносного программного обеспе-

чения, а также продления его существования на компьютере-жертве.

Наиболее тревожные тенденции настоящего времени:

- рост популярности программ-вымогателей, которые являются чрезвычайно прибыльной сферой деятельности киберпреступников благодаря тому, что «держат в заложниках» данные пользователей до тех пор, пока не будет заплачен «выкуп»;

- развитие высокоэффективных эксплойт-наборов, компрометирующих системы через использование уязвимости в программном обеспечении [10];

- увеличение количества атак с применением социальной инженерии совместно с технологическими методами [11].

Киберпреступления можно разделить на четыре основные группы: кража информации и данных, мошенничество, размещение запрещенных материалов и нарушение авторских прав.

По данным ООН, самым распространенным преступлением в мире является кража информации при проведении финансовых операций через Интернет: данные кредитных карт или банковских счетов.

По результатам исследования компании Symantec, чаще всего жертвами кибермошенников в сети Интернет становятся компании с численностью сотрудников, не превышающей 250 человек. В число самых привлекательных для кибермошенников отраслей вошли производственная сфера, гостиничные, рекреационные услуги, услуги ремонта, финансовый сектор, страхование и недвижимость. В социальных сетях 82 % атак представляли собой фальшивые предложения. В глобальном почтовом трафике 62,1 % пришлось на долю спама. Наибольшей популярностью у спамеров среди доменов верхнего уровня пользовался домен .COM. В пятерку стран — получателей спама вошли Шри-Ланка (74,7 %), Израиль (68,8 %), Бразилия (66,9 %), Южная Африка (65,3 %) и Кувейт (64,8 %). Странами — источниками спама стали Канада (7,7 %), Испания (6,8 %), Россия (6,4 %), США (5,9 %), Финляндия (5,6 %) [12].

Ущерб от кражи интеллектуальной собственности и конфиденциальной деловой информации является наиболее важной категорией ущерба. Интернет часто становится торговой площадкой для распространения запрещенных товаров и различных подделок. За последние годы объем контрафактной продукции, поставляемой из стран

Азии, вырос почти в десять раз. Значительная доля приходится на лекарства, оборот которых в Европе составляет примерно 10 млрд долл. Как правило, подобные товары распространяются через различные интернет-сайты, а также через спам-рассылки в социальных сетях и на электронную почту.

От киберпреступлений ежегодно, по расчетам экспертов ООН, страдают более 1,5 млрд человек в 233 странах. С точки зрения распределения по регионам, наибольшее количество IT-преступлений, в частности в финансовой сфере, зафиксировано на территории Приволжского федерального округа. На втором месте в этой статистике находится Центральный федеральный округ, за ним следует Северо-Западный федеральный округ. Меньше всего киберпреступлений зарегистрировано на территории Северо-Кавказского федерального округа [13].

По итогам 2015 г. потери от киберпреступлений в России составили около 4 млрд долл., куда вошли потери граждан из-за мошеннических действий злоумышленников в Интернете и потери компаний от утечек конфиденциальной информации. Основные причины финансовых убытков — целенаправленные атаки на организации, халатные действия сотрудников компаний и невнимательность интернет-пользователей.

По результатам исследований, проведенных специалистами компании Symantec, ущерб от кибератак по всему миру за 2015 г. составил примерно 159 млрд долл. Общее количество жертв хакерских атак в мире оценивается как 594 млн человек [14].

Потеря финансовых активов или утечка конфиденциальной информации не исчерпывают весь перечень ущербов от вредоносных действий в киберпространстве. Он также включает: ущерб, наносимый репутации компании или личности; ущерб клиентам в результате мошенничества; альтернативные издержки, связанные с устранением сбоев в обслуживании клиентов после киберинцидентов; а также дополнительные расходы на обеспечение кибербезопасности [15].

Так, по данным исследования «Затраты госведомств России на информационную безопасность в 2013 г.», проведенного компанией «Код Безопасности», российские государственные ведомства за год потратили на обеспечение информационной безопасности около 4,8 % своих IT-бюджетов. Среди наиболее востребованных продуктов оказались межсетевые экраны и сред-

ства создания VPN (27 % IT-бюджета), антивирусы (18 %), средства защиты информации от несанкционированного доступа и модули доверенной загрузки (13 %).

При проведении исследования компания использовала данные Минкомсвязи о расходах государственных органов, а также материалы с сайта госзакупок. Объектом исследования стали МВД, ФНС, ФТС, Федеральное казначейство, ПФР, Минкомсвязь, ЦИК. По данным Минкомсвязи, расходы органов власти на информационные технологии в 2013 г. составили более 100 млрд р., из которых около 4,8 % было потрачено на обеспечение информационной безопасности (рис. 2).

По словам экспертов, в России сейчас работает около шести профессиональных преступных, хорошо организованных групп, имеющих в составе программистов-вирусописателей, распространителей вредоносного программного обеспечения, специалистов по проведению платежей, по обналичиванию денежных средств, юристов и специалистов по безопасности [4].

Одной из главных причин роста киберпреступности как теневого бизнеса является незначительный риск: поскольку киберпреступность не имеет геополитических границ, правоохранительным органам трудно ловить преступников, а проведение международных расследований и ведение судебных дел стоят больших денег. Подобные действия, как правило, предпринимаются только в особых случаях. По статистике, из общего числа поданных заявлений лишь 3 % доходят до возбуждения уголовных дел. Ответственность за свои действия несут лишь 5—7 преступников, а значит, доля привлеченных к ответственности не составляет и 0,1 % всех имевших место киберпреступлений. Это порождает чувство полной безнаказанности у киберпреступников [4].

Одновременно в обществе формируется положительный образ хакера как борца за свободу слова, бесплатное программное обеспечение и прочие интернет-блага. Растущая лояльность населения свидетельствует о габитулизации теневых практик в сети Интернет. Эта проблема опасна тем, что население начинает рассматривать их как едва ли не единственный способ обеспечить индивидуальную безопасность и безопасность своего бизнеса. В таком случае угрозами уже начинают считаться элементы государственной социально-экономической политики.

Наконец, киберпреступность — это просто, поскольку в Интернете предлагается огромное

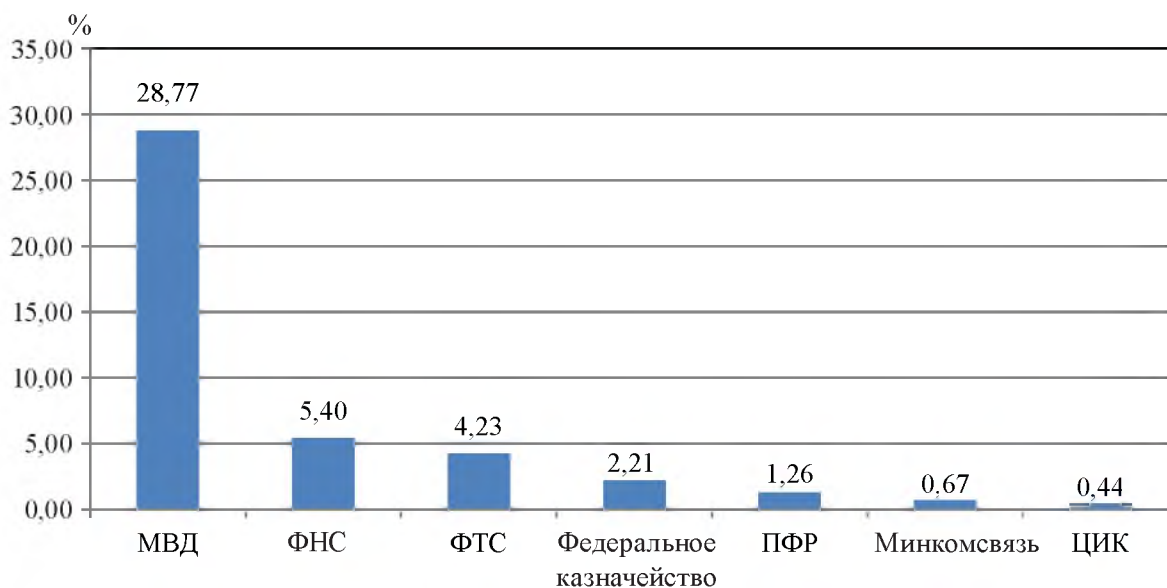

Рис. 2. Доля затрат ведомств Российской Федерации на информационную безопасность в общей сумме затрат на ИКТ [16]

количество «инструкций» по взлому компьютеров и написанию вирусов, при этом каких-либо специальных знаний и опыта не требуется. Вот основные факторы, превратившие киберпреступность в индустрию, обороты которой исчисляются миллиардами долларов.

Таким образом, высокая социальная и экономическая опасность киберпреступности объясняется прежде всего возрастающей ролью системы общественных отношений, которым она угрожает, а также ее транснациональным и организованным характером. Ни одно государство сегодня не способно противодействовать этому явлению самостоятельно, поэтому неотложной

задачей является активизация международного сотрудничества.

В новых реалиях стремительного вхождения нашей страны в единое информационное пространство необходимо системное и последовательное противодействие киберпреступности — как в целом, так и ее отдельным, наиболее распространенным видам. Для минимизации ущерба экономике требуется разработка эффективных мер борьбы и предупреждения киберпреступлений, совершенствования законодательства, в том числе международного, по вопросам информационной и кибернетической безопасности.

Список литературы

1. Абалкин, Л. Экономическая безопасность России: угрозы и их отражение / Л. Абалкин // *Вопр. экономики.* — 1994. — № 12. — С. 4—13.
2. Татаркин, А. И. Изменение парадигмы исследований экономической безопасности региона / А. И. Татаркин, А. А. Куклин // *Экономика региона.* — 2012. — № 2. — С. 25—39.
3. Сенчагов, В. К. Экономическая безопасность как основа обеспечения национальной безопасности России / В. К. Сенчагов // *Вопр. экономики.* — 2001. — № 8. — С. 64—79.
4. Аналитический отчет Norton report 2013 [Электронный ресурс]. — URL: http://www.symantec.com/about/news/resources/press_kits/detail.jsp?pkid=norton-report-2013 (дата обращения: 03.05.2014).
5. Мошков, А. Н. Новые информационные угрозы требуют идти в ногу со временем / А. Н. Мошков // *Вопр. кибербезопасности.* — 2014. — № 3 (4). — С. 2—6.
6. Киберпреступность — масштабы огромны, ответственности — ноль? Что ждет российские компании? [Электронный ресурс] // Global CIO : офиц. портал ИТ-директоров. — URL: <http://www.globalcio.ru/workshops/26/> (дата обращения: 28.02.2016).
7. Group-IB Total intelligence report 2012—2013 [Электронный ресурс]. — URL: <http://report2013.group-ib.com/> (дата обращения: 26.04.2014).
8. Министерство внутренних дел Российской Федерации [Электронный ресурс] : офиц. сайт Мин-ва внутр. дел Рос. Федерации. — URL: <http://mvd.ru> (дата обращения: 04.05.2014).

9. Киберпреступность в мире [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.tadviser.ru> (дата обращения: 12.02.2016).
10. Что такое эксплойты и почему их все так боятся? [Электронный ресурс]. — URL: <https://blog.kaspersky.ru/exploits-problem-explanation/8459/> (дата обращения: 05.03.2016).
11. Информационная безопасность. Итоги года глазами экспертов Positive Technologies [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.securitylab.ru/news/478103.php> (дата обращения: 05.03.2016).
12. 39 % всех атак в январе были направлены против небольших компаний [Электронный ресурс] // CNews : изд. о высоких технологиях. — URL: http://safe.cnews.ru/news/line/39_yseh_atak_v_yanvare_byli_napravleny (дата обращения: 05.03.2016).
13. По IT-криминалу — «ликбезом» [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.journal.ib-bank.ru/post/299> (дата обращения: 28.02.2016).
14. Ущерб от кибератак в России составил 4 миллиарда долларов в 2015 году [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.computerworld.ru/news/Uscherb-ot-kiberatak-v-Rossii-sostavil-4-milliarda-dollarov-v-2015-godu> (дата обращения: 12.02.2016).
15. Глотина И. М. Экономическая безопасность в контексте информационного общества : монография / И. М. Глотина. — Пермь : Прокрость, 2015. — 208 с.
16. Затраты госведомств России на информационную безопасность в 2013 году [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.securitycode.ru> (дата обращения: 07.03.2016).

Сведения об авторе

Глотина Ирина Михайловна — кандидат экономических наук, доцент, заведующая кафедрой информационных технологий и автоматизированного проектирования Пермской государственной сельскохозяйственной академии, Пермь, Россия. glotina-i@yandex.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2016. No. 6 (388). *Economic Sciences. Iss. 53. Pp. 51—57.*

CYBER-CRIME AS SHADOW BUSINESS

I.M. Glotina

Perm State Agricultural Academy, Perm, Russia. glotina-i@yandex.ru

The paper discovers the problem of cyber-crime that has become a specific business and a menace for economic security of the country. The current state of the fight against computer crime in modern Russia is considered. The types of crimes, their quantitative growth and qualitative change in the composition of the crimes are analyzed. The paper contains some statistical data of authoritative Russian and foreign companies, proving destructive influence of cyber-crime on the state's economy. Main causes for the growth of cyber-crime as shadow business are as following: negligible risk, loyal society's attitude to cyber-criminals, ease of learning. Criminals' motives, technologies applied in the virtual environment, expenditures to start up "business" are described in the paper. It also shows volume of different cybercrime segments. Analysis of statistical information enabled the author to highlight main types of loss, victims of cyber-criminals, and concurrent tendencies on the cyber-crime market.

Key words: *cyber-crime, shadow economy, economic loss, economic security.*

References

1. Abalkin L. Ekonomicheskaya bezopasnost' Rossii: ugrozy i ikh otrazheniye [The economic security of Russia: threats and their reflection]. *Voprosy ekonomiki* [Economic issues], 1994, no. 12, pp. 4—13. (In Russ.).
2. Tatarkin A.I., Kuklin A.A. Izmeneniye paradigmy issledovaniy ekonomicheskoy bezopasnosti regiona [Changing the paradigm of research of economic safety of region]. *Ekonomika regiona* [The region's economy], 2012, no. 2, pp. 25—39. (In Russ.).

3. Senchagov V.K. Ekonomicheskaya bezopasnost' kak osnova obespecheniya natsional'noy bezopasnosti Rossii [The economic security as the basis for ensuring Russia's national security]. *Voprosy ekonomiki* [Economic issues], 2001, no. 8, pp. 64—79. (In Russ.).
4. *Analiticheskiy otchyot Norton report 2013* [Analytical report Norton report 2013]. Available at: http://www.symantec.com/about/news/resources/press_kits/detail.jsp?pkid=norton-report-2013, accessed 03.05.2014.
5. Moshkov A.N. Novye informatsionnye ugrozy trebuyut idti v nogu so vremenem [New information menaces force to keep up with the times]. *Voprosy kiberbezopasnosti* [Cyber security issues], 2014, no. 3 (4), pp. 2—6. (In Russ.).
6. *Kiberprestupnost' — masshtaby ogromny, otvetstvennosti — nol'?* *Chto zhdyot rossiyskiye kompanii? Ofitsial'nyy portal IT-direktorov* [Cyber-crime means huge scales, no responsibilities? What waits for Russian companies? Official portal for IT-managers]. Available at: <http://www.globalcio.ru/workshops/26/>, accessed 28.02.2016. (In Russ.).
7. *Group-IB Total intelligence report 2012—2013*. Available at: <http://report2013.group-ib.com/>, accessed 26.04.2014.
8. *Sayt Ministerstva vnutrennikh del Rossiyskoy Federatsii* [Site of the Ministry of Internal Affairs of Russian Federation]. Available at: <http://mvd.ru>, accessed 04.05.2014. (In Russ.).
9. *Kiberprestupnost' v mire* [Cyber-crime in the world]. Available at: <http://www.tadviser.ru>, accessed 12.02.2016. (In Russ.).
10. *Chto takoye eksployty i pochemu ikh vse tak boyatsya?* [What is exploits and why everyone is afraid of them?]. Available at: <https://blog.kaspersky.ru/exploits-problem-explanation/8459/>, accessed 05.03.2016. (In Russ.).
11. *Informatsionnaya bezopasnost'. Itogi goda glazami ekspertov Positive Technologies* [Information security. Annual outcome — meaning of the Positive Technologies experts]. Available at: <http://www.securitylab.ru/news/478103.php>, accessed 05.03.2016. (In Russ.).
12. *39 % vsekh atak v yanvare byli napravleny protiv nebol'shikh kompaniy* [39 % of all attack in January were against small-scaled companies]. Available at: http://safe.cnews.ru/news/line/39_vseh_atak_v_yanvare_byli_napravleny, accessed 05.03.2016. (In Russ.).
13. *Po IT-kriminalu — "likbezom"* [Illiteracy eradication against IT-crime]. Available at: <http://www.journal.ib-bank.ru/post/299>, accessed 28.02.2016. (In Russ.).
14. *Ushcherb ot kiberatak v Rossii sostavil 4 milliarda dollarov v 2015 godu* [Loss from cyber-attacks in Russia constituted 4 milliard dollars in 2015]. Available at: <http://www.computerworld.ru/news/Uscherb-ot-kiberatak-v-Rossii-ostavil-4-milliarda-dollarov-v-2015-godu>, accessed 12.02.2016. (In Russ.).
15. Glotina I.M. *Ekonomicheskaya bezopasnost' v kontekste informatsionnogo obshchestva* [Economic security in the context of the information society]. Perm, Prokrost Publ., 2015. 208 p. (In Russ.).
16. *Zatraty gosvedomstv Rossii na informatsionnyuyu bezopasnost' v 2013 godu* [Russian state structures expenses for information security in 2013]. Available at: <http://www.securitycode.ru>, accessed 07.03.2016. (In Russ.).

УДК 332.1
ББК У305.2

ПЕРСПЕКТИВЫ РЕИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ МЕТАЛЛУРГИЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА УрФО¹

А. С. Дьячков^а, О. В. Дьяченко^б

^аГосударственный университет управления, Москва, Россия

^бЧелябинский государственный университет, Челябинск, Россия

Рассматриваются перспективы реиндустриальных преобразований в Уральском федеральном округе. Обозначена стратегическая важность в обеспечении экономической безопасности страны старопромышленных региональных производств. Приведен сравнительный анализ показателей развития добывающей и обрабатывающей промышленности в регионе, выявивший более высокие результаты в сфере обрабатывающих производств. Показатели развития добывающих производств в Уральском федеральном округе, напротив, продемонстрировали отрицательную динамику роста, а также указали на высокие риски в случае консервирования модели регионального экономического развития. Основная поставленная задача: обозначить перспективность и приоритетность реиндустриализации металлургического комплекса в УрФО.

Ключевые слова: реиндустриализация, добывающие отрасли, обрабатывающие производства, модернизация, валовая добавленная стоимость, индекс промышленного производства, металлургия, нефтедобыча.

Задача реиндустриализации России, в частности УрФО, на сегодняшний день стоит достаточно остро. Проблеме реиндустриализации в экономической литературе уделяется много внимания. Научный интерес в этой области вызывают работы таких ученых, как В. И. Бархатов [1], С. Д. Бодрунов [3], М. А. Гасанов [3], В. Н. Дасковский [4], Е. Ленчук, Г. Власкин, В. Филатов [8], В. Т. Рязанов [13], О. С. Сухарев [14] и др. Вопросы развития различных отраслевых комплексов УрФО наиболее полно раскрыты в работах сотрудников Института экономики УрО РАН: А. И. Татаркина [15], О. А. Романовой [12], А. Г. Шеломенцева с соавт. [16] и др.

Актуальность данного проекта объясняется достаточно просто: «реиндустриализация — это условие экономической безопасности страны». Промышленный потенциал Уральского федерального округа вносит далеко не последний вклад в обеспечение экономической безопасности России. Тем не менее данный потенциал мог бы быть выше. Этому есть ряд причин.

Некогда мощнейшие производительные силы страны располагались на Урале. В силу объективно-субъективных причин за прошедшие несколько десятилетий мы значительно утратили промышленный потенциал данной территории.

Ресурсная и производственная база УрФО — это важнейшее условие обеспечения кооперации связей между западной и восточной частями России. Однако существует противоречие, которое ограничивает экономический рост и развитие региона. При достаточно высокоразвитом ресурсном обеспечении технологический базис производства находится на недопустимо низком уровне. Это объясняет ресурсную направленность экономики региона.

Мы считаем, что такое противоречие следует преодолевать не за счет постепенного отказа от ресурсоориентированного типа развития, а, напротив, за счет углубления степени перерабатываемых ресурсов, то есть за счет роста высокотехнологического производственного потенциала. Таким образом, в целях обеспечения экономической безопасности страны, региона в частности, острой необходимостью является решение задачи обновления производственных мощностей тех промышленных предприятий, которые сформировали промышленный облик субъектов федерации. В данном случае реиндустриализацию мы понимаем как систему мероприятий, направленных на обеспечение условий перехода промышленного производства страны на новый технологический уровень за счет:

1) обновления производственных мощностей и внедрения собственных передовых технологий

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке гранта президента РФ (проект МК-2853.2015.6).

в различных системообразующих отраслях хозяйства региона;

2) развития условий для появления фирм, ориентирующихся на производство в сфере 5-6-го технологического уклада.

Следует добавить, что реиндустриализация — это комплекс мероприятий стратегического характера, применяемых государством в отношении повышения конкурентоспособности национальной промышленности. Чаще всего эти мероприятия носят институциональный характер.

Остро в реиндустриальных преобразованиях сегодня нуждаются сферы производства, которые обеспечивают экономическую безопасность региона и страны. В случае УрФО основной вклад в устойчивое социально-экономическое развитие принадлежит добывающим и перерабатывающим отраслям: нефтедобыче и металлургическому производству. Таким образом, в целях формирования нового конкурентного облика региона, перспектив его стратегического развития в сфере промышленного производства, повышения уровня и качества жизни населения считаем актуальным вопрос применения государством усилий по формированию преференций для отраслевых точек роста.

В нижеприведенной статистической информации (табл. 1) представлены базовые характеристики промышленного производства Уральского федерального округа, в частности:

- показатели добычи природных ископаемых;
- показатели обрабатывающих производств (металлургическое производство).

Средние темпы роста отгрузки товаров в сфере добычи полезных ископаемых и в сфере обрабатывающих производств в целом по России нахо-

дятся на одинаковом уровне — 27 %. По УрФО картина несколько иная: средние темпы роста отгрузки товаров в сфере добычи полезных ископаемых достигли показателя 17 %, в то время как в сфере обрабатывающих производств средний темп роста составил 24 %. Также можно отметить, что темпы роста объема отгрузки как ресурсов, так и результатов обрабатывающих производств на протяжении всего промежутка времени постепенно сокращаются, что является негативной тенденцией. В качестве позитивного тренда можно отметить устойчивый прирост объема отгрузки в абсолютном исчислении. Таким образом, наблюдается, во-первых, значительный дисбаланс между двумя сферами промышленности; во-вторых, при усугублении ситуации на рынке энергоресурсов (именно это на сегодняшний день наблюдается) серьезно увеличивается нагрузка на металлургический комплекс при обеспечении устойчивого финансового развития региона, а также возрастут риски при реализации сложившейся ресурсной модели развития региона.

В табл. 2 представлена структура объема отгруженной продукции в сфере добычи полезных ископаемых.

Добыча полезных ископаемых в УрФО на 97,5 % представлена добычей топливно-энергетических полезных ископаемых, лишь 2,5 % приходится на твердые полезные ископаемые, необходимые в производственной деятельности металлургических предприятий. Максимальный вклад в данную структуру обеспечивает Тюменская область вместе с входящими в ее состав автономными округами. Добыча твердых полезных ископаемых обеспечивается в остальных субъектах

Таблица 1

Объем отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами по видам экономической деятельности в фактически действовавших ценах, млн р.¹

Регион	2005	2010	2011	2012	2013	2014
Добыча полезных ископаемых						
Российская Федерация	3 062 460	6 217 952	8 020 217	8 950 066	9 748 137	10 287 069
Уральский федеральный округ	1 698 324	2 525 077	3 155 976	3 698 249	3 594 732	3 771 668
Доля УрФО в РФ, %	55,46	40,61	39,35	41,32	36,88	36,66
Обрабатывающие производства						
Российская Федерация	8 871 976	18 880 737	22 813 279	25 110 611	27 132 731	30 117 668
Уральский федеральный округ	1 193 848	2 475 835	2 987 202	3 211 212	3 337 978	3 506 425
Доля УрФО в РФ, %	13,46	13,11	13,09	12,79	12,30	11,64

¹ Все таблицы в данной статье составлены по данным Росстата.

Таблица 2

**Структура объема отгруженной продукции (работ, услуг)
по виду экономической деятельности «Добыча полезных ископаемых» в 2014 г., %**

Регион	Виды добычи полезных ископаемых	
	Топливо-энергетические	Все остальные
Российская Федерация	89,0	11,0
Уральский федеральный округ	97,5	2,5
Свердловская область	2,0	98,0
Тюменская область:		
Ханты-Мансийский автономный округ — Югра	99,9	0,1
Ямало-Ненецкий автономный округ	99,9	0,1
Тюменская область без автономных округов	99,3	0,7
Челябинская область	1,0	99,0

федерации, входящих в состав УрФО (Курганская, Свердловская и Челябинская области).

По ряду показателей промышленного производства УрФО занимает ведущие позиции в России (табл. 3).

По табл. 3 можно наблюдать устойчивую динамику снижения абсолютных и относительных показателей добычи природного и попутного газа в УрФО. Однако в России в целом показатели добычи нефти и природного газа демонстрируют положительную динамику. Снижение темпов добычи природных энергетических ресурсов на Урале в первую очередь связываем с мировой рыночной конъюнктурой, а также со складывающимися тенденциями в геополитическом пространстве. Добыча нефти и природного газа до настоящего времени обеспечивала поступления в федеральный и региональный бюджеты на достаточно высоком уровне. В 2012 г. В. В. Путин в своем выступлении на Инвестиционном форуме «Россия зовет!» сказал: «Все понимают, что для того, чтобы выйти из существующих проблем, нужно время и нетривиальные подходы. Нужно серьезно менять модель экономического развития, и попытки цепляться за старые рецепты будут толь-

ко консервировать проблемы» (сайт «Президент России»; <http://www.kremlin.ru/events/president/news/16569>). Последние события в мировой экономике продемонстрировали, что развитие страны за счет доходов от экспорта природных ископаемых ограничено и в перспективе связано с серьезными угрозами как для регионов — доноров природных ресурсов, так и для устойчивого функционирования страны.

В современных условиях основывать модель экономического развития страны на отраслях, добывающих природные ресурсы, рискованно и нецелесообразно. Об этом могут свидетельствовать такие показатели, как индекс промышленного производства и отраслевая структура добавленной стоимости в региональном ВВП.

Из табл. 4 видим, что обрабатывающие производства демонстрируют положительный прирост индекса, напротив, индекс производства добывающих отраслей, в частности нефтяной и газовой, в Тюменской области показывает спад. Челябинская и Свердловская области как флагманы российской металлургической промышленности обеспечивают устойчивый прирост индекса как в добывающих, так и в обрабатывающих производствах.

Таблица 3

Добыча нефти и природного газа

Регион	2010	2011	2012	2013	2014
Добыча нефти, включая газовый конденсат, тыс. т					
Российская Федерация	505 556	512 388	518 747	521 692	526 126
Уральский федеральный округ	307 051	305 175	304 468	301 728	300 619
Доля УрФО в РФ, %	60,7	59,6	58,7	57,8	57,1
Добыча природного и попутного газа, млн куб. м					
Российская Федерация	651 349	670 837	654 650	667 613	642 827
Уральский федеральный округ	572 295	588 915	569 472	579 360	546 542
Доля УрФО в РФ, %	87,9	87,8	87,0	86,8	85,0

Таблица 4

Индексы производства по видам экономической деятельности, % к предыдущему году

Регион	2009	2010	2011	2012	2013	2014
Добыча полезных ископаемых						
Уральский федеральный округ	102,1	102,0	99,5	98,9	99,7	99,2
Курганская область	137,0	138,0	117,3	133,4	94,8	92,2
Свердловская область	101,9	189,5	106,3	102,0	102,5	109,8
Тюменская область, в том числе:	102,1	100,0	99,1	98,6	99,5	98,5
Ханты-Мансийский автономный округ — Югра	104,3	98,2	98,2	98,6	98,0	98,2
Ямало-Ненецкий автономный округ	97,6	103,9	101,0	97,8	103,7	98,0
Челябинская область	101,2	108,2	107,9	111,7	102,8	123,5
Обрабатывающие производства						
Уральский федеральный округ	106,3	111,2	108,2	107,6	104,1	103,5
Курганская область	105,3	114,6	111,1	111,6	100,4	91,4
Свердловская область	105,5	110,5	107,7	112,5	104,3	101,7
Тюменская область, в том числе:	107,3	111,1	108,0	105,4	110,8	110,7
Ханты-Мансийский автономный округ — Югра	100,9	105,4	105,5	97,7	99,2	103,5
Ямало-Ненецкий автономный округ	106,1	111,7	110,0	109,6	111,0	113,1
Тюменская область без автономных округов		117,1	117,2	114,6	112,7	118,8
Челябинская область	106,8	111,8	108,6	101,4	100,4	103,3

В табл. 5 представлена информация об отраслевой структуре валовой добавленной стоимости в зависимости от типа экономической деятельности.

Если рассматривать динамику последних лет показателя вклада промышленности в валовую добавленную стоимость страны и региона относительно 2010 г., отметим, что производства, ориентированные на добычу природных ресурсов, демонстрируют формирование устойчивой зависимости областей от своей хозяйственной деятельности. Однако вклад обрабатывающих про-

изводств в региональную валовую добавленную стоимость показывает обратную тенденцию. Эта ситуация, безусловно, также несет в себе высокие риски.

Подводя промежуточный итог, отметим, что потенциал развития нефтедобывающей отрасли хоть и незначительно, но имеет нисходящую тенденцию. Более того, роль этой отрасли как стратегической «точки роста» в регионе и в стране в целом также постепенно нивелируется как в научных кругах, так и в политической среде. Кроме того, считаем важным отметить, что среди

Таблица 5

Отраслевая структура валовой добавленной стоимости, %

Регион	Виды экономической деятельности									
	Добыча полезных ископаемых					Обрабатывающие производства				
	2005	2010	2011	2012	2013	2005	2010	2011	2012	2013
Российская Федерация	12,8	10,4	11,2	11,2	10,8	18,5	17,7	17,8	17,3	17,4
Уральский федеральный округ	43,5	32,9	35,0	36,2	34,8	11,1	15,6	15,0	14,1	13,5
Курганская область	0,5	0,8	0,8	1,0	0,8	18,4	20,5	20,2	20,4	20,4
Свердловская область	4,4	3,0	4,0	1,9	1,8	31,5	29,1	27,8	27,1	26,2
Тюменская область, в том числе:	59,9	49,9	51,9	54,5	52,5	1,7	7,2	6,8	5,8	6,2
Ханты-Мансийский автономный округ — Югра	74,9	63,0	67,0	68,5	65,6	1,2	2,9	1,9	1,5	1,6
Ямало-Ненецкий автономный округ	61,4	47,9	48,1	52,0	52,6	2,0	1,3	1,1	1,2	1,4
Челябинская область	0,9	1,2	1,3	1,4	1,5	41,4	36,2	36,2	35,8	31,2

стратегических государственных программ развития различных отраслей выделяется программа «Энергоэффективность и развитие энергетики», в которой уделено внимание как нефтяной отрасли, так и газовой. В качестве основных мероприятий господдержки этих отраслей обозначены: разведка новых месторождений, модернизация инфраструктуры, обеспечивающей эффективную транспортировку, эффективная и глубокая переработка природного сырья, реконструкция производственных мощностей. В качестве финансового обеспечения программы используются бюджетные ассигнования в размере 1,3 млрд р. для нефтяной отрасли, внебюджетные источники финансирования для поддержки газовой отрасли. Любопытно отметить, что на государственную программу поддержки металлургического производства в бюджете финансовых средств не предусмотрено, предполагается, что источниками реиндустриальных преобразований в отрасли будут выступать частные инвестиции [18].

Огромное значение в реиндустриальных преобразованиях страны играет металлургический комплекс. На сегодняшний день правительство РФ разработало ряд государственных стратегических программ, в которых роль технологических мощностей металлургии достаточно высока. В современных условиях металлургия выступает основой для развития ряда ведущих отраслей: ОПК, машиностроение, автомобилестроение, судостроение, авиастроение, энергетика, строительство, нефтегазодобыча, химическая промышленность, строительство магистральных нефтепроводов и газопроводов. Именно последняя отрасль в России предъявляет максимальный спрос на металлопродукцию (от 65—75 %). Также основной объем спроса на металлургическую продукцию в стране и в регионе обеспечивают оборонные предприятия — за счет гособоронзаказа. Таким образом, развитие металлургического комплекса в определенной степени зависит от ситуации в этих отраслях.

Горнометаллургический комплекс составляет основу промышленного потенциала УрФО. Развитие УрФО напрямую связано с освоением и обработкой его минерально-сырьевого потенциала, основу которого составляют твердые полезные ископаемые — железорудные месторождения. Главными потребителями железной руды в УрФО являются ведущие металлургические компании. В Челябинской области

это Магнитогорский металлургический комбинат, Магнитогорский калибровочный завод, Магнитогорский метизно-металлургический завод, Челябинский металлургический комбинат, Челябинский электрометаллургический комбинат, Златоустовский металлургический завод, «Мечел», Саткинский чугуноплавильный завод, Челябинский трубопрокатный завод и др. В Свердловской области это Нижнетагильский металлургический комбинат, металлургический завод им. А. К. Серова, Алапаевский металлургический завод, Нижнесалдинский металлургический завод, Верх-Исетский металлургический завод, Серовский ферросплавный завод и др. Представленный металлургический комплекс отчасти обеспечивает УрФО достаточно высокими показателями по отношению к другим регионам промышленного обрабатывающего производства.

Рассмотрим более подробно основные показатели состояния металлургического комплекса в УрФО.

Как видно из табл. 6, в структуре отгруженной продукции обрабатывающих производств большую долю занимает производство кокса и нефтепродуктов, химическое производство, производство резиновых и пластмассовых изделий — более 80 % (Тюменская область и автономные округа, входящие в ее состав), металлургическое производство и производство готовых металлических изделий — более 50 % (Свердловская и Челябинская области).

Производственные мощности металлургического комплекса демонстрирует доля произведенной продукции обрабатывающих металлургических производств УрФО в РФ (табл. 7). Более 35 % металлургической продукции обеспечивают три области: Свердловская, Челябинская и Курганская. Среднегодовые темпы роста металлургического производства по стране и по УрФО находятся практически на одинаковом уровне — 45—50 %. Позитивным моментом считаем, что темпы роста ведущих отраслей металлургического обрабатывающего производства практически в два раза превышают абсолютные показатели в добывающих отраслях.

На представленную структуру и абсолютные показатели промышленного обрабатывающего производства оказывает влияние огромное количество рыночных, макроэкономических, политических факторов (высокая конкуренция со стороны Китая, протекционистские меры,

Таблица 6

Структура объема отгруженной продукции (работ, услуг) по виду экономической деятельности «Обрабатывающие производства» в 2014 г.

Регион	Производство пищевых продуктов, включая напитки, и табака	Текстильное, швейное производство, производство кожи, изделий из кожи и производство обуви	Обработка древесины и производство изделий из дерева	Целлюлозно-бумажное производство; издательская и полиграфическая деятельность	Производство кокса и нефтепродуктов, химическое производство, производство резиновых и пластмассовых изделий	Производство прочих неметаллических минеральных продуктов	Металлургическое производство и производство готовых металлических изделий	Производство машин, транспортных средств и оборудования	Производство оборудования, электронного и оптического оборудования	Прочие виды обрабатывающих производств
Российская Федерация	16,1	1,0	1,3	2,7	33,5	4,2	15,2	15,1	5,7	5,2
Уральский федеральный округ	7,2	0,3	0,6	0,5	28,6	4,5	39,0	9,1	3,7	6,5
Курганская область	23,6	0,5	0,8	0,7	11,0	4,1	15,9	24,8	1,7	16,9
Свердловская область	6,4	0,2	0,6	0,6	4,5	4,7	55,5	10,3	5,3	11,9
Тюменская область, в том числе:	3,3	0,1	0,9	0,4	82,2	1,7	2,4	6,1	2,4	0,5
Ханты-Мансийский автономный округ — Югра	1,5	0,1	1,7	0,3	83,4	0,9	0,9	7,7	3,0	0,5
Ямало-Ненецкий автономный округ	1,1	0,0	0,0	0,2	88,8	0,3	0,2	7,1	2,1	0,2
Тюменская область без автономных округов	5,3	0,1	0,7	0,5	79,4	2,8	4,2	4,6	2,1	0,3
Челябинская область	11,2	0,6	0,3	0,6	4,1	7,4	58,1	9,5	3,1	5,1

Таблица 7

Показатели металлургического производства в РФ

Регион	2010	2011	2012	2013	2014
Выплавка стали, тыс. т					
Российская Федерация	66844	68114	70392	68862	70547
Уральский федеральный округ	24898	25545	26799	25783	26463
Доля УрФО в РФ, %	37,2	37,5	38,1	37,4	37,5
Производство готового проката черных металлов, тыс. т					
Российская Федерация	55031	56492	60036	59169	61219
Уральский федеральный округ	19585	20716	21730	20993	21594
Доля УрФО в РФ, %	35,6	36,7	36,2	35,5	35,3
Производство стальных труб, тыс. т					
Российская Федерация	9190	9979	9723	10083	11256
Уральский федеральный округ	3091	3516	3710	3605	4115
Доля УрФО в РФ, %	33,6	35,2	38,2	35,8	36,6

действующие во многих странах по отношению к российским экспортерам металлопродукции — 28 мер, сужение мирового рынка стали и мн. др.), и их регулирование или нивелирование — процесс достаточно сложный и не всегда эффективный. Непосредственное влияние на состояние и развитие металлургического регионального комплекса, на который можно и нужно оказывать прямое воздействие, имеет материально-технологический базис производства. Считаем, что этот блок внутренних проблем — и есть объект реиндустриальных преобразований. Сюда относим: показатели эффективности использования природных ископаемых ресурсов; показатели состояния материально-технической базы обрабатывающих производств; эффективную и современную выстроенную инфраструктуру; качество кадрового обеспечения современного металлургического предприятия. Решение этих системных стратегических вопросов позволит обеспечить качественную системную модернизацию металлургического комплекса, затрагивая и те сферы, которые зависят от качества поставляемой металлургическими компаниями продукции, создать конкурентные преимущества национального производства на мировом рынке, сформировать устойчивый деловой климат в моногородах Урала, спрос для новых компаний, занимающихся новыми разработками в сфере обрабатывающей промышленности. Основным вопросом выступает то, с помощью каких инструментов будет осуществляться модернизация перечисленных сфер. Поскольку подавляющая доля металлургических компаний в частной собственности, представляется, что достаточно много противоречий заключается именно здесь, так как в госу-

дарственной программе ассигнований из бюджета на развитие металлургии не предусмотрено, а собственник не всегда заинтересован выделять финансовые ресурсы в необходимом объеме на инновационное воспроизводство материально-технического базиса.

Тем не менее при решении проблемы экономической безопасности страны через призму реиндустриализации считаем неверным ставить акценты лишь на роли обрабатывающих производств. Постановку ребром вопроса: развиваться за счет доходов от продажи нефти и иных природных ресурсов либо поднимать конкурентоспособность отечественного обрабатывающего производства — считаем ошибочной и достаточно опасной. Считаем, что центральная проблема, которую необходимо решать, — это низкая добавленная стоимость реализуемой продукции.

В данном случае возникает правомерный вопрос относительно того, насколько актуальна государственная поддержка тех экспортно-ориентированных отраслей, которые показывают отрицательную динамику своего развития. Так, сегодня развит тезис о «ресурсном проклятье». На наш взгляд, весьма показательна позиция профессора А. Д. Некипелова: «Это просто какая-то нелепость... Попробуйте под этим углом зрения оценить те колоссальные усилия, которые США в последние годы предприняли и благодаря которым достигли фантастических результатов в плане добычи сланцевого газа. Неужели их целью было ощутить проклятье на себе? Разве может функционировать экономика без сырья и энергоносителей? И разве имеет право на существование экономическая система, в которой производство важного для всех продукта становится

основой для огромных проблем?.. Бесконечные стенания о “топливно-сырьевой игле” никуда, кроме тупика, привести не могут».

На наш взгляд, особое, но не исключительное значение в реиндустриальных преобразованиях УрФО должно отводиться именно металлургическому обрабатывающему производству. Этому есть несколько причин:

1. Реиндустриализация Уральского федерального округа играет стратегическую роль в дальнейшем развитии России. УрФО в силу своего географического расположения, накопленного в советский период промышленного потенциала, относительной близости к промышленным центрам наиболее развитого в инновационном плане Северо-Западного федерального округа может выступить площадкой для освоения крупным капиталом совместно с государством инновационных возможностей.

2. Реиндустриализация Урала — это условие формирования в Сибирском федеральном округе производств 5-го технологического уклада. Модернизация металлургического комплекса и иных обрабатывающих промышленных производств на Урале с более глубоким уровнем

технологического освоения (переработки) природных ресурсов предпочтительнее сырьевого вектора освоения Сибирского федерального округа.

3. Сильный ОПК УрФО способен выступить крупным заказчиком промышленной продукции местных предприятий, обеспечив полный производственный цикл.

4. В целях военной безопасности восстановление промышленного производства Урала обеспечит определенный уровень диверсификации промышленного потенциала страны. Концентрация инновационного потенциала страны только в Северо-Западном федеральном округе — это фактор торможения инновационного освоения страны, а также угроза национальной безопасности.

5. Малый и средний бизнес промышленного региона — это необходимое, но недостаточное условие успешной реиндустриализации. Лишь крупный капитал металлургических корпораций может обеспечить высокий уровень спроса на инновационные разработки малого и среднего бизнеса, подстегнув тем самым инновационную активность.

Список литературы

1. Бархатов, В. И. Рациональное использование природных ресурсов Челябинской области : монография : в 2 ч. Ч. 1 / В. И. Бархатов, И. П. Добровольский, Ю. Ш. Капкаев. — Челябинск : Изд-во Челяб. гос. ун-та, 2015. — 282 с.
2. Бодрунов, С. Д. Стратегия и политика реиндустриализации для инновационного развития России / С. Д. Бодрунов, В. Н. Лопатин. — СПб. : Ин-т нового индустр. развития, 2014. — 486 с.
3. Гасанов, М. А. Роль промышленного производства в развитии экономики региона / М. А. Гасанов // Регион. проблемы преобразования экономики. — 2014. — № 7 (45). — С. 79–85.
4. Дасковский, В. О неоиндустриальной модели и стратегии развития экономики / В. Дасковский, В. Киселев // Экономист. — 2013. — № 6. — С. 34–49.
5. Дубенецкий, Я. Н. Реиндустриализация: практические шаги / Я. Н. Дубенецкий // Мир новой экономики. — 2014. — № 2. — С. 13–20.
6. Дьяченко, О. В. Реиндустриализация Челябинской области / О. В. Дьяченко // Вестн. Челяб. гос. ун-та. — 2015. — № 8 (363). Экономика. Вып. 48. — С. 92–103.
7. Еделев, Д. А. Функциональная роль промышленности в развитии национальной экономики / Д. А. Еделев, А. А. Татуев // Соврем. науч. мысль. — 2013. — № 6. — С. 129–137.
8. Ленчук, Е. Новая индустриализация — условие формирования инновационной модели развития российской экономики / Е. Ленчук, Г. Власкин, В. Филатов // Федерализм. — 2014. — № 1. — С. 19–46.
9. Нешитой, А. С. Оценка промышленного потенциала России и уровня его использования (императив модернизации промышленного производства) / А. С. Нешитой // Нац. интересы: приоритеты и безопасность. — 2014. — № 29. — С. 14–34.
10. Программа создания высокопроизводительных рабочих мест в промышленности Свердловской области до 2020 года [Электронный ресурс]. — URL: <http://mpr.midural.ru/UPLOAD/user/file/new/vprm.pdf>.
11. Бодрунов, С. Д. Реиндустриализация российской экономики: императивы, потенциал, риски / С. Д. Бодрунов, Р. С. Гринберг, Д. Е. Сорокин // Экон. возрождение России. — 2013. — № 1 (35). — С. 19–48.

12. Романова, О. А. Возможности и ограничения модернизации регионального металлургического комплекса / О. А. Романова, Е. Н. Селиванов, С. Г. Ченчевич // Экономика региона. — 2012. — № 4. — С. 92—98.
13. Рязанов, В. Т. Новая индустриализация России: стратегические цели и текущие приоритеты / В. Т. Рязанов // Экон. возрождение России. — № 2 (40). — 2014. — С. 17—25.
14. Сухарев О. С. Экономическая политика реиндустриализации России: возможности и ограничения / О. С. Сухарев // Приоритеты России. — 2013. — № 24 (213). — С. 2—24.
15. Татаркин, А. И. О возможностях и механизме неоиндустриализации старопромышленных регионов / А. И. Татаркин, О. А. Романова // Экономист. — 2013. — № 8. — С. 31—41.
16. Минерально-сырьевой комплекс как основа социально-экономического развития Урала / А. Г. Шеломенцев [и др.] // Изв. Коми науч. центра УрО РАН. — 2012. — № 3 (11). — С. 115—122.
17. Инновации в России [Электронный ресурс]: офиц. сайт. — URL: <http://innovation.gov.ru/>.
18. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2015 : стат. сб. М. : Росстат, 2015. — 1266 с.

Сведения об авторах

Дьячков Артем Сергеевич — аспирант кафедры международного производственного бизнеса Государственного университета управления, Москва, Россия. dyachkov-ku@yandex.ru

Дьяченко Олег Вячеславович — кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики отраслей и рынков Челябинского государственного университета, Челябинск, Россия. dyachenko@csu.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2016. No. 6 (388). *Economic Sciences. Iss. 53. Pp. 58—67.*

PROSPECTS OF REINDUSTRIALIZATION OF METALLURGICAL COMPLEX URFO

A.S. Dyachkov

State University of Management, Moscow, Russia. dyachkov-ku@yandex.ru

O.V. Dyachenko

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. dyachenko@csu.ru

The prospects of reindustrial changes in the Urals Federal District are viewed in the article. Marked strategic importance in ensuring the economic security of the country's old industrial regional productions. Comparative analysis of development indicators of mining and manufacturing in the region, the results of which showed better results in the field of manufacturing. Indicators of the development of extractive industries in the Ural Federal district, by contrast, showed a negative trend of growth, and also pointed to high risks in case of preservation of the model of regional economic development. The basic task: to identify the prospects and the priority of the metallurgical complex reindustrialization in the Urals Federal District.

Keywords: *reindustrialization, extractive industries, manufacturing, modernization, gross value added, the index of industrial production, metallurgy, oil extraction.*

References

1. Barkhatov V.I., Dobrovolskiy I.P., Kapkayev Y.Sh. *Ratsional'noye ispol'zovaniye prirodnnykh resursov Chelyabinskoy oblasti* [Rational use of natural resources of the Chelyabinsk region]. Chelyabinsk, 2015. 282 p. (In Russ.).
2. Bodrunov S.D. *Strategiya i politika reindustrializatsii dlya innovatsionnogo razvitiya Rossii* [Re-industrialization strategy and policy for innovative development of Russia]. St. Petersburg, 2014. 486 p. (In Russ.).
3. Gasanov M.A. Rol' promyshlennogo proizvodstva v razvitiie ekonomiki regiona [The role of industrial production in the development of the regional economy]. *Regional'nye problemy preobrazovaniya ekonomiki* [Regional problems of economic transformation], 2014, no. 7 (45), pp. 79—85. (In Russ.).

4. Daskovskiy V., Kiselev V. O neoindustrial'noy modeli i strategii razvitiya ekonomiki [About neoindustrial model and strategy of economic development]. *Ekonomist* [The Economist], 2013, no. 6, pp. 34—49. (In Russ.).

5. Dubenetskiy Ya.N. Reindustrializatsiya: prakticheskiye shagi [Reindustrialization: practical steps]. *Mir novoy ekonomiki* [World of the new economy], 2014, no. 2, pp. 13—20. (In Russ.).

6. D'yachenko O.V. Reindustrializatsiya Chelyabinskoy oblasti [Re-industrialization of the Chelyabinsk region]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University], 2015, no. 8 (363), pp. 92 — 103. (In Russ.).

7. Yedelev D.A., Tatuev A.A. Funktsional'naya rol' promyshlennosti v razvitiy natsional'noy ekonomiki [The functional role of the industry in the development of the national economy]. *Sovremennaya nauchnaya mysl'* [Modern scientific thought], 2013, no. 6, pp. 129—137. (In Russ.).

8. Lenchuk E., Vlaskin G., Filatov V. Novaya industrializatsiya — usloviye formirovaniya innovatsionnoy modeli razvitiya rossiyskoy ekonomiki [New industrialization is a condition of formation of an innovative model of development of the Russian economy]. *Federalism* [Federalism], 2014, no. 1, pp. 19—46. (In Russ.).

9. Neshitoy A.S. Otsenka promyshlennogo potentsiala Rossii i urovnya yego ispol'zovaniya (imperativ modernizatsii promyshlennogo proizvodstva) [Evaluation of the industrial potential of Russia and its level of use (the imperative of modernization of industrial production)]. *Natsional'nyye interesy: priority i bezopasnost'* [National interests: priorities and security], 2014, no. 29, pp. 14—34. (In Russ.).

10. *Programma sozdaniya vysokoproizvoditel'nykh rabochikh mest v promyshlennosti Sverdlovskoy oblasti do 2020 g.* [The program of creation of high-performance workplaces in the Sverdlovsk Region Industry until 2020]. Available at: <http://mpr.midural.ru/UPLOAD/user/file/new/vprm.pdf> (In Russ.).

11. Bodrunov S.D., Grinberg R.S., Sorokin D.Ye. Reindustrializatsiya rossiyskoy ekonomiki: imperativy, potentsial, riski [The re-industrialization of the Russian economy: imperatives, potential, risks]. *Ekonomicheskoye vozrozhdeniye Rossii* [The economic revival of Russia], 2013, no. 1 (35), pp. 19—48. (In Russ.).

12. Romanova O.A. Vozmozhnosti i ogranicheniya modernizatsii regional'nogo metallurgicheskogo kompleksa [The possibilities and limitations of the modernization of the regional metallurgical complex]. *Ekonomika regiona* [The region's economy], 2012, no. 4, pp. 92—98. (In Russ.).

13. Ryazanov V.T. Novaya industrializatsiya Rossii: strategicheskiye tseli i tekushchiye priority [The new industrialization of Russia: strategic objectives and current priorities]. *Ekonomicheskoye vozrozhdeniye Rossii* [Economic Revival of Russia], 2014, no. 2 (40), pp. 17—25. (In Russ.).

14. Sukharev O.S. Ekonomicheskaya politika reindustrializatsii Rossii: vozmozhnosti i ogranicheniya [The economic policy of reindustrialization of Russia: possibilities and limitations]. *Priority Rossii* [Priorities of Russia], 2013, no. 24 (213), pp. 2—24. (In Russ.).

15. Tatarkin A.I. O vozmozhnyakh i mekhanizme neoindustrializatsii staropromyshlennykh regionov [On the possibilities and mechanisms of neoindustrialization of old industrial regions]. *Ekonomist* [The Economist], 2013, no. 8, pp. 31—41. (In Russ.).

16. Shelomentsev A.G. [et al.]. Mineral'no-syr'yevoy kompleks kak osnova sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Urala [Mineral resources complex as a basis for socio-economic development of the Urals]. *Izvestiya Komi nauchnogo tsentra URO RAN* [Proceedings of the Komi Scientific Center of UB RAS], 2012, no. 3 (11), pp. 115—122. (In Russ.).

17. *Innovation in Russia*. Available at: <http://innovation.gov.ru/> (In Russ.).

18. *Regiony Rossii. Sotsial'no-ekonomicheskiye pokazateli* [Regions of Russia. Socio-economic indicators]. Moscow, Russian Federal State Statistics Service Publ., 2015. 1266 p. (In Russ.).

УДК 332.012.334
ББК У441.3

МОДЕЛЬ УПРАВЛЕНИЯ УСТОЙЧИВЫМ РАЗВИТИЕМ КОММУНАЛЬНОГО СЕКТОРА ЭКОНОМИКИ

В. В. Чаадаева

Самарский государственный экономический университет, Самара, Россия

Разработана модель управления устойчивым развитием коммунального сектора экономики в условиях государственного регулирования, целью которой является оптимизация системы управления взаимоотношениями с клиентами для реализации такой тарифно-ценовой политики, при которой предполагается достижение собираемости денежных средств за оказанные услуги на уровне до 100 % и при этом будут минимизированы издержки операционной деятельности организаций коммунального комплекса при возможных изменениях законодательства. Отличие предлагаемой модели функционирования коммунального сектора от существующих состоит в изменении форм и методов контроля участников, наделении дополнительными функциями некоторых из них и введении новых, таких как оператор коммерческого учета и оператор информационных ресурсов.

Ключевые слова: модель, управление, коммунальные услуги, оператор коммерческого учета, оператор информационных ресурсов, бизнес-процессы, информационный обмен.

Среднегодовой объем рынка жилищно-коммунальных услуг составляет более 4 трлн р., при этом из-за кризиса неплатежей по цепочке «потребитель — исполнитель услуг — поставщик энергоресурсов — производитель энергоресурсов» сумма задолженности по оплате услуг достигает около 1 трлн р., а темпы ее роста — 15—20 % ежегодно [7; 24].

Основная причина — разбалансированность рынка коммунального сектора:

— экономически не обоснованные тарифы и не соответствующие реальным объемам потребления нормативы;

— отсутствие учета потребления коммунальных услуг в реальном масштабе времени;

— разные сроки снятия показаний приборов учета и формирования объемов предоставленных коммунальных ресурсов и услуг на оптовом и розничных рынках;

— различающиеся по срокам начисления и размерам штрафы и пени на розничном и оптовом рынках.

В результате из-за несопоставимости используемых для начислений и расчетов данных (использование неактуальных информационных баз данных) зачастую возникают ситуации, когда размер платежа, начисляемый конечному потребителю, ниже, чем размер отпущенного ему ресурса [19].

Ситуация усугубляется несовершенством действующего законодательства, когда невозможно прекратить (ограничить) предоставление услуг

отдельным категориям потребителей, даже если они являются злостными нарушителями платежной дисциплины. К этому можно добавить и существующее несанкционированное потребление энергоресурсов (воровство), что естественным образом следует из описанной ситуации, — непрозрачная и несбалансированная система.

В этих условиях все большую актуальность приобретают ключевые вопросы качества управления, которые формируют принципы поддержания баланса экономических интересов всех участников рынка при наличии конфликта интересов государства и предприятий.

Предлагаемая в статье разработка модели управления устойчивым развитием предприятий коммунального сектора в условиях государственного регулирования и соблюдение принципов эффективности ее реализации будут способствовать бесконфликтному достижению баланса интересов между производителями и регулятором, что существенно снизит риски привлечения инвестиций.

В данной работе под моделью будут пониматься формы управления сбытом, учетом ресурсов и услуг, информационными и финансовыми потоками.

Для разрабатываемой модели определена следующая цель: оптимизация системы управления взаимоотношениями с клиентами для реализации такой тарифно-ценовой политики, при которой будет достигнута собираемость денежных

средств за оказанные услуги на уровне до 100 % и при этом будут минимизированы издержки операционной деятельности при возможных изменениях законодательства.

В соответствии с поставленной целью модель должна предполагать решение следующих задач:

- организация действенного мониторинга и контроля со стороны органов исполнительной власти и органов местного самоуправления;
- учет основных параметров для обеспечения корректных расчетов за коммунальные услуги;
- организация информационного обмена между участниками рынка и формирование актуальных и достоверных информационных ресурсов (баз данных);
- минимизация рисков накопления задолженности потребителей за предоставленные услуги;
- гарантированно верное измерение и учет количественных и качественных параметров потребления энергетических ресурсов;
- организация гарантированно верных начислений и расчетов;

— доступ к актуальной и полной информации об объектах и субъектах ЖКХ, необходимой для осуществления финансово-хозяйственной деятельности со стороны организаций, предоставляющих коммунальные услуги;

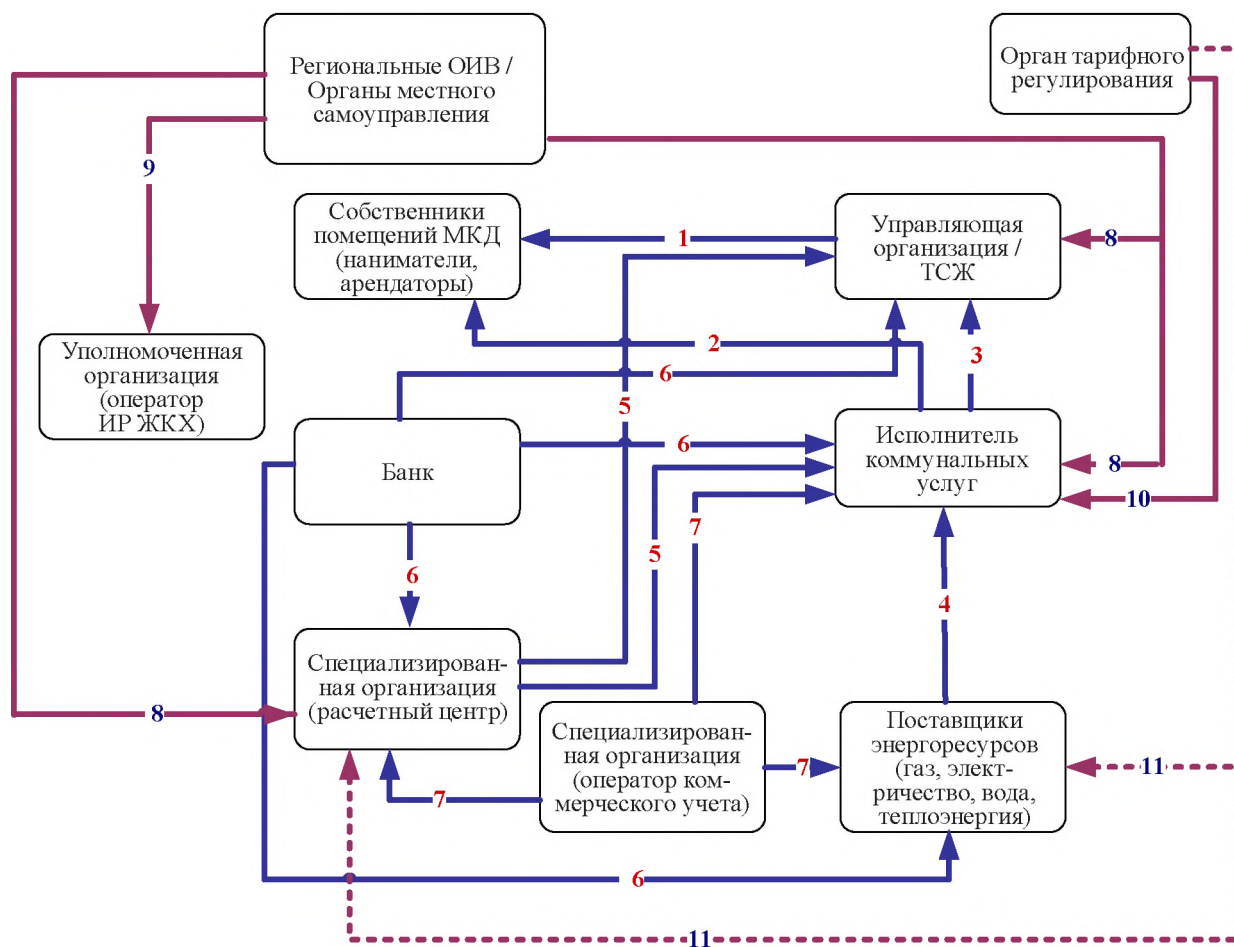
— организация информирования населения по вопросам предоставления коммунальных услуг.

Ниже на рисунке представлена разработанная в соответствии с изложенными требованиями модель взаимодействия участников рынка ЖКХ.

Участники модели:

1. Потребитель услуг — лицо, пользующееся на правах собственности или ином законном основании помещением в многоквартирном доме, жилым домом, домовладением и потребляющее коммунальные услуги [6. Ст. 2].

2. Управляющая компания — юридическое лицо независимо от организационно-правовой формы или индивидуальный предприниматель, осуществляющие деятельность по управлению многоквартирным домом.

Модель взаимодействия участников рынка ЖКХ

3. Исполнитель коммунальных услуг — юридическое лицо независимо от организационно-правовой формы или индивидуальный предприниматель, предоставляющие потребителю коммунальные услуги [6. Ст. 2]. В качестве исполнителя коммунальных услуг может выступать:

— сбытовая компания, предоставляющая коммунальные услуги, например «энергосбыты» — реализация электрической энергии или газовые сбытовые компании;

— непосредственно ресурсоснабжающая организация, в составе которой есть выделенное структурное подразделение, наделенное сбытовыми функциями.

4. Кредитно-финансовое учреждение, банк, в том числе платежный агент [8. Ст. 2].

5. Специализированная организация (расчетный центр), выполняющая функции расчетного, сервисного и информационного обслуживания потребителей услуг, отвечающая всем требованиям государства и рынка [9; 2]. В настоящее время во многих регионах работают информационно-расчетные и/или кассовые центры, частично реализующие требуемые государством функции информационного обмена, а также необходимые рынку принципы автоматического распределения, однако во многих случаях подобные центры без соответствующего управления и регулирования стали «черной дырой», в которой деньги, не доходя до исполнителей, пропадают, серьезно осложняя и без того непростую экономическую ситуацию [22; 23; 25].

6. Специализированная организация (оператор информационных ресурсов ЖКХ), уполномоченная органами исполнительной власти или органами местного самоуправления на формирование и поддержку информационных ресурсов ЖКХ в соответствии с требованиями действующего законодательства [9].

7. Специализированная организация, выполняющая функции оператора коммерческого учета потребления коммунальных услуг и ресурсов [12; 13; 14; 17; 21].

8. Поставщики энергоресурсов, используемых для предоставления коммунальных услуг — электроэнергии, холодной и горячей воды, тепловой энергии и газа.

9. Региональные органы исполнительной власти, органы местного самоуправления и/или подведомственные структуры и/или организации, выполняющие функции контроля деятельности организаций коммунального комплекса, в том

числе Государственная жилищная инспекция, муниципальный жилищный надзор.

10. Уполномоченные органы тарифного регулирования.

Основные и поддерживающие бизнес-процессы, реализующие договорные и функциональные отношения в организационной модели [15; 16]

Основные бизнес-процессы:

1. Договор обслуживания общедомовой собственности или управления общим имуществом многоквартирного дома, при этом перечень услуг управления не должен включать в себя предоставление коммунальных услуг.

2. Договор предоставления коммунальных услуг в помещениях (жилых, нежилых) многоквартирного дома.

3. Договор предоставления коммунальных услуг для общедомовых нужд и обслуживания общедомовой собственности. Существенным условием договора является порядок однозначного определения объема потребленных коммунальных ресурсов и порядок их оплаты.

4. Договор поставки энергоресурсов, содержащий условия для автоматического распределения («расщепления») поступивших платежей от потребителей коммунальных услуг по их поставщикам.

5. Договор расчетного, сервисного и информационного обслуживания потребителей услуг.

6. Договор обслуживания расчетного счета, услуг платежного агента и прочих услуг по согласованию сторон, в том числе услуг по автоматическому распределению («расщеплению») поступивших платежей от потребителей коммунальных услуг по их поставщикам.

7. Договор на выполнение услуг автоматизированного информационно-измерительного коммерческого учета, обработки и предоставления сведений об объемах поставки и потребления коммунальных ресурсов и услуг.

Поддерживающие бизнес-процессы:

1. Организация мониторинга и контроля деятельности организаций жилищно-коммунального комплекса, а также организаций, выполняющих функции начисления, расчета и автоматического распределения («расщепления») платежей.

2. Организация и контроль исполнения возложенных функций на оператора информационных ресурсов ЖКХ по их формированию и актуализации, в том числе электронных паспортов многоквартирных и жилых домов, учета зарегистриро-

ванных граждан в помещениях многоквартирных и жилых домов.

3. Формирование тарифно-ценовой политики, позволяющей управлять структурой тарифов на коммунальные услуги в целях обеспечения необходимых и достаточных условий для автоматического распределения («расщепления») платежей по всем уровням цепочки — от исполнителей коммунальных услуг до первичных поставщиков энергоресурсов. Здесь под первичным поставщиком энергоресурсов понимается поставщик базового энергоносителя, необходимого для генерации коммунальных ресурсов, например газа для производства тепловой и электрической энергии, которая, в свою очередь, требуется для производства воды.

4. Организация информационного обмена между участниками рынка, в первую очередь доведение до них сведений, необходимых для автоматического распределения («расщепления») платежей, а также сведений об установленных составляющих энергоресурсов в структуре тарифов.

Цели и задачи специализированных организаций (операторов)

Оператор информационных ресурсов ЖКХ

В настоящее время отсутствуют единые правила формирования сведений, влияющих на расчеты за жилищные и коммунальные услуги, что непосредственно сказывается на корректности расчетов и эффективности управления взаимоотношениями с потребителями [1; 11].

В целях ликвидации приведенных негативных факторов предлагается создание единой региональной информационной базы данных ЖКХ и, соответственно, организации — оператора информационных ресурсов со следующими основными функциями:

1. Ведение реестра организаций, предоставляющих на обслуживаемой территории жилищные и коммунальные услуги.

2. Контроль предоставления информации организациями в соответствии с установленными регламентами [9].

3. Сбор, консолидация, обработка, хранение информации, предоставляемой в соответствии с регламентами.

4. Поддержка единой системы нормативно-справочной информации и централизованных картотек данных для ее использования всеми по-

ставщиками информации в соответствии с регламентами.

5. Формирование отчетных и аналитических документов для региональных органов исполнительной власти и органов местного самоуправления.

6. Организация доступа к оперативной и отчетной сводной информации всем заинтересованным участникам рынка ЖКХ.

7. Предоставление информационных сервисов для потребителей жилищных и коммунальных услуг, поддержка порталов самообслуживания «Личный кабинет».

8. Предоставление информации, необходимой для начисления платы за коммунальные услуги и автоматического распределения («расщепления») поступивших платежей от потребителей коммунальных услуг по их поставщикам.

Оператор коммерческого учета

Качественное управление тарифами невозможно в современных условиях, которые характеризуются разрозненностью информации, несогласованностью действий ресурсоснабжающих и управляющих организаций, в том числе из-за противоположных интересов, отсутствия унифицированных и типизированных прикладных решений, которые обеспечили бы возможность оперативного и достоверного учета параметров предоставления энергетических ресурсов [17].

В то же время в рамках реализации ряда федеральных нормативно-правовых актов в многоквартирные дома устанавливаются приборы учета коммунальных ресурсов исходя из их стоимости и не всегда с учетом их качества и функциональных возможностей. Возникает ситуация, когда:

— в одном доме могут быть установлены приборы учета разных производителей и разного класса точности;

— установленные приборы учета могут не предусматривать возможности подключения к автоматизированным системам сбора данных.

Указанные ситуации образуют определенные сложности при создании автоматизированных информационно-измерительных систем коммерческого учета энергоресурсов, в наличии которых заинтересованы организации коммунального комплекса (поставщики энергетических ресурсов и исполнители коммунальных услуг), в том числе для взаиморасчетов по договорам поставки энергоресурсов. Не менее значимой для этих организаций является необходимость оптимизации издержек на обслуживание приборов учета,

организации сбора данных с них и единообразия регистрации, обработки и хранения результатов измерений.

При создании собственных автоматизированных систем расходы включаются в тарифы, а использование данных ограничивается исключительно собственными коммерческими интересами. В результате наблюдается увеличение тарифной нагрузки на потребителей и создается ситуация, при которой невозможно построить энергетические балансы, в том числе из-за технической несопоставимости общедомовых и индивидуальных приборов учета.

В целом назрела необходимость формирования достоверной информации о параметрах предоставления энергетических ресурсов для планирования мероприятий по энергоэффективности и сокращению потерь энергетических ресурсов при их потреблении [3; 4].

Зарубежная практика свидетельствует о том, что создание оператора коммерческого учета потребления позволит гарантировать финансовую безопасность жителей и поставщиков услуг, исключить возможность социальной напряженности и недоверия к рыночным преобразованиям ЖКХ, практически устранить вероятность исков добросовестных плательщиков к поставщикам услуг, а также существенно сократить потери энергоресурсов [5. Гл. 12].

Выполнение коммерческого учета потребления всех коммунальных услуг в многоквартирных домах одной организацией потребует значительно меньше инвестиций на создание инфраструктуры сбора и хранения данных, чем в ситуации, когда каждая ресурсосбытовая организация будет создавать инфраструктуру для тех видов услуг, которые предоставляет.

Таким образом, введение в организационную модель выделенного оператора коммерческого учета — это не просто ответ на требования времени, а прямое исполнение принципов социально-экономической политики, даже несмотря на то, что далеко не всегда организации и предприятия коммунального комплекса бывают заинтересованы в прозрачности [18; 20].

Итак, оператор коммерческого учета — это независимая организация, оказывающая заинтересованным участникам рынка следующие услуги:

— сбор, хранение и обработка показаний приборов учета, необходимых для определения взаимных финансовых обязательств субъектов рынка коммунальных услуг;

— учет и обработка данных о нештатных ситуациях при поставке коммунальных услуг;

— формирование энергетических балансов;

— информирование населения об объемах и качественных параметрах потребленных услуг;

— установка и техническое обслуживание средств измерений.

Задачи оператора коммерческого учета:

1. Обеспечение единства измерений между производителями и потребителями коммунальных ресурсов, упорядочивание взаимоотношений между поставщиками коммунальных ресурсов и конечными потребителями — гражданами.

2. Защита прав и законных интересов граждан и юридических лиц, а также организаций бюджетной сферы от отрицательных последствий недостоверных результатов измерений, используемых в сфере энергоснабжения.

3. Организация эффективной системы управления бизнес-процессами предоставления коммунальных услуг.

4. Оптимизация затрат организаций бюджетного сектора на оплату коммунальных услуг.

Таким образом, разработанная модель включает:

1) предложения по формированию договорного окружения, предусматривающие исключение посредников при предоставлении коммунальных ресурсов и услуг для непосредственного получения денежных средств минуя третьих лиц;

2) предложения по созданию и использованию единых информационных ресурсов ЖКХ, необходимых:

— для формирования централизованной региональной базы данных электронных паспортов многоквартирных и жилых домов, электронных паспортов систем коммунальной инфраструктуры и электронных платежных документов за предоставленные коммунальные услуги;

— для доступа исполнителей коммунальных услуг к информации, необходимой для организации расчетно-сервисного обслуживания потребителей;

— для информирования граждан по вопросам ЖКХ, в том числе в режиме самообслуживания;

3) предложения по созданию инфраструктуры для измерения и учета объемов потребления коммунальных услуг;

4) предложения по созданию механизма автоматического перечисления денежных средств, собранных за коммунальные услуги, одновременно в адрес исполнителей коммунальных услуг и в адрес поставщиков энергоресурсов в том слу-

чае, когда они используются для производства коммунальных услуг;

5) предложения по организации электронного обмена информацией по заявкам (жалобам, претензиям) граждан, касающимся предоставления коммунальных услуг, между организациями, обслуживающими общедомовую инфраструктуру, исполнителями коммунальных услуг и поставщиками энергоресурсов.

Отличие предлагаемой модели функционирования рынка ЖКХ от существующих:

— изменение форм и методов контроля участников, наделение дополнительными функциями некоторых из них;

— введение новых участников, таких как оператор коммерческого учета и оператор информационных ресурсов;

— формирование тарифно-ценовой политики, позволяющей управлять структурой тарифов на коммунальные услуги в целях обеспечения необходимых и достаточных условий для автоматического распределения («расщепления») платежей.

В совокупности предлагаемые дополнения и изменения должны обеспечить прозрачность денежных потоков, повысить платежную дисциплину, улучшить платежный баланс всех участников рынка, устранить возможные злоупотребления, дать возможность всем работать в единой стандартизированной базе данных, что в целом сформирует необходимые предпосылки для устойчивого развития предприятий коммунального сектора экономики.

Список литературы

1. Булатова, А. И. Актуальные проблемы и анализ отношения населения к сфере жилищно-коммунального хозяйства России / А. И. Булатова // Вестн. УГАЭС. Наука, образование, экономика. Сер.: Экономика. — 2014. — № 1 (7). — С. 89—93.
2. Дурново, Д. В. Прием платежей через платежных агентов / Д. В. Дурново // Жилищ.-коммунал. хоз-во: бухгалт. учет и налогообложение. — 2014. — № 11.
3. Ливчак, В. И. Независимый оператор коммерческого учета должен измерять и анализировать // В. И. Ливчак // Энергосбережение. — 2013. — № 1. — С. 45—53.
4. Ломакина, Э. Л. Оператор коммерческого учета — инструмент контроля энергоэффективности в РФ / Э. Л. Ломакина // Коммунал. комплекс России. — 2014. — № 4 (118). — С. 16—18.
5. Осика, Л. К. Операторы коммерческого учета на рынках электроэнергии. Технология и организация деятельности / Л. К. Осика. — М.: ЭНАС, 2007. — 192 с.
6. Постановление Правительства РФ от 6 мая 2011 года № 354 «О предоставлении коммунальных услуг собственникам и пользователям помещений в многоквартирных домах и жилых домов».
7. Прокофьев, К. Ю. Обзор состояния рынка жилищно-коммунальных услуг Российской Федерации / К. Ю. Прокофьев // Вестн. Псков. гос. ун-та. Сер.: Экон. и техн. науки. — 2013. — № 3. — С. 38—43.
8. Федеральный закон от 3 июня 2009 года № 103-ФЗ «О деятельности по приему платежей физических лиц, осуществляемой платежными агентами»: ред. от 5 мая 2014 г.
9. Федеральный закон от 21 июля 2014 года № 209-ФЗ «О государственной информационной системе жилищно-коммунального хозяйства».
10. Федеральный закон от 23 ноября 2009 года № 261-ФЗ «Об энергосбережении и о повышении энергетической эффективности и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».
11. Хайруллина, В. Г. Системный подход к решению проблем в сфере ЖКХ / В. Г. Хайруллина, С. М. Шакирова, Р. Р. Зиннуров // Вестн. УГАЭС. Наука, образование, экономика. Сер.: Экономика. — 2014. — № 1 (7). — С. 42—45.
12. Чаадаев, В. К. Коммерческий учет — гарантия защиты от недостоверных результатов измерений / В. К. Чаадаев // Соц. науки. — 2016. — Т. 1, № 1-1 (11). — С. 61—70.
13. Чаадаев, В. К. Методологические подходы к созданию оператора коммерческого учета энергоресурсов / В. К. Чаадаев // Актуал. вопр. соврем. науки. — 2015. — № 3 (7). — С. 99—103.
14. Чаадаев, В. К. Оператор коммерческого учета — организация процессов управления потреблением энергоресурсов / В. К. Чаадаев // Новая наука: опыт, традиции, инновации. — 2016. — № 1-1 (59). — С. 192—194.

15. Чаадаев, В. К. Организационно-экономические условия и возможности реинжиниринга бизнес-процессов / В. К. Чаадаев // Вестн. Челяб. гос. ун-та. — 2007. — № 19. — С. 139—146.
16. Чаадаев, В. К. Особенности реинжиниринга бизнес-процессов как метода проведения изменений / В. К. Чаадаев // Вестн. Челяб. гос. ун-та. — 2007. — № 10. — С. 149—156.
17. Чаадаев, В. К. Проблемные зоны взаимодействия между участниками рынка коммунальных услуг при отсутствии оператора коммерческого учета / В. К. Чаадаев // Соврем. науч. исслед. и инновации. — 2015. — № 7. — С. 92—96.
18. Чаадаева В. В. Принципы функционирования коммунального сектора экономики как сложного системного объекта / В. В. Чаадаева // Экономика и предпринимательство. — 2015. — № 6-3 (59-3). — С. 190—193.
19. Чаадаева, В. В. Информационные технологии как базовый инструмент устойчивого развития коммунального сектора экономики / В. В. Чаадаева // Соврем. наука: актуал. проблемы теории и практики. Сер.: Экономика и право. — 2015. — № 11—12. — С. 79—81.
20. Чаадаева, В. В. Коммунальный сектор экономики как вид экономической деятельности / В. В. Чаадаева // Экономика и предпринимательство. — 2015. — № 7 (60). — С. 831—835.
21. Чаадаева, В. В. Целевая модель предприятия коммунального сектора экономики: разработка и управление бизнес-процессами / В. В. Чаадаева // Экон. и гуманитар. науки. — 2016. — № 2 (289). — С. 106—113.
22. Об итогах подготовки предприятий жилищно-коммунального хозяйства и субъектов электроэнергетики к работе в зимний период 2015—2016 годов [Электронный ресурс] // Правительство Российской Федерации : сайт. — URL: <http://government.ru/news/20834/> (дата обращения: 25.02.2016).
23. Заседание Госсовета по вопросам ЖКХ [Электронный ресурс] // Президент России : сайт. — URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/18232> (дата обращения: 29.02.2016).
24. Козак: оборот рынка ЖКХ в России составляет 4 трлн рублей [Электронный ресурс] // ТАСС. Информационное агентство России. — URL: <http://tass.ru/ekonomika/2312610> (дата обращения: 25.02.2016).
25. Варламов, И. Басаргин сдал «коммуналку» Вексельбергу? [Электронный ресурс] / И. Варламов // Общероссийский народный фронт : сайт. — URL: http://www.moscow-post.com/politics/basargin_sdal_kommunalku_vekselbergu15088/ (дата обращения: 09.03.2016).

Сведения об авторе

Чаадаева Виктория Витальевна — аспирантка Самарского государственного экономического университета, Самара, Россия. ChaadaevaVV@samregion.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2016. No. 6 (388). *Economic Sciences. Iss. 53. Pp. 68—76.*

THE MODEL OF PUBLIC SECTOR SUSTAINABLE DEVELOPMENT

V.V. Chaadaeva

Samara state university of economics. ChaadaevaVV@samregion.ru

Within the article the new model of sustainable development management of public utilities sector in the conditions of state regulation is proposed. The aim of the model is to optimize the management of customer relationship for the implementation of certain tariff and price policy, in which the achievement of cash collection is expected at the level of 100% while operating costs will be minimized in case of possible changes in legislation. The difference between the proposed model and any existing forms is that the new model allows changing control methods of participants, endowing with additional functions of some of them and introducing of new, such as a commercial account operator and the operator of information resources.

Keywords: *model management, utilities, commercial account operator, an operator of information resources, business processes, communication, data exchange.*

References

1. Bulatova A.I. Aktual'nye problemy i analiz otnosheniya naseleniya k sfere zhilishchno-kommunal'nogo hozyaystva Rossii [Actual problems and analysis of the relation of the population to the sphere of housing and communal services of Russia]. *Vestnik UGAES. Nauka, obrazovaniye, ekonomika. Ekonomika*. [Bulletin of Ufa State University of economy and service. Science, education, economy. Series Economy], 2014, no. 1 (7), pp. 89—93. (In Russ.).
2. Durnovo D.V. Priyom platezhey cherez platezhnykh agentov [Acceptance of payments through payment agents]. *Zhilishchno-kommunal'noye khozyaystvo: bukhgalterskiy uchyot i nalogooblozheniye* [Housing and communal services: accounting and taxation], 2014, no. 11. (In Russ.).
3. Livchak V.I. Nezavisimyy operator kommercheskogo uchyota dolzhen izmeryat' i analizirovat' [The independent operator of the commercial account has to measure and analyse]. *Energoberezheniye* [Energy saving], 2013, no. 1, pp. 45—53. (In Russ.).
4. Lomakina E.L. Operator kommercheskogo uchyota — instrument kontrolya energoeffektivnosti v RF [Operator of the commercial account is the instrument of control of energy saving in Russian Federation]. *Kommunal'nyy kompleks Rossii* [Municipal complex of Russia], 2014, no. 4 (118), pp. 16—18. (In Russ.).
5. Osika L.K. *Operatory kommercheskogo uchyota na ryinkakh elektroenergii. Tekhnologiya i organizatsiya deyatel'nosti* [Operators of the commercial account in the markets of the electric power. Technology and organization of activity]. Moscow, ENAS Publ., 2007. 192 p. (In Russ.).
6. About providing utilities to owners and users of rooms in apartment houses and houses. Resolution of the Government of the Russian Federation, no. 354, 05.06.2011. (In Russ.).
7. Prokofyev K.Y. Obzor sostoyaniya rynka zhilishchno-kommunal'nykh uslug Rossiyskoy Federatsii [Review of the condition of the market of housing-and-municipal services of Russian Federation]. *Vestnik Pskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomicheskiye i tekhnicheskiye nauki* [Bulletin of Pskov State University. Series: Economic and technical science], 2013, no. 3, pp. 38—43. (In Russ.).
8. About the activities for acceptance of payments of natural persons which are carried out by payment agents. The federal law, no. 103-FZ, 06.03.2009. (In Russ.).
9. About the state information system of housing and communal services. The federal law, no. 209-FZ, 21.07.2014. (In Russ.).
10. About energy saving and about increase of power efficiency and about modification of separate acts of the Russian Federation. The federal law, no. 261-FZ, 23.11.2009. (In Russ.).
11. Khayrullina V.G., Shakirova S.M., Zinnurov R.R. Sistemnyy podkhod k resheniyu problem v sfere ZhKKh [System approach to the solution of problems in housing sector]. *Vestnik UGAES. Nauka, obrazovaniye, ekonomika. Ekonomika*. [Bulletin of Ufa State University of economy and service. Science, education, economy. Series Economy], 2014, no. 1 (7), pp. 42—45. (In Russ.).
12. Chaadaev V.K. Kommercheskiy uchyot — garantiya zashchity ot nedostovernykh rezul'tatov izmereniy [Commercial account is a guarantee of protection against doubtful results of measurements]. *Sotsial'nye nauki* [Social sciences], 2016, no. 1-1 (11), pp. 61—70. (In Russ.).
13. Chaadaev V.K. Metodologicheskiye podkhody k sozdaniyu operatora kommercheskogo uchyota energoresursov [Methodological approaches to creation of the operator of the commercial accounting of energy resources]. *Aktual'nye voprosy sovremennoy nauki* [Topical issues of modern science], 2015, no. 3 (7), pp. 99—103. (In Russ.).
14. Chaadaev V.K. Operator kommercheskogo uchyota — organizatsiya protsessov upravleniya potrebleniyem energoresursov [Operator of the commercial account is an organization of management processes of energy resources consumption]. *Novaya nauka: opyt, traditsii, innovatsii* [New science: experience, traditions, innovations], 2016, no. 1-1 (59), pp. 192—194. (In Russ.).
15. Chaadaev V.K. Organizatsionno-ekonomicheskiye usloviya i vozmozhnosti reinzhiniringa biznes-protsessov [Organizational and economic conditions and possibilities of reengineering of business processes]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University], 2007, no. 19, pp. 139—146. (In Russ.).
16. Chaadaev V.K. Osobennosti reinzhiniringa biznes-protsessov kak metoda provedeniya izmeneniy [Features of reengineering of business processes as method of carrying out changes]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University], 2007, no. 10, pp. 149—156. (In Russ.).

17. Chaadaev V.K. Problemnye zony vzaimodeystviya mezhd u uchastnikami rynka kommunal'nykh uslug pri otsutstvii operatora kommercheskogo uchyota [Problem zones of interaction between participants of the market of utilities in the absence of the operator of the commercial account]. *Sovremennyye nauchnyye issledovaniya i innovatsii* [Modern scientific researches and innovations], 2015, no. 7, pp. 92—96. (In Russ.).
18. Chaadaeva V.V. Printsipy funktsionirovaniya kommunal'nogo sektora ekonomiki kak slozhnogo sistemnogo ob'ekta [Principles of functioning of municipal sector of economy as difficult system object]. *Ekonomika i predprinimatel'stvo* [Economy and business], 2015, no. 6-3 (59-3), pp. 190—193. (In Russ.).
19. Chaadaeva V.V. Informatsionnye tekhnologii kak bazovyy instrument ustoychivogo razvitiya kommunal'nogo sektora ekonomiki [Information technologies as basic tool of a sustainable development of municipal sector of economy]. *Sovremennaya nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki. Ekonomika i pravo* [Modern science: actual problems of the theory and practice. Series: Economy and law], 2015, no. 11-12, pp. 79—81. (In Russ.).
20. Chaadaeva V.V. Kommunal'nyy sektor ekonomiki kak vid ekonomicheskoy deyatel'nosti [Municipal sector of economy as type of economic activity]. *Ekonomika i predprinimatel'stvo* [Economy and business], 2015, no. 7 (60), pp. 831—835. (In Russ.).
21. Chaadaeva V.V. Tselevaya model' predpriyatiya kommunal'nogo sektora ekonomiki: razrabotka i upravleniye biznes-protsessami [Target model of the enterprise of municipal sector of economy: development and management of business processes]. *Ekonomicheskiye i gumanitarnyye nauki* [Economics and humanities], 2016, no. 2 (289), pp. 106—113. (In Russ.).
22. <http://government.ru/news/20834>, accessed 25.02.2016 (In Russ.).
23. <http://kremlin.ru/events/president/news/18232>, accessed 29.02.2016 (In Russ.).
24. <http://tass.ru/ekonomika/2312610>, accessed 25.02.2016 (In Russ.).
25. http://www.moscow-post.com/politics/basargin_sdal_kommunalku_vekselbergu15088/, accessed 09.03.2016 (In Russ.).

УДК 334.021
ББК У290.31

РАЗВИТИЕ ИНФРАСТРУКТУРЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОДДЕРЖКИ ПРЕДПРИЯТИЙ МАЛОГО И СРЕДНЕГО БИЗНЕСА В РОССИИ¹

И. А. Белова

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

Целью статьи выступает анализ развития инфраструктуры государственной поддержки предприятий малого и среднего бизнеса в России. Исследована инфраструктура государственной поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства по пяти основным направлениям: финансовая, имущественная, консультационная, инновационно-производственная и правовая инфраструктуры. Проведен анализ присутствия региональных организаций каждого направления инфраструктуры поддержки в субъектах РФ. Выделены субъекты РФ, обладающие наиболее развитой инфраструктурой поддержки, как в рамках одного направления, так и по совокупности направлений государственной поддержки. Полученные нами результаты позволят в дальнейших исследованиях перейти в практическую плоскость и оценить влияние инфраструктуры государственной поддержки на показатели успешности предприятий малого и среднего бизнеса в России.

Ключевые слова: *инфраструктура, государственная поддержка, малый бизнес, средний бизнес, малые и средние предприятия.*

Введение

В сложившихся экономических условиях развитие малого и среднего бизнеса в России невозможно без поддержки. Особенно остро национальные субъекты малого и среднего предпринимательства нуждаются в государственной поддержке. В настоящее время можно констатировать, что государство предпринимает попытки усилить помощь со своей стороны, создавая специальные фонды, корпорации, агентства. Расширяются программы поддержки, реализуемые такими ведомствами РФ, как Министерство экономического развития, Министерство сельского хозяйства и др. Развивается инфраструктура государственной поддержки в рамках создания и функционирования такого института, как АО «Федеральная корпорация по развитию малого и среднего бизнеса» (Корпорация МСП). Но обеспечивают ли меры государственной поддержки стабильные условия для развития субъектов малого и среднего бизнеса? Дают ли они синергетический и мультипликативный эффект от их реализации? Помогают ли малым и средним предприятиям быть успешнее? Именно на эти вопросы необходимо найти ответы не только нам — исследователям данной проблемы, но в первую очередь государству. Цель работы заключается в изучении и анализе созданной инфраструктуры

государственной поддержки предприятий малого и среднего бизнеса в России.

Исследованием проблем функционирования малых и средних предприятий, изучением факторов, оказывающих влияние на их успешное функционирование, анализом государственной поддержки предприятий малого и среднего бизнеса занимаются как отечественные, так и зарубежные ученые. Но говорить о наличии многочисленных трудов в этой области не приходится. Тем не менее в поле нашего зрения попали некоторые из них, заслуживающие внимания. В частности, Ю. А. Бурлуцкая [5], А. И. Бексултанова и коллеги [2] исследовали факторы роста малого бизнеса, ограничения и проблемы развития малого и среднего бизнеса в России. Т. В. Коротаева и Е. А. Чеглова [6] раскрыли влияние государства и мер государственной поддержки на функционирование предприятий малого и среднего бизнеса. Проблемы влияния региональных факторов на развитие малого предпринимательства исследованы В. В. Насоновым [8]. Экономическая природа успешности бизнеса изучена В. И. Бархатовым [1]. Коллектив авторов под руководством В. И. Бархатова и Д. А. Плетнева [11] предлагает типологию факторов успешности, основу которой составило деление на внутренние и внешние факторы. Ключевые факторы успешности, включая налоговую нагрузку и налоговые льготы исследовала

¹ Исследование выполнено на средства гранта Российского научного фонда (проект № 14-18-02508).

И. А. Белова [3; 4], транзакционные издержки — Е. В. Николаева [9], социальную ответственность руководителя — Д. А. Плетнев [10]. Исследование перспектив и проблем развития малого и среднего бизнеса, программ поддержки бизнеса раскрыто Т. А. Кудрявцевой [7], И. Н. Филипповой [12].

Вместе с тем проблемы успешности малого и среднего бизнеса нашли отражение в работах зарубежных исследователей. Е. Стонкуте и Я. Ввейнхардт [17] изучили ключевые факторы успеха в контексте глобальной системы поставок. А. Лигтхелм [16] провел анализ выживаемости малых предприятий в Южной Африке в 2007—2010 гг. Он определил основные факторы выживаемости малых предприятий: человеческий капитал, предпринимательские способности и навыки ведения бизнеса. Ч. Чититхаворн и коллеги [14] занимались анализом факторов успешности среднего и малого бизнеса в Таиланде. Они выявили, что основными факторами являются внешняя среда, отношения с клиентами, способ ведения бизнеса и кооперация (по сути, отношения с поставщиками), доступ к финансовым и иным ресурсам. Изучением налогового законодательства как фактора, оказывающего влияние на малый и средний бизнес, занимались А. Хансфорд и Я. Хасселдин [15], Ф. Читтенден и коллеги [13]. Они считали, что соблюдение налогового законодательства выступает внешним фактором увеличения затрат малых и средних предприятий. При этом они утверждали, что регулярные требования, предъявляемые к бизнесу, особенно к малым и средним предприятиям, обременительны и могут накладывать ограничения на их рост и успешность.

Методология и данные

Теоретическую и методологическую базу исследования составили аналитические и обзорные статьи отечественных и зарубежных ученых, занимавшихся проблемами функционирования предприятий малого и среднего бизнеса, государственной поддержки субъектов малого и среднего предприятия, успешностью малых и средних форм хозяйствования.

Информационной базой исследования выступает интернет-портал АО «Федеральная корпорация по развитию малого и среднего бизнеса» (Корпорация МСП) [18].

При обработке информации были использованы общенаучные методы исследования: сравнительный анализ, графический анализ, синтез, группировка, обобщение.

Результаты

Чтобы обеспечить реализацию программ поддержки, направленных на создание условий для развития малого и среднего предпринимательства, государство создает организации инфраструктуры поддержки. Деятельность данных организаций реализуется по пяти основным направлениям. Рассмотрим более подробно каждое из них:

1. Финансовая инфраструктура поддержки.

Основные составляющие данного направления поддержки: гарантийная поддержка субъектов МСП путем выдачи поручительств и независимых гарантий; организация других форм поддержки, включающих лизинговые и факторинговые операции, а также разработку механизмов рефинансирования долговых обязательств субъектов МСП; организация финансирования кредитных организаций, оказывающих финансовую поддержку малым и средним предприятиям. Эту деятельность осуществляют региональные организации, образующие финансовую инфраструктуру: гарантийный фонд (ГФ), микрофинансовые организации (МФО) и лизинговые организации (ЛО). Анализ присутствия данных организаций в субъектах РФ показал, что гарантийные фонды осуществляют деятельность во всех субъектах РФ, за исключением Еврейской автономной области. Отличительной особенностью является наличие по одному ГФ в каждом субъекте РФ. Чуть хуже в этом отношении — ситуация с МФО, они осуществляют деятельность в 76 субъектах РФ путем выдачи микрофинансовых займов субъектам МСП. Число МФО в субъекте РФ в среднем колеблется от трех-четырех. Абсолютными лидерами выступают Иркутская (22 МФО), Кемеровская (15), Самарская (15), Ростовская (14) области. Лизинговые организации, выполняющие функции лизингодателей, присутствуют лишь в 5 субъектах РФ: Алтайском крае, Владимирской области, Забайкальском крае, Республике Северная Осетия — Алания, Ямало-Ненецком автономном округе (по одной).

Обобщенная информация по финансовой инфраструктуре поддержки представлена в табл. 1.

Анализ инфраструктуры финансовой поддержки показал, что число организаций, оказывающих поддержку МСП в данном направлении, достигает 356. Все виды этих организаций присутствуют только в 5 субъектах РФ: Алтайский край, Владимирская область, Забайкальский край, Республика Северная Осетия — Алания, Ямало-Ненецкий автономный округ. Больше всего

Таблица 1

Финансовая инфраструктура поддержки МСП¹

Тип организации в составе инфраструктуры	Вид деятельности	Количество субъектов РФ, где присутствует организация
Гарантийный фонд	Предоставление поручительств	84
Микрофинансовая организация	Микрофинансовые займы	76
Лизинговая организация	Финансовая аренда	5

региональных организаций данного направления функционирует в Иркутской (23), Самарской (16), Кемеровской (16), Ростовской (15), Кировской (11) областях; в Еврейской автономной области нет ни одной. Во всех остальных субъектах РФ присутствует минимум по 2 организации.

2. Консультационная инфраструктура поддержки.

Основной задачей данного направления поддержки является оказание консультационных услуг субъектам МСП через шесть видов региональных организаций: региональный интегрированный центр (РИЦ), центр координации поддержки экспортно-ориентированных субъектов МСП (ЦПЭ), центр инноваций социальной сферы (ЦИСС), центр поддержки предпринимательства (ЦПП), центр народно-художественных промыслов (ЦНХП), центр сельскохозяйственного консультирования (ЦСХК).

Деятельность РИЦ направлена на содействие экспортно-ориентированным малым и средним предприятиям в установлении и развитии сотрудничества с зарубежными партнерами. Количество РИЦ достигает 50: по одному — в 41 субъекте РФ и 9 — в Ярославской области. ЦПЭ создано меньше — 34 (по одному в субъекте РФ), они оказывают информационно-аналитическую, консультационную и организационную поддержку внешнеэкономической деятельности субъектов МСП. Еще меньше — ЦИСС, их 23: по одному в 21 субъекте РФ и 2 в Алтайском крае. Количество ЦПП достигает 318 в 63 субъектах РФ, абсолютными лидерами здесь выступают Алтайский край (72), Кемеровская (30), Ленинградская (25), Нижегородская (41), Томская (22) и Воронежская (14) области. На минимальном уровне находится количество ЦНХП: по одному в 7 субъектах РФ: Белгородской, Кировской, Курской, Ленинградской, Рязанской областях, республиках Коми и Татарстан. ЦСХК

присутствуют в 5 субъектах РФ (в Алтайском и Хабаровском краях, Нижегородской, Ростовской и Ульяновской областях), всего их 18, из которых 14 функционируют в Ростовской области.

Обобщенная информация по консультационной инфраструктуре поддержки представлена в табл. 2.

Анализ показал, что в субъектах РФ число региональных организаций инфраструктуры консультационной поддержки максимальное среди организаций остальных направлений поддержки МСП, — 450. Но ни в одном субъекте РФ не присутствуют все шесть видов рассмотренных консультационных организаций. Установлено, что в Ульяновской области их 5 видов. По 4 вида функционирует в Алтайском, Ставропольском и Хабаровском краях, Вологодской, Нижегородской и Омской областях, республиках Башкортостан и Татарстан, Ханты-Мансийском автономном округе.

3. Имущественная инфраструктура поддержки.

Имущественная поддержка субъектов МСП осуществляется в виде передачи во владение или пользование государственного и муниципального имущества, в том числе земельных участков, зданий, строений, сооружений, нежилых помещений, оборудования, машин, механизмов, установок, транспортных средств, инвентаря, инструментов — как на безвозмездной, так и на возмездной основе и льготных условиях. Данное направление инфраструктуры поддержки включает следующие региональные организации: центр имущественной поддержки (ЦИМ), бизнес-инкубатор (БИ), индустриальный парк / промышленный парк и промышленная площадка (ИП/ПП), агропромышленный парк (АП), технопарк (ТП), технополис.

В настоящее время в субъектах РФ работают 4 ЦИМ — по одному в Иркутской, Омской, Смоленской областях и Чеченской Республике. Наиболее распространены БИ — 219 в 68 субъектах РФ, из них 26 — в Рязанской области, 5 — в Республике Татарстан. Почти вдвое меньше ИП/ПП — 112, и основная их часть

¹ Все таблицы составлены автором на основе данных, представленных АО «Федеральная корпорация по развитию малого и среднего бизнеса» (Корпорация МСП).

Таблица 2

Консультационная инфраструктура поддержки МСП

Тип организации в составе инфраструктуры	Сфера консультационной поддержки	Количество субъектов РФ, где присутствует организация
Региональный интегрированный центр	Сотрудничество с зарубежными партнерами, включая экспорт	41
Центр координации поддержки экспортно-ориентированных субъектов МСП	Внешнеэкономическая деятельность, включая экспорт	34
Центр инноваций социальной сферы	Социальное предпринимательство	22
Центр поддержки предпринимательства	Ведение бизнеса и правовые аспекты	63
Центр народно-художественных промыслов	Народно-художественные ремесла и промыслы	7
Центр сельскохозяйственного консультирования	Сельское хозяйство	5

функционирует в республиках Татарстан (46) и Башкортостан (11). Количество АП оставляет желать лучшего — 5 в 4 субъектах РФ: по одному в Калужской, Ульяновской областях, Республике Хакасия и 2 — в Республике Татарстан. В настоящее время создано 78 ТП в 26 субъектах РФ, причем 19 из них — в Москве, 12 — в Свердловской области, 10 — в Республике Татарстан. А технополисов на сегодня работает всего два, и оба находятся в Москве.

Обобщенная информация по имущественной инфраструктуре поддержки представлена в табл. 3.

Анализ инфраструктуры имущественной поддержки показал, что число организаций данного направления немногим меньше, чем в инфраструктуре консультационной поддержки, — 420. При этом ни в одном субъекте РФ не присутствуют все шесть видов организаций. По 4 вида таких региональных организаций функционирует в Москве, Иркутской, Калужской областях и Республике Татарстан, по 3 — в Алтайском крае, Белгородской, Липецкой, Нижегородской, Рязанской, Свердловской, Тульской и Ульяновской областях, Республике Башкортостан, Удмуртской и Чувашской республиках.

4. Инновационно-производственная инфраструктура поддержки.

В этом направлении поддержки МСП представлено наибольшее разнообразие региональных организаций — 15 видов: инновационный центр, наноцентр, инжиниринговый центр (РЦИ), центр стандартизации, сертификации и испытаний (коллективного пользования) (ЦСИ), центр прототипирования (ЦП), центр кластерного раз-

вития (ЦКР), центр субконтрактации, инвестиционный фонд, специализированная компания инновационного территориального кластера (СК ИТК), центр коллективного доступа к оборудованию (ЦКД) и центр коллективного пользования (ЦКП), центр трансферта технологий (ЦТТ), центр коммерциализации технологий, центр аддитивных технологий, учебно-инновационный центр подготовки кадров, питомнический комплекс.

Наибольший удельный вес (30 % — 66 организаций) принадлежит РЦИ, присутствие которых отмечено в 40 субъектах РФ. На долю ЦКР приходится около 15 % (33) всех организаций данной инфраструктуры. По 7,7 % (17) приходится на инновационные центры (зарегистрированы в 9 субъектах РФ) и СК ИТК (в 14 субъектах). Общее число центров прототипирования составляет 19 (8,6 %), они работают в 14 субъектах РФ. Наноцентров — 13 (6 %), в 9 субъектах РФ. Инвестиционных фондов и ЦСИ сегодня по 15, соответственно в 13 и 12 субъектах РФ. ЦКД — 2, только в Республике Башкортостан; ЦКП — 6, в 5 субъектах РФ. Остальные виды организаций данного направления поддержки МСП представлены по одной-две в регионах: ЦТТ — в Москве, Иркутской и Ульяновской областях, Ставропольском крае; центр коммерциализации технологий — в Пензенской и Тюменской областях; центр аддитивных технологий и питомнический комплекс — только в Воронежской области; учебно-инновационные центры подготовки кадров — в Воронежской и Иркутской областях.

Обобщенная информация по инновационно-производственной инфраструктуре поддержки представлена в табл. 4.

Таблица 3

Имущественная инфраструктура поддержки МСП

Тип организации в составе инфраструктуры	Вид деятельности	Количество субъектов РФ, где присутствует организация
Центр имущественной поддержки	Обеспечение производственной площадью и оборудованием	4
Бизнес-инкубатор	Предоставление начинающим предпринимателям (зарегистрированным и действующим не более года) производственных и офисных площадей, сопутствующих услуг	68
Индустриальный парк / Промышленный парк и промышленная площадка	Размещение промышленных субъектов МСП на территориях, обеспеченных инженерной и энергетической инфраструктурой	30
Агропромышленный парк	Размещение субъектов МСП агропромышленной сферы, обеспечение инженерной и энергетической инфраструктурой	4
Технопарк	Предоставление в аренду производственных площадей	26
Технополис	Обеспечение поддержки субъектов МСП, нацеленных на производство новой, прогрессивной продукции или разработку новых наукоемких технологий в рамках взаимодействия с университетами и научно-техническими центрами	1

Таблица 4

Инновационно-производственная инфраструктура поддержки МСП

Тип организации в составе инфраструктуры	Вид деятельности	Количество субъектов РФ, где присутствует организация
Инновационный центр	Содействие инновационной деятельности	9
Наноцентр	Маркетинговая и управленческая поддержка по коммерциализации нанотехнологий; доработка и внедрение новых технологий в области наноиндустрии	9
Инжиниринговый центр	Повышение технологической готовности субъектов МСП за счет разработки и обеспечения решения проектных, технических, инженерных, технологических и организационных задач	40
Центр стандартизации, сертификации и испытаний (коллективного пользования)	Испытания оборудования, технологических процессов, образцов товаров	12
Центр прототипирования	Создание макетов, прототипов, опытных образцов и иной мелкосерийной продукции на этапах от компьютерного проектирования до изготовления	14
Центр кластерного развития	Реализация проектов, обеспечивающих развитие территориальных кластеров	32
Центр субконтракции	Содействие производственной кооперации российских компаний в целях вовлечения субъектов МСП в цепочку поставщиков крупных компаний	5
Инвестиционный фонд	Привлечение инвестиций и сопровождение инвестиционных проектов субъектов МСП	13
Специализированная компания инновационного территориального кластера	Реализация проектов развития инновационного территориального кластера, выполняемых совместно двумя и более организациями, в том числе субъектами МСП	14

Окончание табл. 4

Тип организации в составе инфраструктуры	Вид деятельности	Количество субъектов РФ, где присутствует организация
Центр коллективного доступа к оборудованию, центр коллективного пользования	Обеспечение доступа к высокотехнологичному оборудованию	ЦКД — 1 ЦКП — 5
Центр трансферта технологий	Обеспечение процесса передачи технологий (и прав на их использование) между физическими лицами или организациями, в том числе субъектами МСП, с целью последующего внедрения в производство и/или коммерциализации	4
Центр коммерциализации технологий	Получение дохода от результатов научных исследований и компетенций субъектов МСП	2
Центр аддитивных технологий	Поиск решений по модернизации и созданию новой модели продукции субъектов МСП посредством добавления производственных материалов	1
Учебно-инновационный центр подготовки кадров	Подготовка и обучение кадров в инновационной сфере	2
Питомнический комплекс	Обеспечение доступа к высокотехнологичному оборудованию; выращивание селекционно улучшенных видов растений	1

Анализ инфраструктуры инновационно-производственной поддержки показал, что число организаций данного направления в целом в РФ намного меньше, чем по другим направлениям, — 220. И ни в одном субъекте РФ не присутствуют все 15 видов организаций. По 8 видов функционируют в Москве и Новосибирской области, по 6 — в Иркутской и Калужской областях, по 5 — в Алтайском, Красноярском и Хабаровском краях, Воронежской и Челябинской областях, Санкт-Петербурге и Республике Татарстан.

5. Правовая инфраструктура поддержки.

В настоящее время региональные организации правовой инфраструктуры поддержки МСП отсутствуют. Но уже определены ее приоритетные направления на период 2016—2018 гг.: во-первых, создание системы мер правовой поддержки, включающей необходимые инструменты и механизмы ее реализации, которые позволят снизить издержки МСП на ведение бизнеса и повысить правовую грамотность субъектов МСП; во-вторых, детальная и глубокая проработка предложений по совершенствованию нормативно-правового регулирования в сфере поддержки предприятий малого и среднего бизнеса.

Выводы

Анализ развития инфраструктуры государственной поддержки предприятий малого и среднего бизнеса в России позволяет нам сделать определенные выводы. Во-первых, спектр программ и количество субъектов поддержки достигают внушительных масштабов, причем цели поддержки и ее получатели также носят разноплановый и разносторонний характер. Во-вторых, наибольшее число видов организаций инфраструктуры поддержки создано в инновационно-производственной инфраструктуре (15). Но самих организаций в целом больше работает в консультационной инфраструктуре поддержки. В-третьих, выявлены субъекты РФ, где присутствует максимальное число видов организаций всех направлений поддержки: Алтайский край, Иркутская область, Калужская область, Москва, Республика Башкортостан, Республика Татарстан, Хабаровский край.

Полученные нами результаты позволят в дальнейших исследованиях перейти в практическую плоскость и оценить влияние инфраструктуры государственной поддержки на показатели успешности предприятий малого и среднего бизнеса в России.

Список литературы

1. Бархатов, В. И. Природа и противоречия успешности малого и среднего бизнеса в современной экономике / В. И. Бархатов // Вестн. Челяб. гос. ун-та. — 2014. — № 21 (350). Экономика. Вып. 47. — С. 8—14.

2. Бексултанова, А. И. Ограничения и проблемы развития малого бизнеса в России на современном этапе / А. И. Бексултанова, Р. А. Ялмаев, М. А. Эскиев // Молодой ученый. — 2015. — № 23. — С. 481—483.
3. Белова, И. А. Налоговая нагрузка как фактор успешности предприятий среднего бизнеса Тюменской области / И. А. Белова // Наука XXI века: проблемы, поиски, решения : материалы XXXIX науч.-практ. конф. с междунар. участием, посвящ. 70-летию Победы в Великой Отечеств. войне (Миасс, 24 апр. 2015 г.). — Миасс : Геотур, 2015. — С. 77—83.
4. Белова, И. А. Налоговые льготы для малого и среднего бизнеса как внешний фактор их успешности / И. А. Белова // Инновационная экономика и промышленная политика региона (Экопром-2015) : тр. междунар. науч.-практ. конф., 8—10 окт. 2015 г. — СПб. : Изд-во Политехн. ун-та, 2015. — С. 472—479.
5. Бурлуцкая, Ю. А. Проблемы развития малого и среднего бизнеса в России / Ю. А. Бурлуцкая // Молодой ученый. — 2016. — № 2. — С. 436—439.
6. Коротаева, Т. В. Меры государственной поддержки малого и среднего бизнеса / Т. В. Коротаева, Е. А. Чеглова // Соц.-экон. явления и процессы. — 2014. — № 1 (059). — С. 28—32.
7. Кудрявцева, Т. А. Программы поддержки малого бизнеса через систему кредитования / Т. А. Кудрявцева // Современное развитие малого бизнеса : материалы III Всерос. проф. конф. с междунар. участием. — Челябинск, 2015. — С. 150—152.
8. Насонов, В. В. Проблемы влияния региональных факторов на развитие малого предпринимательства // Молодой ученый. — 2014. — № 1. — С. 405—407.
9. Николаева, Е. В. Влияние транзакционных издержек на успешность предприятий малого и среднего бизнеса в российских регионах / Е. В. Николаева // Вестн. Челяб. гос. ун-та. — 2015. — № 18 (373). Экономика. Вып. 51. — С. 140—148.
10. Плетнев, Д. А. Взаимосвязь успешности малого и среднего бизнеса в России и социальной ответственности его руководителей / Д. А. Плетнев // Институциональная трансформация экономики: российский вектор новой индустриализации : материалы IV Междунар. науч. конф. : в 2 ч. — Ч. 1. — Омск, 2015. — С. 492—497.
11. Природа, факторы и измерение успешности предприятий малого и среднего бизнеса в России : монография / под общ. ред. В. И. Бархатова, Д. А. Плетнева. — М. : Перо, 2015. — 302 с. — (Электронная книга).
12. Филиппова, И. Н. Проблемы и перспективы малого бизнеса в условиях изменений налогового законодательства / И. Н. Филиппова // Современное развитие малого бизнеса : материалы III Всерос. проф. конф. с междунар. участием. — Челябинск, 2015. — С. 110—111.
13. Taxation and small firms: creating incentives for the reinvestment of profits / F. Chittenden [et al.] // Environment and Planning C: Government and Policy. — 1999. — Vol. 17. — P. 271—286.
14. Factors Affecting Business Success of Small & Medium Enterprises (SMEs) in Thailand / Ch. Chittithaworn [et al.] // Asian Social Science. — 2011. — Vol. 7, № 5. — P. 180—190.
15. Hansford, A. Tax compliance costs for small and medium sized enterprises: the case of the UK / A. Hansford, J. Hasseldine // eJ. of Tax Research. — 2012. — Vol. 10, № 2. — P. 288—303.
16. Ligthelm, A. Survival Analysis of Small Informal Businesses in South Africa, 2007—2010 [Электронный ресурс] / A. Ligthelm // Eurasian Business Rev. — 2011. — Vol. 1, iss. 2. — P. 160—179. — URL: <http://link.springer.com/article/10.14208/BF03353804>.
17. Stonkutė, E. Key Success Factors for Small and Medium Size Enterprises in a Context of Global Supply Chains [Электронный ресурс] / E. Stonkutė, J. Vveinhardt // Entrepreneurship, Business and Economics : proceedings of the 15th Eurasia Business and Economics Soc. Conf. — 2016. — Vol. 1. — P. 89—102. — URL: <http://www.springer.com/us/book/9783319275697#aboutBook>.
18. АО «Федеральная корпорация по развитию малого и среднего предпринимательства» (Корпорация МСП) [Электронный ресурс]. — URL: <http://corpmsp.ru/> (дата обращения 25.05.2016).

Сведения об авторе

Белова Ирина Анатольевна — кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики отраслей и рынков Челябинского государственного университета, Челябинск, Россия. belova@csu.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2016. No. 6 (388). Economic Sciences. Iss. 53. Pp. 77—85.

DEVELOPMENT OF INFRASTRUCTURE OF THE STATE SUPPORT OF THE ENTERPRISES OF SMALL AND MEDIUM BUSINESS IN RUSSIA

I.A. Belova

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. belova@csu.ru

The purpose of the article supports the analysis of the development of the infrastructure of the state support of small and medium-sized enterprises in Russia. The article explored the infrastructure of the state support of small and medium-sized businesses in five main areas of support: financial, property, consulting, innovative production and legal infrastructure. The analysis of the presence of regional organizations each direction support infrastructure in the constituent entities of the Russian Federation. Allocated the subjects of the Russian Federation, has the most extensive infrastructure support, as in a single direction and set of directions of the state support. The results obtained will allow further studies go into action and to evaluate the impact of the infrastructure of state support on indicators of success of small and medium enterprises in Russia.

Keywords: *infrastructure, state support, small business, medium business, small and medium-sized enterprises.*

References

1. Barkhatov V.I. Priroda i protivorechiya uspehnosti malogo i srednego biznesa v sovremennoy ekonomike [Nature and contradictions success of small and medium businesses in today's economy]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University], 2014, no. 21 (350), pp. 8—14. (In Russ.).
2. Beksultanova A.I., Yalmaev R.A., Eskiyev M.A. Ogranicheniya i problemy razvitiya malogo biznesa v Rossii na sovremennom etape [Limitations and problems of development of small business in Russia at the present stage]. *Molodoy uchyonyy* [Young scientist], 2015, no. 23, pp. 481—483. (In Russ.).
3. Belova I.A. Nalogovaya nagruzka kak faktor uspehnosti predpriyatiy srednego biznesa Tyumenskoj oblasti [The tax burden as a factor in the success of midsize businesses Tyumen region]. *Nauka XXI veka: problema, poiski, resheniya: materialy XXXIX nauchno-prakticheskoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiyem, posvyashchyonnoy 70-letiyu Pobedy v Velikoy Otechestvennoy voyne (Miass, 24 aprelya 2015 g.)* [Science of the XXI century: problems, searches, solutions: materials of XXXIX scientific conference with international participation, dedicated to the 70th anniversary of Victory in the Great Patriotic War (Miass, April 24, 2015)]. Miass, 2015. Pp. 77—83. (In Russ.).
4. Belova I.A. Nalogovye l'goty dlya malogo i srednego biznesa kak vneshniy faktor ikh uspehnosti [Tax incentives for small and medium-sized businesses as an external factor for their success]. *Innovatsionnaya ekonomika i promyshlennaya politika regiona (Ekoprom-2015): trudy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, 8—10 oktyabrya 2015 g.* [Innovative Economy and Industrial Policy of the region (Ecoprom 2015): Proceedings of the International scientific-practical conference, October 8—10, 2015]. St. Petersburg, 2015. Pp. 472—479. (In Russ.).
5. Burlutskaya Yu.A. Problemy razvitiya malogo i srednego biznesa v Rossii [Problems of development of small and medium-sized businesses in Russia]. *Molodoy uchyonyy* [Young scientist], 2016, no. 2, pp. 436—439. (In Russ.).
6. Korotaeva T.V., Cheglova Ye.A. Mery gosudarstvennoy podderzhki malogo i srednego biznesa [Measures of state support of small and medium-sized businesses]. *Sotsial'no-ekonomicheskiye yavleniya i protsessy* [Socio-economic phenomena and processes], 2014, no. 1 (059), pp. 28—32. (In Russ.).
7. Kudryavtseva T.A. Programmy podderzhki malogo biznesa cherez sistemu kreditovaniya [Programs to support small businesses through the credit system]. *Sovremennoye razvitiye malogo biznesa: materialy III Vserossiyskoj professional'noy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiyem* [Modern development of small business: materials of III All-Russian professional conference with international participation]. Chelyabinsk, 2015. Pp. 150—152. (In Russ.).

8. Nasonov V.V. Problemy vliyaniya regional'nykh faktorov na razvitiye malogo predprinimatel'stva [Problems of the influence of regional factors on the development of small business]. *Molodoy uchyonyy* [Young scientist], 2014, no. 1, pp. 405—407. (In Russ.).

9. Nikolaeva E.V. Vliyaniye transaktsionnykh izderzhkek na uspehnost' predpriyatiy malogo i srednego biznesa v rossiyskikh regionakh [The impact of transaction costs on the success of small and medium business in the Russian regions]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University], 2015, no. 18 (373), pp. 140—148. (In Russ.).

10. Pletnev D.A. Vzaimosvyaz' uspehnosti malogo i srednego biznesa v Rossii i sotsial'noy otvetstvennosti ego rukovoditeley [Relationship success of small and medium-sized businesses in Russia and the social responsibility of its leaders]. *Institutsional'naya transformatsiya ekonomiki: rossiyskiy vektor novoy industrializatsii: Materialy IV Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii v 2 ch. Ch. 1* [Institutional transformation of the economy: the Russian vector of new industrialization: proceedings of the IV International Conference in 2 pt. Pt. 1]. Omsk, 2015. Pp. 492—497. (In Russ.).

11. Barkhatov V.I., Pletnev D.A. (eds.). *Priroda, faktory i izmereniye uspehnosti predpriyatiy malogo i srednego biznesa v Rossii* [Nature, factors and measuring the success of small and medium-sized businesses in Russia]. Moscow, Pero Publ., 2015. 302 p. (In Russ.).

12. Filippova I.N. Problemy i perspektivy malogo biznesa v usloviyakh izmeneniy nalogovogo zakonodatel'stva [Problems and perspectives of small business in the conditions of changes in tax legislation]. *Sovremennoye razvitiye malogo biznesa: materialy III Vserossiyskoy professional'noy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiyem* [Modern development of small business: materials of III All-Russian professional conference with international participation]. Chelyabinsk, 2015. Pp. 110—111. (In Russ.).

13. Chittenden F. [et al.]. Taxation and small firms: creating incentives for the reinvestment of profits. *Environment and Planning C: Government and Policy*, 1999, vol. 17, pp. 271—286.

14. Chittithaworn Ch. [et al.]. Factors Affecting Business Success of Small & Medium Enterprises (SMEs) in Thailand. *Asian Social Science*, 2011, vol. 7, no. 5, pp. 180—190.

15. Hansford A., Hasseldine J. Tax compliance costs for small and medium sized enterprises: the case of the UK. *eJournal of Tax Research*, 2012, vol. 10, no. 2, pp. 288—303.

16. Ligthelm, A. Survival Analysis of Small Informal Businesses in South Africa, 2007–2010. *Eurasian Business Review*, 2011, vol. 1, iss. 2, pp. 160—179. Available at <http://link.springer.com/article/10.14208/BF03353804>.

17. Stonkutė E., Vveinhardt J. Key Success Factors for Small and Medium Size Enterprises in a Context of Global Supply Chains. *Entrepreneurship, Business and Economics: Proceedings of the 15th Eurasia Business and Economics Society Conference*, 2016, vol. 1, pp. 89—102. Available at <http://www.springer.com/us/book/9783319275697#aboutBook>.

18. AO "Federal'naya korporatsiya po razvitiyu malogo i srednego predprinimatel'stva" (Korporatsiya MSP) [JSC "Federal Corporation for the Development of Small and Medium Enterprises" (SME Corp.)]. Available at: <http://corpmsp.ru>, accessed 25.05.2016. (In Russ.).

УДК 332.2.021
ББК У32-18

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ АГРАРНОЙ ПОЛИТИКИ

Е. С. Силова, Д. С. Бенц

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

Анализируются направления совершенствования государственной аграрной политики. Тема исследования актуальна, поскольку задача обеспечения продовольственной безопасности в последние годы стоит очень остро перед многими странами, в том числе перед нашей. Россия обладает огромным потенциалом в сфере аграрного производства, однако возникают определенные сложности с его реализацией. Системная аграрная политика позволит их решить. Выделены три основных направления совершенствования государственной аграрной политики: первое связано с совершенствованием институционального обеспечения аграрной политики, второе состоит в развитии механизмов координации на аграрном рынке, третье рассматривает снижение уровня поведенческого оппортунизма в отрасли.

Ключевые слова: *аграрная политика, кооперация, логистический центр, контрактные отношения, поведенческий оппортунизм, торговая надбавка.*

На современном этапе развития крайне актуальными являются вопросы разработки и реализации системной аграрной политики как на общегосударственном, так и на региональном уровне. Изучая проблему обеспечения продовольственной безопасности Челябинской области, авторы пришли к выводу о важности качественной институциональной среды и эффективной системы контрактных отношений для решения данной проблемы [1; 3—5]. В представленной статье мы остановимся на рассмотрении конкретных направлений совершенствования государственной аграрной политики. Цель настоящей работы состоит в анализе практических трудностей реализации государственной аграрной политики и разработке рекомендаций по ее совершенствованию. Выделим три ключевых направления совершенствования аграрной политики.

Формирование системной государственной аграрной политики

На наш взгляд, одной из принципиальных проблем, связанных с низким качеством институциональной среды аграрного рынка, является отсутствие системной, научно обоснованной аграрной политики. Это выражается в том числе в отсутствии комплексного институционального обеспечения, а следовательно, и в имеющей место бессистемности предпринимаемых регулятивных мер. Термин «государственная аграрная

политика» представлен в Федеральном законе «О развитии сельского хозяйства» от 29 декабря 2006 г. и трактуется как «составная часть государственной социально-экономической политики, направленной на устойчивое развитие сельского хозяйства и сельских территорий» [17]. Критерии устойчивого развития сельских территорий определены следующим образом: «стабильное социально-экономическое развитие, увеличение объема производства сельскохозяйственной продукции, повышение эффективности сельского хозяйства, достижение полной занятости сельского населения и повышение уровня его жизни, рациональное использование земель» [Там же]. В таком подходе к выделению критериев, по мнению авторов, во-первых, есть смешение количественных и качественных параметров развития, во-вторых, некоторые из них (полная занятость) представляются немного сомнительными, в-третьих, отсутствует экологическая составляющая (что обычно является неотъемлемой частью понятия «устойчивое развитие»). Далее в данном законе выделены цели, принципы и основные меры по реализации государственной аграрной политики. В целом они носят достаточно общий характер (например, предоставление бюджетных средств сельскохозяйственным товаропроизводителям; применение особых налоговых режимов; антимонопольное регулирование рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия и т. д.).

В Концепции долгосрочного социально-экономического развития РФ на период до 2020 г. уде-

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта президента РФ (МК-6017.2015.6).

лено внимание развитию аграрного и рыбохозяйственного комплексов. В этом документе цели государственной аграрной политики дополнены эффективным импортозамещением на рынке животноводческой продукции и созданием развитого экспортного потенциала [11]. И основным инструментом достижения целей как раз и постулируется «адекватная государственная политика, обеспечивающая равные конкурентные условия с развитыми странами» [Там же]. Однако с момента утверждения концепции прошло уже почти восемь лет, но документ, систематизирующий все ключевые элементы аграрной государственной политики (цели, задачи, принципы, средства, методы и конкретные механизмы), так и не разработан. Отсутствует подобный документ и на региональном уровне, в Челябинской области. По мнению И. Буздалова и Б. Фрумкина, проблема отсутствия системной аграрной политики объясняется недооценкой ее значимости со стороны правящих элит. «Сельское хозяйство по-прежнему рассматривается как неизбежный, но хронически отсталый “довесок” к остальным “неаграрным” секторам экономики, а его роль в смене экономических и технологических циклов оценивается в лучшем случае как инертный фон, а в худшем — как “черная дыра”» [6]. Эксперты, занимающиеся данной проблематикой на федеральном уровне, отмечают также частую смену «правил игры», что затрудняет возможности долгосрочного стратегического планирования участниками рынка [2].

Вследствие этого появляются многочисленные проблемы институционального регулирования развития агропромышленного комплекса. Так, например, отсутствует целый ряд норм и правил, регулирующих производство продовольственной продукции малыми формами хозяйствования. Существует противоречивость в регулировании организационно-правовых форм ведения бизнеса, как крупного, так и малого. Исследуя деятельность агрохолдингов, которые являются производственным ядром на рынках продовольствия, можно говорить о сложной, запутанной и непрозрачной структуре владения, а также о неструктурированности и некоторой хаотичности интеграционных процессов в АПК (подробнее см. в [5]). Если же рассматривать деятельность малых хозяйствующих форм (личные подсобные хозяйства, фермерские хозяйства), которые могли бы стать серьезным драйвером развития процессов импортозамещения и, соответственно, уси-

ления продовольственной безопасности региона и страны, то в этом секторе проблем с институциональным регулированием немало. В частности, не установлены четкие критерии и требования к их деятельности, неэффективны контрактные механизмы (по сути, рынок является стихийным и «серым»), плохо защищены права собственности, отсутствуют эффективно работающие механизмы агрострахования. Кроме того, достаточно высоки административные барьеры в экономике в целом, а в секторе производства продовольствия малыми предпринимателями они еще выше. В связи с этим, по мнению авторов, первым и наиболее важным направлением совершенствования аграрной политики должна стать разработка качественного институционального обеспечения, которое может и должно быть оформлено в виде стратегии или концепции аграрной государственной политики.

Развитие механизмов координации на аграрном рынке

Есть еще одно значимое направление, которое требует повышенного внимания при совершенствовании аграрной политики, — содействие развитию координационных механизмов в сельском производстве. Это позволит преодолеть такую проблему развития аграрной экономики, как неэффективные контрактные отношения, что проявляется в особенностях современных контрактных отношений в агропромышленном комплексе: непрозрачность отношений; длинные контрактные цепочки, включающие много посредников и создающие возможности злоупотреблений; высокие административные барьеры и транзакционные издержки в отрасли; отсутствие эффективных механизмов регулирования контрактных отношений и развитой институциональной среды (подробнее см. в [1]).

Координационные механизмы рассмотрим в двух формах: как развитие кооперации и как развитие логистических центров.

Сельскохозяйственная кооперация является важным механизмом координации, который обеспечивает более эффективное взаимодействие агропроизводителей и решает вопросы организации торгово-сбытовой, снабженческой, финансовой деятельности для мелких и средних производителей. Кооперативная деятельность повышает устойчивость и эффективность аграрного сектора экономики. Кроме того, следует принимать во внимание и исторический опыт применения

положительных эффектов кооперации. Как показывает в своей статье С. Пархоменко, развитие молочной промышленности в России в конце XIX в. базировалось на использовании кооперативно-артельных принципов взаимодействия крестьян (производителей молока) с сыроварами [15].

Следует отметить, что во всем мире сельскохозяйственная кооперация является основой эффективного высокотехнологичного сельского хозяйства. Например, в США до 30 % продукции фермеров реализуется посредством 3400 кооперативов. В Финляндии кооперативы производят свыше 74 % мясной продукции, 90 % молочной продукции, 50 % яиц и на их долю приходится около 35 % банковских депозитов [10]. На сегодняшний день вовлеченность в кооперацию в России незначительна: членская база сельскохозяйственных кооперативов (снабженческих, сбытовых, обслуживающих, перерабатывающих) — не более 50 тыс. личных подсобных (охват менее 1 %) и не более 4 тыс. крестьянских (фермерских) (охват менее 3 %) хозяйств [Там же].

Содействие развитию кооперации будет способствовать решению ряда задач в аграрной отрасли. Мелкие и средние производители зачастую сталкиваются с проблемами недоступности кредитных ресурсов, отсутствием инвестиций, сложностями в продвижении на рынок и сбыте продукции, высоким уровнем транзакционных издержек и административных барьеров. Для них кооператив, который выполнял бы функции, связанные с организацией транспортировки и сбыта продукции, а также предоставление услуг по кредитованию, страхованию, лизингу, мог бы стать незаменимым инструментом, повышающим эффективность их деятельности. Кооперативные объединения позволяют небольшим разрозненным хозяйствам объединить свои активы и усилия для более эффективного совместного использования. Некоторые особенности сельскохозяйственного производства предопределяют наиболее активное развитие кооперации именно в аграрной отрасли. Во-первых, это ограниченность общественного разделения труда — специфика взаимодействия с «живой природой» в том, что, например, уход за животными осуществляют одни и те же люди. Во-вторых, как правило, работники, задействованные в данной сфере производства, отличаются высоким уровнем мотивации труда, что связано обычно с соединением статуса собственника и работника.

В-третьих, отрасль чаще всего является инвестиционно непривлекательной вследствие рискованности, сезонности и большой доли трудозатрат. По мнению В. Г. Егорова, кооперация в силу этих причин практически не имеет альтернативы и является «если не единственным механизмом, повышающим эффективность сельскохозяйственного производства, то, по крайней мере, одним из таковых» [10]. Конечно, для того чтобы кооперация состоялась, необходимо несколько условий: наличие у производителей достаточной собственности, а также развитые товарные отношения между ними. По некоторым данным, степень вовлеченности в кооперацию прямо коррелирует с уровнем товарности фермерских хозяйств.

Схематично деятельность кооперативной структуры представлена на рис. 1. Как видно из рисунка, в регионе могут действовать два уровня кооперативов: первичные, объединяющие сельхозпроизводителей, которые, в свою очередь, могут формировать межмуниципальные или региональные кооперативы — организации, более крупные и выполняющие более сложный набор функций.

Потенциальными членами кооператива являются владельцы личных подсобных хозяйств, фермеры, агрофирмы. Функции кооператива не ограничиваются представленными на рис. 1, могут включать набор дополнительных услуг в зависимости от потребностей членов. Важно, что кооперативы берут на себя функции по взаимодействию с потребителями, в том числе с торговыми и перерабатывающими предприятиями, а с другой стороны — с государственными органами власти и кредитными институтами, что может способствовать решению частных вопросов агропроизводителей в случае необходимости.

Препятствием для развития кооперации является отсутствие системы координации между кооперативами. На федеральном уровне существует Федеральный союз сельскохозяйственных потребительских кооперативов, но его состав крайне малочислен [18].

Финансовая поддержка кооперации на сегодняшний день осуществляется преимущественно в виде грантов. По официальным данным, государство обещало вложить в 2015—2016 гг. 400 млн р. в развитие кооперации при софинансировании региональными бюджетами 268,4 млн р. Предполагается оказать поддержку не менее чем 70 кооперативам [8]. Однако размер гранта для отдельного кооператива в среднем невелик — около

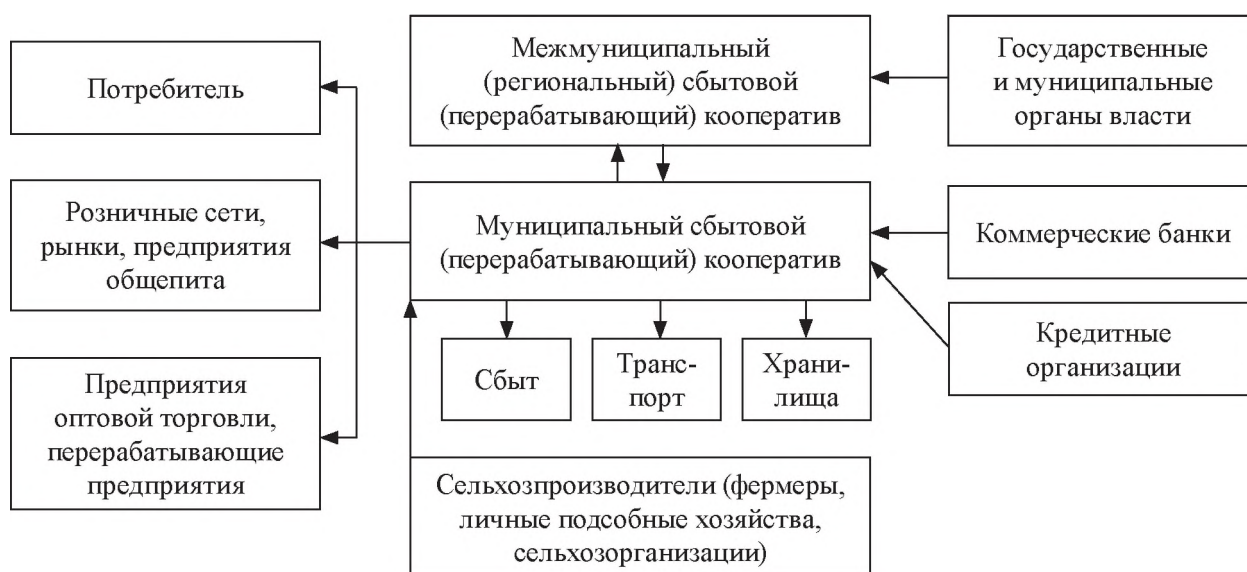

Рис. 1. Деятельность сельскохозяйственного кооператива и его взаимодействия с основными участниками

300 тыс. р., поэтому возникает вопрос о том, насколько такая помощь позволит изменить материально-техническую базу кооперативов, особенно в условиях падения курса национальной валюты.

Если говорить о государственных мерах по стимулированию кооперации, наиболее эффективными, как показывает практика развитых стран, являются налоговая политика, прямое субсидирование и страхование.

Рассматривая механизм государственной поддержки развития кооперации в агропромышленном секторе, Л. В. Обьедкова выделяет в нем три необходимых направления: правовое, финансово-экономическое и организационно-экономическое [14]. Создание качественного правового поля, безусловно, важнейшее направление, которое может обеспечить государство. Финансово-экономическое направление помимо грантовой поддержки может включать налоговые льготы и налоговые каникулы, компенсацию объективно высоких затрат, предоставление доступных кредитов, гарантий по кредитам и т. п. В организационном аспекте важное значение имеет развитие соответствующей аграрной инфраструктуры. На наш взгляд, на сегодняшний день в аграрной политике необходимо усилить меры, направленные на развитие кооперации в аграрном секторе, что повысит его эффективность в целом.

Второй формой развития координационных механизмов на аграрном рынке является развитие логистической аграрной инфраструктуры, преимущественно на региональном уровне.

Одной из основных проблем современных агропроизводителей, среди которых большую долю занимают малые и средние формы хозяйствования, является организация хранения, переработки и сбыта продукции. В отрасли часто действуют перекупщики, устанавливающие низкие цены и монополизирующие рынок. У фермеров не хватает времени и ресурсов для организации собственных каналов сбыта, и они вынуждены идти на дискриминирующие условия перекупщиков. Многие авторы подчеркивают, что современная инфраструктура в АПК не обеспечивает в полном объеме интересы и потребности субъектов агропромышленного комплекса, в результате чего потери их доходов составляют более 30 % [12]. Из-за невозможности обеспечить сохранность продукции (отсутствие современных хранилищ) происходит потеря до 30—40 % урожая [12; 16]. Среди используемых сельхозпроизводителями каналов сбыта можно отметить ярмарки, но их доля в обороте розничной торговли относительно невелика (в 2014 г. около 13 %). Основные достоинства ярмарочной торговли — приближение производителя к потребителю и гораздо более низкие цены, чем в розничных сетях, однако, поскольку ярмарки носят эпизодический характер, они не решают проблему сбыта сельскохозяйственной продукции.

Поэтому еще одним важным направлением государственной аграрной политики может стать развитие логистических центров в АПК, которые могли бы выполнять в том числе и кооперативные

функции. По результатам дискуссии, организованной в рамках круглого стола, посвященного проблемам обеспечения продовольственной безопасности региона в условиях кризиса на конференции «Современные хозяйственные отношения: в поисках новой модели»¹, авторы пришли к выводу, что создание логистического центра будет востребованным для субъектов аграрного рынка Челябинской области и позволит значительно увеличить эффективность аграрного рынка в нашей области.

На сегодняшний момент можно отметить практически полное отсутствие подобных логистических центров в РФ, несмотря на то что их строительство и развитие приоритетны с точки зрения государственных органов. В Государственной программе развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013—2020 гг. находим подпрограмму № 10 «Развитие оптово-распределительных центров и инфраструктуры системы социального питания», общий объем которой составляет почти 80 млрд р. Среди основных целей подпрограммы: строительство, реконструкция и модернизация сети оптово-распределительных и производственно-логистических центров для сбыта сельскохозяйственной продукции; развитие биржевой и электронной торговли сельскохозяйственной продукцией, сырьем и продовольствием [9].

Ключевая цель строительства сети логистических центров — оптимизация процесса товарооборота сельскохозяйственной продукции и удовлетворение интересов основных субъектов аграрной контрактной цепочки.

Логистические центры призваны решить следующие основные задачи:

— создание устойчивой системы снабжения и сбыта в корпоративном и территориальном разрезах [7];

— уменьшение количества звеньев в контрактных цепочках за счет вывода из них посредников;

— улучшение сохранности и качества продукции;

— снижение стоимости продукции для конечного потребителя;

— сокращение транзакционных издержек сельхозпроизводителей;

¹ Круглый стол был проведен в ЧелГУ 16 декабря 2015 г., в нем приняли участие представители малого и среднего аграрного бизнеса и науки.

— снижение затрат времени на организацию процесса сбыта сельскохозяйственной продукции.

По мнению М. А. Нестеренко, логистические центры являются ядром оптовой торговли, объединяя субъектов различных форм хозяйствования и предоставляя следующие услуги: хранение, контроль качества, мойка, фасовка, транспортировка и сбыт, в некоторых случаях первичная переработка сельскохозяйственной продукции, а также информационные услуги и услуги по документационному сопровождению [13].

Возможно использование двух типов подобных площадок: интернет-логистические платформы и логистические платформы, включающие предоставление складских, транспортных услуг, переработку продукции.

Логистическая интернет-платформа выполняет в основном информационные функции, является местом встречи продавцов и покупателей. И продавец, и покупатель могут здесь разместить информацию о необходимой продукции, цене, качестве, количестве, покупатель может оставлять заявки. Таким образом, подобная логистическая платформа поможет фермерам избавиться от необходимости взаимодействия и с перекупщиками, получив возможность заключать прямые договоры.

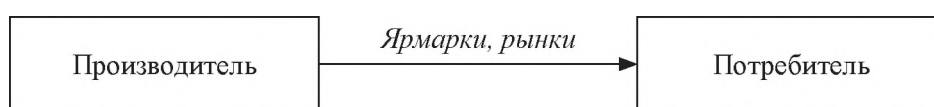
Логистический центр второго типа ориентирован на сотрудничество с сельхозтоваропроизводителями региона всех форм собственности, в том числе фермеров, а также личных подсобных хозяйств. Основные вопросы касаются организации закупок сельскохозяйственной продукции на взаимовыгодных условиях, то есть также организации каналов сбыта для производителей и долгосрочных контрактов с крестьянскими (фермерскими) хозяйствами и кооперативами по вопросам поставки посадочного материала, минеральных удобрений и т. д. Кроме того, логистический центр может предоставлять услуги по хранению продукции в условиях, когда организация современных высокотехнологичных складских хозяйств не всегда доступна мелким и средним производителям.

И еще одно направление деятельности логистического центра — транспортные услуги: транспортировка и распределение готовой продукции также достаточно проблематичны для небольших хозяйств. Основные субъекты, чьи интересы будут представлены в логистическом центре: производители разных форм собственности

и организационных форм, оптовые и розничные торговые организации, предприятия сферы общественного питания, предприятия, занимающиеся переработкой сельскохозяйственной продукции, потребители.

На рис. 2 показаны три модели отношений между ключевыми субъектами в аграрной отрасли. Первая модель — прямые отношения между производителем и потребителем — встречается относительно нечасто, это торговля сельхозпродукцией на рынках или ярмарках, в этом случае существенно может снижаться цена на продовольственную продукцию для населения.

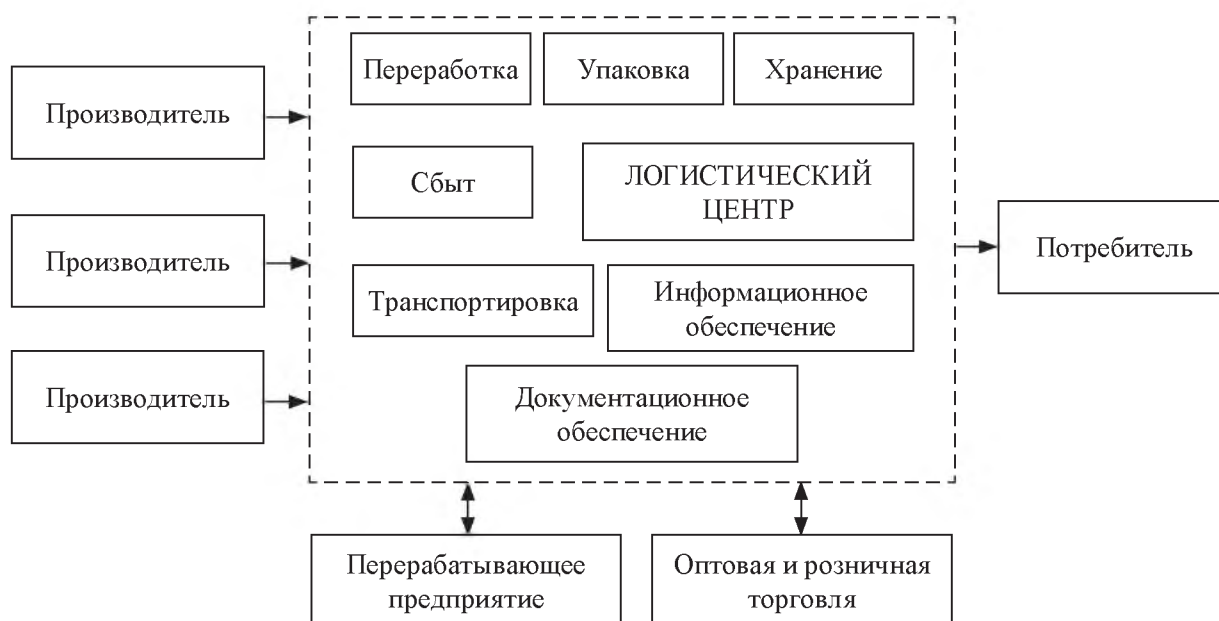
Что касается небольших производителей, у них не всегда есть ресурсы для участия в подобных отношениях (временные прежде всего), а ярмарочная торговля, как правило, носит эпизодический, сезонный характер. Второй формат отношений, наиболее распространенная модель на сегодняшний день, характеризуется наличием многих звеньев, и в каждом увеличивается цена конечного продукта. Отсюда, на наш взгляд, происходит опережающий рост цен на продовольствие. Наконец, третья модель связана с внедрением логистического центра и направлена на удовлетворение интересов всех участников процесса

А) Прямое взаимодействие производителя и потребителя

Б) «Стандартная» контрактная аграрная цепочка

В) Модель отношений в аграрной отрасли с использованием логистического центра

Рис. 2. Модели отношений между субъектами в аграрной отрасли

производства и реализации сельскохозяйственной продукции. Финансирование организации подобных логистических центров должно базироваться на принципе субсидиарности: привлечение средств как федерального и регионального бюджетов, так и пользователей услуг (для них возможно введение абонентской платы за услуги логистического центра).

Таким образом, развитие логистических центров может стать существенной частью аграрной политики, а также фактором развития аграрной отрасли и решения проблемы обеспечения продовольственной безопасности.

Развитие координационных механизмов как часть системной аграрной политики позволит создать более совершенную систему контрактных отношений в аграрной отрасли, повысить уровень их эффективности и прозрачности, снизить трансакционные издержки субъектов аграрных отношений. Это в конечном итоге повлияет на доступность продовольствия для конечного потребителя и уровень продовольственной безопасности региона.

Третье важное направление совершенствования аграрной политики, на наш взгляд, должно быть направлено на борьбу со злоупотреблениями при формировании ценовых стратегий участников аграрного рынка. Рассмотрим его более подробно.

Снижение поведенческого оппортунизма в аграрной отрасли за счет регулятивных ценовых ограничений

Это, по нашему мнению, весьма важное направление совершенствования государственной аграрной политики. Под поведенческим оппортунизмом агента контрактной сельскохозяйственной цепи в данной работе понимаем злоупотребление соответствующим агентом своим рыночным положением (монопольным или доминирующим), что выражается в избыточном росте цены реализуемого продукта. Результатом оппортунизма агентов контрактной цепи становится избыточный рост цены реализуемой продукции для конечного потребителя за счет присвоения субъектом, проявляющим оппортунизм, трансакционной ренты. Под трансакционной рентой предлагаем понимать полученный в результате несовершенства рыночного механизма доход, перераспределенный в пользу одного из контрагентов в процессе трансакции, в то время как есть все основания полагать, что этот доход должен

принадлежать второму контрагенту при условии совершенства рынка.

Оценку эффективности контрактных отношений в аграрной цепи необходимо проводить для каждого звена в отдельности, так как поведенческий оппортунизм может проявляться на каждом уровне отношений. Для суммарной оценки эффективности контрактных отношений следует просто складывать найденные значения. Анализ каждого звена в отдельности позволит сделать вывод, для какого этапа аграрной цепи характерен самый высокий уровень оппортунизма и трансакционных издержек, а следовательно, самая низкая эффективность контракта.

Достаточным уровнем торговой надбавки можно считать 5 %. По словам российского президента В. В. Путина, 5%-я торговая рентабельность — это нормальный уровень¹. Что же происходит на практике? Приведем ряд примеров, рассмотрим предприятия Челябинской области, представленные в таблице.

Выборочный анализ показал, что нельзя сделать однозначный вывод относительно того, на каком этапе аграрной цепи просматривается самый высокий уровень оппортунизма. Интересен факт, что в ряде отраслей именно на уровне первого звена наблюдается крайне высокий уровень оппортунизма. К таким отраслям в Челябинской области можно отнести разведение крупного рогатого скота и овощеводство. Здесь уровень рентабельности продаж достигает 63 %. Однако если рассматривать иную отрасль — выращивание зерновых и зернобобовых культур, то здесь рентабельность находится в рамках нормы. Злоупотребления не наблюдаются.

Что касается второго звена аграрной цепи, ситуация также различна. Если речь идет о мелких производителях, то ввиду усиленной конкуренции им не удастся завесить цену реализации, так как выхода на большие рынки сбыта у них нет. Мелкие производители должны подстраиваться под условия, выдвигаемые торговыми предприятиями. Если же речь идет о крупных заводах, например в Челябинской области существует всего несколько таковых по производству хлеба, то здесь и наблюдается ситуация с куда большей рентабельностью, а следовательно, и с оппортунизмом.

Изначально, когда авторы данной статьи приступили к рассмотрению вопросов продовольственной безопасности региона, вся проблема

¹Прямая линия с В. В. Путиным от 14 апреля 2016 г.

Рентабельность продаж предприятий Челябинской области

Отрасль (вид деятельности)	№ в аграрной цепи	Рентабельность продаж, %		
		2012	2013	2014
Разведение крупного рогатого скота	1	18,8	16,8	21,1
Овощеводство	1	39,5	63,7	43,1
Выращивание зерновых и зернобобовых культур	1	8,3	5,1	8,6
Производство хлеба и мучных кондитерских изделий недлительного хранения	2	24,8—29,1	22,3—28,1	12,7—35,0
Производство муки из зерновых и растительных культур и готовых мучных смесей и теста для выпечки	2	11,4	9,6	8,3
Производство шоколада и сахаристых кондитерских изделий	2	14,9	13,5	11,2
Оптовая торговля сахаром и сахаристыми кондитерскими изделиями, включая шоколад	3	2,3—8,4	2,8—8,5	5,6—8,9
Оптовая торговля прочими пищевыми продуктами	3	1,6	0,1	0,2
Неспециализированная оптовая торговля замороженными пищевыми продуктами	3	0,0	12,3	17,8
Розничная торговля продуктами из мяса и мяса птицы	4	4,5	3,8	4,2
Крупные торговые сети	4	14,1—17,1	15,2—17,9	14,3—18,8

Источник: рассчитано авторами по данным финансовой отчетности предприятий.

казалась вполне прозрачной: как правило, именно оптовые и розничные предприятия в наибольшей степени диктуют свои условия, закупают продукты у фермеров и производителей по низким ценам и продают по крайне завышенным ценам. На практике же оказалось все куда сложнее. Опять же, если речь идет о малом или среднем бизнесе, рентабельность продаж здесь совершенно невысока. Из таблицы видно, что оптовая торговля не приносит валовой прибыли более чем на 8—9 % от выручки. И даже розничная торговля не является крайне прибыльной. Совсем другая ситуация с крупными торговыми сетями — здесь рентабельность продаж достигает 20 %, а это уже превышает нормальный уровень.

Крупным предприятиям выживать всегда легче, тем не менее с рынка не должны уходить и мелкие производители. Зачастую именно такие фермеры реализуют более качественный и экологически безопасный продукт. Именно этот факт указывает на негативную сторону конкуренции. С одной стороны, наличие конкуренции не позволяет завышать цену продукта, но с другой, — если эта конкуренция является разнородной (то есть на рынке представлены и мелкие, и крупные предприятия), то она выдавливает с рынка мелких производителей, что создает условия прояв-

ления крупными торговыми сетями оппортунистического поведения.

Для решения проблемы избыточных торговых надбавок как следствия высокого уровня поведенческого оппортунизма, по мнению авторов, необходимо на законодательном уровне внедрить регулятивные механизмы, направленные на ограничение торговых надбавок на наиболее значимые продовольственные товары.

Таким образом, на данном этапе исследования проблемы продовольственной безопасности региона авторы выделили ключевые направления совершенствования аграрной политики. Реализация предложенных направлений позволит повысить качество институциональной среды аграрного рынка и увеличить эффективность контрактных отношений в исследуемой отрасли. В первую очередь это создание системной научно обоснованной и институционально обеспеченной стратегии развития аграрной отрасли. Во-вторых, это мероприятия, направленные на содействие развитию механизмов координации в АПК, в том числе кооперации и логистических центров и платформ. Третьим предложенным направлением является регулирование торговых надбавок в аграрной контрактной цепочке с целью снижения поведенческого оппортунизма ее участников.

Список литературы

1. Benz, D. Imperfection of the Contractual Relations in the Regional Agrarian Sector / D. Benz, E. Silova // *Mediterranean J. of Social Sciences*. — Rome : MCSER Publ., 2015. — № 5. — P. 615—624.
2. Аграрной политике необходимы коррективы // *Экономика сел. х-ва России*. — 2013. — № 5. — С. 64—75.
3. Бенц, Д. С. Продовольственная безопасность Челябинской области: финансовый аспект / Д. С. Бенц, Е. С. Силова // *Вестн. Челяб. гос. ун-та*. — 2015. — № 8 (363). *Экономика*. Вып. 48. — С. 143—153.
4. Бенц, Д. С. Аграрная политика: зарубежный опыт и эффективность контрактных отношений / Д. С. Бенц, Е. С. Силова // *Научные труды Академии управления при Президенте Республики Беларусь. Экономика. Право. Идеология*. — Минск : Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь, 2015. — Вып. 17. — С. 21—34.
5. Бенц, Д. С. Особенности развития агрохолдингов в Челябинской области / Д. С. Бенц, Е. С. Силова // *Вестн. Челяб. гос. ун-та*. — 2015. — № 12 (367). *Экономика*. Вып. 50. — С. 54—61.
6. Буздалов, И. Современное положение в российском сельском хозяйстве и новые требования к аграрной политике / И. Буздалов, Б. Фрумкин // *Общество и экономика*. — 2014. — № 7—8. — С. 100—124.
7. Варова, А. В. К вопросу о создании логистических центров в АПК / А. В. Варова // *Тренды развития современного общества: управленческие, правовые, экономические и социальные аспекты* : сб. науч. ст. 5-й Междунар. науч.-практ. конф. (17—18 сент. 2015 г.). — Курск : Университет. кн., 2015. — С. 34—37.
8. Госпрограмма поддержки кооперации: лимиты невелики, а критерии завышены [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.akkor.ru/statya/1726-gosprogramma-podderzhki-kooperacii-limity-neveliki-kriterii-zavysheny.html> (дата обращения: 30.05.2016).
9. Государственная программа развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013—2020 гг. [Электронный ресурс]. — URL: <http://mcs.ru/navigation/docfeeder/show/342.htm> (дата обращения: 25.04.2016).
10. Егоров, В. Г. Мировой опыт развития кооперации в сельском хозяйстве / В. Г. Егоров // *Лес. вестн.* — 2012. — № 3. — С. 184—190.
11. Концепция долгосрочного социально-экономического развития РФ на период до 2020 г. [Электронный ресурс] : утв. распоряжением Правительства РФ от 17 нояб. 2008 г. № 1662-р // *Справочная правовая система «КонсультантПлюс»*. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82134/28c7f9e359e8af09d7244d8033c66928fa27e527/ (дата обращения: 01.06.2016).
12. Магомедов, А. М. Пути развития распределительной логистики региона [Электронный ресурс] / А. М. Магомедов, А. Г. Бучаев. — URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/puti-razvitiya-raspredelitelnoy-logistiki-ark-regiona.pdf> (дата обращения: 02.06.2016).
13. Нестеренко, М. А. Организационно-экономические аспекты логистического механизма в животноводстве / М. А. Нестеренко // *Использование и эффективность современных селекционно-генетических методов в животноводстве: материалы междунар. науч.-практ. конф.* — Ростов, 2015. — С. 119—125.
14. Обьедкова, Л. В. Формы государственной поддержки потребительской кооперации в России / Л. В. Обьедкова // *Вестн. ВолГУ. Сер. 3. Экономика. Экология* — 2007. — Вып. 11. — С. 122—128.
15. Пархоменко, С. Дедушки русского импортозамещения / С. Пархоменко // *Дилетант*. — 2015, дек. — 2016, янв. — № 001. — С. 74—75.
16. Петрова, И. В. Совершенствование торговой инфраструктуры как элемента бизнес-системы АПК / И. В. Петрова // *Стратегия социально-экономического развития общества: управленческие, правовые, хозяйственные аспекты* : сб. науч. ст. 5-й Междунар. науч.-практ. конф. (25—26 нояб. 2015 г.). — Курск : Университет. кн., 2015. — С. 239—242.
17. О развитии сельского хозяйства : федер. закон от 29 дек. 2006 г. № 264-ФЗ (ред. от 12.02.2015 г.) [Электронный ресурс] : с изм. и доп., вступ. в силу с 13 авг. 2015 г. // *Справочная правовая система «КонсультантПлюс»*. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64930/ (дата обращения: 01.06.2016).
18. Харитонов, Н. С. Сельской кооперации нужны системный подход и поддержка государства / Н. С. Харитонов // *Никонов. чтения*. — 2007. — № 12. — С. 262—265.

Сведения об авторах

Силова Елена Сергеевна — кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики отраслей и рынков Института экономики отраслей, бизнеса и администрирования Челябинского государственного университета. Челябинск, Россия. metod@csu.ru

Бенц Дарья Сергеевна — кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики отраслей и рынков Института экономики отраслей, бизнеса и администрирования Челябинского государственного университета. Челябинск, Россия. benz@csu.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2016. No. 6 (388). *Economic Sciences. Iss. 53. Pp. 86—96.*

MAIN DIRECTIONS OF IMPROVEMENT OF THE STATE AGRARIAN POLICY

E.S. Silova

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. metod@csu.ru

D.S. Benz

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. benz@csu.ru

Article is devoted to the analysis of the state agrarian policy's improvement directions. The subject of research is actual as the problem of ensuring food security is particularly important in recent years for many countries of the world including Russia. Our country has huge potential in the sphere of agrarian production, however there are certain difficulties with its realization. The system agrarian policy will allow to solve them. In the presented work three main directions of improvement of the state agrarian policy are considered. The first direction is connected with improvement of institutional providing an agrarian policy. The second is a development of coordination mechanisms in the agrarian market. The third direction is connected with decrease of behavioural opportunism level in agrarian branch.

Keywords: *agrarian policy, cooperation, logistic centre, contract relations, behavioural opportunism, trade extra charge.*

References

1. Benz, D. Imperfection of the Contractual Relations in the Regional Agrarian Sector. *Mediterranean Journal of Social Sciences*. Rome, MCSER Publ., 2015, no. 5, pp. 615—624.
2. Agrarnoy politike neobkhodimy korrektyvy [Agrarian policy needs corrections]. *Ekonomika sel'skogo khozyaystva Rossii* [Agricultural economics of Russia], 2013, no. 5, pp. 64—75. (In Russ.).
3. Benz D.S., Silova Ye.S. Prodoval'stvennaya bezopasnost' Chelyabinskoy oblasti: finansovyy aspekt [Food security of Chelyabinsk region: financial aspect]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. [Bulletin of Chelyabinsk State University], 2015, no. 8 (363), pp. 143—153. (In Russ.).
4. Benz D.S., Silova Ye.S. Agrarnaya politika: zarubezhnyy opyt i effektivnost' kontraktnykh otnosheniy [Agrarian policy: foreign experience and efficiency of contract relations]. *Nauchnye trudy Akademii upravleniya pri Prezidente Respubliki Belarus' Ekonomika. Pravo. Ideologiya* [Scientific papers of Academy of management under the President of Belarus Republic. Economy. Law. Ideology], 2015, no. 17, pp. 21 — 34. (In Russ.).
5. Benz D.S., Silova Ye.S. Osobennosti razvitiya agrokholdingov v Chelyabinskoy oblasti [The peculiarities of agrohholdings' development in Chelyabinsk region]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University], 2015, no. 12 (367), pp. 54—61. (In Russ.).
6. Buzdalov I., Frumkin B. Sovremennoye polozheniye v rossiyskom sel'skom khozyaystve i novye trebovaniya k agrarnoy politike [Modern state of Russian agriculture and new agrarian policy's requirements]. *Obshchestvo i ekonomika* [Society and economy], 2014, no. 7—8, pp. 100—124. (In Russ.).
7. Varava A.V. K voprosu o sozdaniy logisticheskikh tsentrov v APK [To question of creation of logistic centres in agrarian branch]. *Trendy razvitiya sovremennogo obshchestva: upravlencheskiye, pravovyye,*

ekonomicheskkiye i sotsial'nyye aspekty: sbornik nauchnykh statey 5-y Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii [Trends of development of modern society: management law, economic and social aspects: collection of scientific papers of 5th International scientific-practical conference]. Kursk, 2015. Pp. 34—37. (In Russ.).

8. *Gosprogramma podderzhki kooperatsii: limity neveliki, a kriterii zavyshey* [State program of cooperation support: limits are low, criteria is high]. Available at: <http://www.akkor.ru/statya/1726-gosprogramma-podderzhki-kooperatsii-limity-neveliki-kriterii-zavyshey.html>, accessed 30.05.2016. (In Russ.).

9. *Gosudarstvennaya programma razvitiya sel'skogo khozyaystva i regulirovaniya rynkov sel'skokhozyaystvennoy produktsii, syr'ya i prodovol'stviya na 2013—2020 gg.* [State program of agriculture development and agromarket regulation for 2013—2022 years]. Available at: <http://mcx.ru/navigation/docfeeder/show/342.htm>, accessed 25.04.2016. (In Russ.).

10. Yegorov V.G. Mirovoy opyt razvitiya kooperatsii v sel'skom khozyaystve [World experience of cooperation development in agriculture]. *Lesnoy Vestnik* [Forest Bulletin], 2012, no. 3, pp. 184—190. (In Russ.).

11. Conception of long-term social and economic development in Russia till 2020. *Spravochnaya pravovaya sistema "Konsul'tantPlyus"* [Legal reference system "ConsultantPlus"]. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82134/28c7f9e359e8af09d7244d8033c66928fa27e527/, accessed 01.06.2016. (In Russ.).

12. Magomedov A.M., Buchayev A.G. *Puti razvitiya raspredelitel'noy logistiki regiona* [The ways of regional distributive logistics' development]. Available at: <http://cyberleninka.ru/article/n/puti-razvitiya-raspredelitel'noy-logistiki-apk-regiona.pdf>, accessed 02.06.2016. (In Russ.).

13. Nesterenko M.A. Organizatsionno-ekonomicheskkiye aspekty logisticheskogo mekhanizma v zhivotnovodstve [Organizational and economic aspects of logistic mechanism in livestock]. *Ispol'zovaniye i effektivnost' sovremennykh selektsionno-geneticheskikh metodov v zhivotnovodstve: materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Using and efficiency of modern selection and genetic methods in livestock: materials of international scientific and practical conference]. Rostov, 2015. Pp. 119—125. (In Russ.).

14. Ob'yedkova L.V. Formy gosudarstvennoy podderzhki potrebitel'skoy kooperatsii v Rossii [Forms of state support of consumer cooperation in Russia]. *Vestnik VolGU. Seriya 3* [Bulletin of Volgograd State University], 2007, no. 11, pp. 122—128. (In Russ.).

15. Parkhomenko S. Dedushki russkogo importozameshcheniya [Grandfathers of Russian import substitution]. *Diletant* [Amateur], 12.2015—01.2016, no. 001, pp. 74—75. (In Russ.).

16. Petrova I.V. Sovershenstvovaniye torgovoy infrastruktury kak elementa biznes-sistemy APK [Improvement of trade infrastructure as an element of agrarian sector's business system]. *Strategiya sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya obshchestva: upravlencheskiye, pravovyye, khozyaystvennyye aspekty* [Strategy of social and economic development of society: management, law and economic aspects]. Kursk, 2015. Pp. 239—242. (In Russ.).

17. Federal law "About agriculture's development". *Spravochnaya pravovaya sistema "Konsul'tantPlyus"* [Legal reference system "ConsultantPlus"]. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64930/, accessed 01.06.2016. (In Russ.).

18. Kharitonov N.S. Sel'skoy kooperatsii nuzhny sistemnyy podkhod i podderzhka gosudarstva [Country cooperation needs system state support]. *Nikonovskiye chteniya* [Nikonov Conference], 2007, no. 12, pp. 262—265.

УДК 338.1
ББК У9(2Рос)-551

ОСОБЕННОСТИ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

О. Б. Потеряева, Н. В. Третьяк

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия

Рассматриваются вопросы развития информационного общества, высокотехнологической экономики, формирования инновационного человека и компетенций инновационной деятельности, поддержки системы высшего и дополнительного профессионального образования, создания инновационного государства и современной инфраструктуры, которые в масштабе страны имеют стратегическое значение. Сохранение независимости государства в условиях современных глобальных вызовов напрямую связано с их успешным решением. Отмечается возрастающая роль в экономике страны развития новых технологий, значительную часть которых составляет сфера информационно-телекоммуникационных технологий. Новые и высокие технологии, инновации, знания рассматриваются в России как один из важнейших источников экономического роста.

Ключевые слова: информация, информационная революция, инновации, национальная инновационная система, инновационный бизнес, венчурное инвестирование.

В социологии и философии общество в широком смысле рассматривается как сложная система организованной человеческой жизнедеятельности, проявляющейся во взаимодействии и развитии различных социальных организаций, институтов, групп, а также социальных явлений и противоречий. Общество, являясь сложной системой, состоит из подсистем или сфер общественной жизни. Как правило, рассматривают политическую, экономическую, социальную и духовную сферы общественной жизни. Все сферы жизни связаны и взаимодействуют между собой: экономические отношения в стране определяют политическую и правовую систему, которая, в свою очередь, во многом зависит от духовной культуры народа и национальных традиций, социальное развитие тесно связано с экономикой. Сложная организация общества, динамизм и его изменчивость, восходящее развитие всех сфер на определенном историческом этапе открывают новые возможности перед человеком, дают толчок развитию новых областей знания и, соответственно, технологий. В итоге общество переходит на новый, более высокий уровень развития. Настоящее время отмечено возрастающей ролью развития наукоемких и высокотехнологических отраслей, значительную часть которых составляет сфера информационно-телекоммуникационных технологий. Информационная сфера влияет на все стороны жизни общества. «Наиболее масштабно влияние информационных технологий на современный мир проявляется в экономи-

ческой сфере. Благодаря этим технологиям меняются условия и содержание трудовой деятельности миллионов людей, радикально ускоряется решение сложнейших производственных задач, значительно повышается эффективность управления. Возникают новые профессии и рабочие места, формируются не существовавшие доселе отрасли производства, меняется функционирование традиционных отраслей» [1].

Широкое применение компьютеров и сети Интернет ведет к реорганизации сферы управления, деловой сферы и производства, способствуя развитию новых методов управления и повышая их эффективность.

Направление, связанное с разработкой и внедрением информационных технологий во все сферы жизни общества, является одним из приоритетных в проводимой нашим государством политике, реализуется ряд правительственных программ, нацеленных на стратегическое, экономическое и научно-техническое развитие в XXI в. Новые и высокие технологии, инновации, знания рассматриваются в России как один из важнейших источников экономического роста.

Сфера инновационных, наукоемких и высокотехнологических разработок, в том числе информационно-коммуникационных технологий, тесно связана с понятием информационной революции. На эту связь между технологическими и информационными революциями в истории развития цивилизации обратил внимание А. И. Ракитов. Смена научных парадигм происходит благодаря

научным революциям. Революционными бывают переходы от одних технических систем, основанных, например, на применении живой силы, к паровым машинам («революция пара») или от паровых машин к двигателям, использующим электрическую энергию («революция электричества»). Информационная революция вырастает из технологических инноваций, но не сводится к ним. Сущность же информационной революции заключается в радикальном изменении инструментальной основы, средств и способов обработки, передачи и хранения информации, а также объема информации, доступной активной части населения. Информационная революция опосредствованно оказывает возрастающее влияние на ход исторических событий, постепенно меняя систему ценностей, мировоззрение и представления людей [2. С. 12—14].

В настоящее время существуют альтернативные мнения об этапах и числе информационных революций. Рассмотрим в данной статье пять основных информационных революций, которые за всю историю развития человеческого общества привели к кардинальным и качественным изменениям в общественных отношениях, а также в сфере экономики.

Первая информационная революция связана с изобретением письменности. Появление и развитие письменности (II тыс. до н. э.; предметное, рисуночное пиктографическое, идеографическое и фонетическое буквенное письмо, в котором знаки обозначают предметы, слоги и звуки) позволило закреплять, хранить и передавать речевую информацию с помощью начертательных знаков. В отличие от непосредственного речевого общения письменность дала возможность преодолевать пространственные и временные границы общения людей, процесс общения приобрел историческое и географическое измерения. Благодаря возможности хранения, накопления и передачи знаний письменность оказалась важнейшим стимулом ускорения развития духовной культуры, явилась важнейшей предпосылкой становления науки [3. С. 70—71].

Вторая информационная революция обусловлена изобретением книгопечатания. Книгопечатание было изобретено дважды: в 900-х гг. н. э. в Поднебесной (Китае) и потом в XV в. в Западной Европе Иоганном Гутенбергом. Книгопечатание на Руси берет свое начало в XVI столетии. В 1563 г. начала деятельность первая государственная типография, в которой работа-

ли Иван Федоров и Петр Тимофеев Мстиславец. Именно там была выпущена первая датированная книга — «Апостол» [4]. Изобретение книгопечатания позволило тиражировать и распространять информацию, обеспечило доступность информации и знаний для больших масс населения.

Третья информационная революция вызвана изобретением электричества: в конце 1831 г. английский ученый Майкл Фарадей сообщил об открытии им явления электромагнитной индукции, которое составляет основу всей современной электроэнергетики. Благодаря возможности использовать электричество в повседневной жизни были изобретены телеграф (в 1852 г. построена линия электрического телеграфа между Петербургом и Москвой), телефон (31 декабря 1898 г. начала работу телефонная линия между Петербургом и Москвой) и радио (в России изобретателем радио считается А. С. Попов, создавший в 1895 г. чувствительный и надежно работавший радиоприемник, пригодный для радиосвязи). Итогом этих изобретений явилось повышение степени распространяемости информации: возросла роль средств массовой информации как механизмов передачи на значительные расстояния сообщений и знаний, ставших более доступными. Значительно возросла роль информации как средства воздействия на развитие общества и государства, расширились возможности общения людей.

Четвертая информационная революция началась в середине XX в. и связана с изобретением вычислительной техники и персонального компьютера, созданием сетей связи и телекоммуникаций. В соответствии с общепринятой оценкой развития вычислительной техники первым поколением считались ламповые компьютеры, вторым — транзисторные, третьим — компьютеры на интегральных схемах, а четвертым — компьютеры с использованием микропроцессоров. В результате стало возможным накапливать, хранить, обрабатывать и передавать информацию в электронной форме, увеличилась скорость передачи, поиска и получения информации.

Настоящее время отмечено высоким уровнем развития трансграничных глобальных информационно-телекоммуникационных сетей, охватывающих все страны и континенты и находящихся применение как в профессиональной, так и в бытовой сфере. Электронные коммуникации и информационные технологии, в том числе мобильные, внедряются во все структуры государства,

бизнеса и общества. «Для предприятий, различных организаций и учреждений обеспечение мобильности и дистанционной работы сотрудников, переход к системе электронного документооборота, доступ к своим внутренним информационным ресурсам, проведение удаленных совещаний стало возможно с использованием мобильных устройств и решений» [5].

В России мобильные технологии только начинают развиваться, что связано, в частности, с меньшим пока распространением мобильных устройств и отсутствием у большинства предприятий стратегии мобилизации.

Однако, по данным компании «Первый БИТ», в среднем руководители и владельцы бизнеса почти половину рабочего времени проводят вне рабочего места, но ежедневно проверяют информацию о платежах, объеме продаж, дебиторскую задолженность и мн. др. Смартфон, оснащенный соответствующими мобильными приложениями, становится необходимым инструментом контроля бизнеса [6].

Аналитическое агентство Gartner опубликовало информацию о формировании мобильной экосистемы, объединяющей социальные медиа, облачные вычисления и мобильные технологии. И указанная мобильная экосистема актуальна в рамках всеобщей консьюмеризации — внедрения пользовательских устройств в корпоративную информационную систему, допуска сотрудников к внутренней сети и в Интернет с их личных мобильных устройств. Широкое распространение мобильных гаджетов и социальных медиа позволяет ускорить и упростить процесс общения или обмена информацией. Связующим звеном данной мобильной экосистемы является информация, хранящаяся в облачных ресурсах и доступная с любых устройств. Компании, которые смогут сориентироваться и воспользоваться имеющейся информацией, получат значительные преимущества над конкурентами [7].

Интернет как часть глобальных электронных коммуникаций и мобильные технологии — наглядный пример развития информационно-телекоммуникационных технологий (ИКТ) и результат пятой информационной революции.

Информация в современном мире является системообразующим фактором жизни общества, активно влияет на состояние политической, экономической, социальной сферы, сферы национальной безопасности. Информационное преимущество, определяемое информационными ресур-

сами, превращается в важную социальную силу, способствующую перераспределению экономических, социальных и политических ресурсов. Для устойчивого развития общества необходимо осуществление целенаправленной политики государства в области развития инноваций, информационного общества и обеспечения информационной безопасности [8].

Правительство Российской Федерации приняло ряд важных мер в области инновационного развития страны, реализации курса на модернизацию экономики, развития новых отраслей, обеспечения национальной технологической безопасности, повышения качества жизни.

7 февраля 2008 г. была принята утвержденная президентом РФ (№ Пр-212) Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на период до 2015 г. Также разработаны: Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 г., утвержденная Распоряжением Правительства РФ от 8 декабря 2011 г. (№ 2227-р), и Стратегия развития отрасли информационных технологий в Российской Федерации на 2014—2020 гг. и на перспективу до 2025 г., утвержденная Распоряжением Правительства РФ от 1 ноября 2013 г. (№ 2036-р). С целью комплексного и эффективного развития информационных технологий Постановлением Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. № 313 утверждена государственная программа «Информационное общество (2011—2020 годы)», включающая два этапа: 2011—2014 и 2015—2020 гг.

Цели и задачи государственной программы заключаются в получении гражданами и организациями преимуществ от применения информационных и телекоммуникационных технологий и создание условий для оперативного и эффективного взаимодействия государства с гражданами и бизнесом с их использованием. Одними из показателей успешной реализации Программы станут: рост индекса Российской Федерации в международном рейтинге стран по уровню развития информационных и телекоммуникационных технологий, увеличение количества граждан, использующих госуслуги в электронной форме, и удельный вес домохозяйств, имеющих доступ к информационно-телекоммуникационной сети Интернет с домашнего компьютера, в общем числе домохозяйств.

Госпрограмма включает четыре подпрограммы: «Информационно-телекоммуникационная

инфраструктура информационного общества и услуги, оказываемые на ее основе», «Информационная среда», «Безопасность в информационном обществе», «Информационное государство» — и федеральную целевую программу «Развитие телерадиовещания в Российской Федерации на 2009 — 2015 годы».

Ожидаемые результаты реализации программы касаются:

- создания на всей территории Российской Федерации современной информационной и телекоммуникационной инфраструктуры;

- достижения опережающего роста российского рынка информационных и телекоммуникационных технологий по отношению к общемировому уровню;

- обеспечения высокого качества предоставления государственных услуг в электронном виде;

- осуществления большинства юридически значимых действий в электронном виде;

- обеспечения прав и основных свобод человека, в том числе права каждого человека на информацию;

- развития сервисов на основе информационных и телекоммуникационных технологий в сферах культуры, образования и здравоохранения;

- предоставления возможности осуществления трудовой деятельности дистанционно и содействия самозанятости;

- достижения технологической независимости Российской Федерации в отрасли информационных и телекоммуникационных технологий;

- достижения такого уровня развития технологий защиты информации, который обеспечивает неприкосновенность частной жизни, личной и семейной тайны, безопасность информации ограниченного доступа;

- высокой степени интеграции Российской Федерации в мировое информационное общество [9].

Оценка эффективности реализации первого этапа госпрограммы дана в Уточненном сводном годовом докладе о ходе реализации и оценке эффективности государственных программ РФ по итогам 2014 г., размещенном на Портале госпрограмм [10].

По результатам реализации первого этапа госпрограммы РФ «Информационное общество (2011—2020 годы)» — 2011—2014 гг. — степень достижения целевых показателей составила 84,8 %, эффективность реализации — 87,9 % [Там же].

По итогам 2014 г. доля граждан, пользующихся госуслугами в электронной форме, составила 35,3 %, что на 4,5 % выше, чем в 2013 г. Функционально усовершенствован Единый портал государственных и муниципальных услуг: за 2014 г. добавлены 144 новые услуги (функции), среди которых — прием налоговой декларации, запись к врачу, запись в детские сады и др. В 2014 г. доля домохозяйств, имеющих широкополосный доступ к Интернету, составила 58,3 %.

В рамках госпрограммы успешно осуществлен запуск и ввод в эксплуатацию спутников «Экспресс-АМ5», «Экспресс-АТ1», «Экспресс-АТ2» и «Экспресс-АМ6», предназначенных для задач распределения теле- и радиовещания, обеспечения непосредственного телевидения, широкополосного доступа в Интернет, предоставления пакета мультисервисных услуг.

В 2014 г. в интернет-экономике создано свыше 100 тыс. новых рабочих мест. Объем интернет-рынков с электронными платежами превысил 1 трлн р., что составляет 1,5 % ВВП России за 2014 г. Объем интернет-зависимых отраслей составил 9,4 % ВВП России. В рамках госпрограммы РФ «Информационное общество (2011—2020 годы)» в российских регионах созданы 12 технопарков в сфере высоких технологий общей площадью более 450 тыс. кв. м, разместивших 18,5 тыс. рабочих мест в 775 компаниях-резидентах с совокупной годовой выручкой более 40 млрд р.

План реализации госпрограммы РФ «Информационное общество (2011—2020 годы)» на 2014—2016 гг. утвержден Распоряжением Правительства РФ от 31 июля 2014 г. № 1441-р [Там же].

Место Российской Федерации в международном рейтинге по индексу развития информационных технологий на 2014 г. — 45-е (плановое — 40-е) [11].

По инициативе ОАО «РВК» при содействии Министерства экономического развития РФ и других министерств, ведомств, институтов развития и представителей экспертного сообщества и бизнес-сообщества ежегодно выходит открытый экспертно-аналитический отчет «Россия: курс на инновации», освещающий ход реализации Стратегии инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 г.

Подготовка третьего выпуска проводилась с апреля по июнь 2015 г. В ходе исследования проведено более 90 экспертных интервью, а также социологический опрос более 170 респондентов [12].

Курс развития на инновации включает ряд направлений. Одно из них — формирование инновационного человека и компетенций инновационной деятельности. Развитие этого направления связано с совершенствованием системы высшего и дополнительного профессионального образования, введением образовательных программ, ориентированных на развитие предпринимательских и практических навыков у студентов, а также навыков по продвижению научных разработок и венчурному инвестированию у специалистов, с адресной поддержкой талантливой молодежи и молодых ученых.

С 2013 г. в пяти технических вузах: НИТУ МИСиС, МГТУ им. Баумана, Самарском государственном аэрокосмическом университете, Рязанском радиотехническом университете и НИУ ИТМО — для учащихся введен курс «Инновационная экономика», включающий теоретические и практические блоки по предпринимательству и инновациям. В МФТИ, РАНХиГС, РУДН, МГУ им. Ломоносова и других предлагается обучение по программам «Инновационный менеджмент» и «Менеджмент в сфере высоких технологий».

Также реализуются образовательные программы для специалистов по продвижению научных разработок и венчурному инвестированию. В 32 городах России прошли «Региональные сессии практического консалтинга», в рамках которых более 1800 чел. получили соответствующие консультации.

Работают зимняя и летняя школы Академпарка в Новосибирске, стартап-школы SUMIT в Санкт-Петербурге, TAIGA в Иркутске и StartupSamara в Самаре. Оказана поддержка 32 школам для стартапов.

С задачей создания к 2016 г. центров трансфера технологий (ЦТТ) более чем в 10 вузах в сентябре 2014 г. стартовал совместный с ОАО «Технопарк Санкт-Петербурга» проект по развитию инновационных экосистем вузов и региональных научных центров с продвижением бизнес-модели ЦТТ и маркетинга инноваций.

Совместно с ОАО «РВК» внедрены несколько программ, позволивших 60 представителям региональных органов власти, российских технологических компаний, вузов, институтов развития и прочих организаций изучить опыт создания и развития инновационных кластеров и экосистем во Франции, Бразилии и Южной Корее.

Важным шагом в развитии системы высшего образования стало создание базовых кафедр. Один из примеров — базовая кафедра РВК в МФТИ «Управление технологическими проектами», где готовят специалистов в области управления. Ряд преподавателей кафедры являются директорами крупных компаний и профессионалами, работающими на рынке технологического предпринимательства и венчурного инвестирования. В 2014 г. 11 выпускников-магистров были трудоустроены в российских технологических компаниях и венчурных фондах [12].

По мере интенсивного развития Интернета растет потребность и в системах электронного обучения (e-Learning) для академического обучения и корпоративных тренингов как во всем мире, так и в России. Одной из первых на этом рынке заявила о себе группа компаний «Компетентум». Среди заказчиков решений e-Learning — более 200 компаний и организаций по всему миру, в том числе Министерство образования и науки РФ, ведущие мировые провайдеры продуктов и услуг электронного обучения, крупнейшие российские компании, такие как «Северсталь», «ВымпелКом», «Росгосстрах» и др. За 22 года работы «Компетентум» реализовал более 300 проектов, создал более 1,5 млн различных образовательных продуктов и программ. Кроме того, компания занимается оцифровкой учебных материалов и разработкой обучающих программ для разных цифровых носителей (ПК, электронных книг, смартфонов, планшетов) [Там же].

Другим направлением развития инноваций можно назвать инновационный бизнес, развивающийся по пути совершенствования механизмов реализации программ инновационного развития (ПИР) крупных компаний с государственным участием и государственных корпораций, развития приоритетных технологических платформ, формирования механизмов участия бизнеса (высокотехнологического) в инновационной политике на принципах государственно-частного партнерства и др.

Удельный вес инновационных товаров, работ, услуг в общем объеме в 2013 г. составил 9,2 % (в 2009 г. — 4,5 %). Согласно целевым индикаторам Стратегии инновационного развития РФ на период до 2020 г., доля инновационной продукции должна увеличиться до 15 % к 2020 г., доля на международных рынках в области ядерных технологий, авиа- и судостроения, программного обеспечения должна достичь 10 %. На 2015 г.

60 государственных корпораций и компаний с государственным участием, реализующих программы ПИР, обеспечивают около 20 % российского внутреннего валового продукта (ВВП). Также уровень отчислений на НИОКР (научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы) в этих компаниях увеличился более чем в два раза и сопоставим с уровнем зарубежных корпораций. Фонд поддержки НИОКР «Энергия без границ», созданный компанией ИНТЕР РАО, определяет направления развития энергетики и финансирует перспективные поисковые и прикладные исследования, научно-исследовательские и другие работы, цель которых связана с решением задач по инновационному развитию электроэнергетики.

С 2015 г., в соответствии с перечнем поручений Председателя Правительства РФ по итогам встречи с членами Экспертного совета при Правительстве РФ, российским компаниям требуется осуществить актуализацию программ ПИР с учетом обеспечения импортозамещения и внедрения российских технологий. Наибольшую активность в формировании среды для инвестирования в инновационные разработки проявляют «РВК», «Сколково», «РОСНАНО». Фонд развития интернет-инициатив (ФРИИ) начиная с 2013 г. оказывает поддержку технологическим компаниям на ранних этапах развития. ФРИИ планирует создать не менее 400 стартапов, в числе приоритетов — образовательные, законодательные и инфраструктурные проекты. На сегодняшний день более 90 % инновационных разработок приходится пока на информационные технологии [12].

ОАО «РВК» — государственный фонд и институт развития РФ, один из ключевых инструментов государства в деле построения национальной инновационной системы. ОАО «РВК» создано по Распоряжению Правительства РФ от 7 июня 2006 г. № 838-р.

Одним из первых (1992 г.) термин «инновационная система» употребил датский экономист Б. Лундвалл. По его оценке, инновационная система включает некие элементы и связи между ними, которые взаимодействуют при производстве, распространении и использовании экономически полезных и востребованных знаний с учетом национального аспекта [13].

В 1995 г. С. Меткалф предложил еще одно определение национальной инновационной системы (НИС), где она рассматривается как совокупность

различных институтов, которые по отдельности и во взаимодействии вносят вклад в развитие и передачу новых технологий и обеспечивают рамки для формирования государственной политики, оказывающей влияние на инновационные процессы экономического развития страны [Там же].

Данная концепция формирует базу нового подхода к развитию экономики на основе национальных инноваций. НИС возникает при объединении усилий государства, представителей предпринимательской, научной и творческой среды. Государство определяет рамки и формирует мотивационную основу деятельности элементов системы (национальной, региональной либо связанной с областью какой-либо технологии или инфраструктуры), также может выступать катализатором процессов в инновационной системе как партнер, снижающий инновационные риски. Таким образом, формируются взаимоотношения науки, промышленности и общества. Интеграция образования, науки и бизнеса способствует научно-техническому прогрессу, а устойчивые взаимосвязи малого, среднего и крупного бизнеса являются основой экономического развития страны и повышения конкурентоспособности ее экономики в целом и на региональных уровнях [Там же].

Широкое распространение в последнее время получило совместное употребление экономических категорий «инновация», «предпринимательство» и биологической категории «экосистема». Использование в экономической науке категорий смежных дисциплин способствует более полному объяснению происходящих явлений или процессов. «Предпринимательская экосистема» — это набор условий, обеспечивающих успешное создание и развитие фирм. Ключевой особенностью такого объединения является самоорганизация. Инновационная или предпринимательская экосистема может состоять из четырех основных компонентов: идеи, предпринимательского опыта, источника финансирования и сообщества, которое объединяет их в единое целое. Любое предпринимательство по своей сути является инновационным, поскольку ориентировано на постоянный поиск новых, более эффективных способов организации деятельности. Таким образом, инновационное содержание связано с поиском, активизацией, развитием и рациональным использованием ресурсов и заложено изначально в самой предпринимательской деятельности [14].

Реализация инновационных проектов тесно связана с рисками. Выбор решений в венчурном

(рисковом) предпринимательстве основывается как на традиционных бизнес-решениях, так и на интуиции, видении перспектив и прочих факторах. С венчурным предпринимательством связаны венчурные фонды и венчурные компании, осуществляющие поиск и отбор инновационных проектов, организующие привлечение инвестиций в инновационные высокотехнологичные проекты и управляющие венчурными проектами.

Деятельность ОАО «РВК» связана со стимулированием создания в России собственной индустрии венчурного инвестирования. Компания в роли государственного фонда венчурных фондов осуществляет государственное стимулирование и финансовую поддержку высокотехнологического сектора. С 2015 г. ОАО «РВК» задействовано в реализации Национальной технологической инициативы (НТИ).

Национальная технологическая инициатива — программа мер, нацеленная на формирование принципиально новых рынков и создание условий для глобального технологического лидерства России к 2035 г. НТИ как один из приоритетов государственной политики была обозначена президентом РФ В. В. Путиным в Послании к Федеральному собранию 4 декабря 2014 г. Движущей силой НТИ должно стать сообщество НТИ — объединение технологических предпринимателей, проектных и творческих команд, ведущих университетов и исследовательских центров, крупных деловых объединений России, институтов развития, экспертных и профессиональных сообществ, а также заинтересованных органов исполнительной власти. Принятие данных мер требуется для прогнозирования разви-

тия экономики, обеспечения национальной безопасности, высокого качества жизни людей, развития отраслей нового технологического уклада [15].

Все существующие деловые, политические, общественные институты, организации, компании нашей страны переживают сегодня необратимую трансформацию, связанную с распространением новейших технологий. Создание высокотехнологического бизнеса, формирование инновационного человека и компетенций инновационной деятельности, поддержка системы образования, коммерциализация результатов научной деятельности, создание инновационного государства и современной инфраструктуры, участие в мировой инновационной системе — все это стратегически важные задачи в масштабе страны, от решения которых зависит сохранение политической и экономической независимости государства. Развитие новых наукоемких и высокотехнологичных отраслей, значительную часть которых составляет сфера информационно-телекоммуникационных технологий, является важнейшим источником экономического роста страны на сегодняшний день. Инновационное развитие РФ стало необходимостью в обеспечении экономической безопасности. В последнее время наша страна столкнулась с новыми глобальными вызовами, в мире разворачивается конкуренция за образ будущего. Все это говорит об актуальности поставленных перед Россией задач и о том, что нельзя оставаться в стороне от происходящих в мире процессов. Страны, остающиеся в роли наблюдателей, смогут только выбирать из предложенного, а не формировать самостоятельно программы развития своей страны.

Список литературы

1. Вайнштейн, Г. От новых технологий к «новой экономике» / Г. Вайнштейн // *Мировая экономика и междунар. отношения*. — 2002. — № 10. — С. 22—29.
2. Ракитов, А. И. *Философия компьютерной революции* / А. И. Ракитов. — М. : Политиздат, 1991. — 287 с.
3. Найдыш, В. М. *Концепции современного естествознания : учебник*. / В. М. Найдыш. — 2-е изд., перераб. и доп. — М. : Альфа-М : Инфра-М, 2004. — 622 с.
4. *История книгопечатания [Электронный ресурс]*. — URL: http://library.timacad.ru/redkie_knigi/istoriya-knigopchataniya (дата обращения: 05.04.2016).
5. Куц, Д. В. Развитие технологий обеспечения безопасности мобильного доступа к Сети / Д. В. Куц, Н. В. Третьяк, Х. С. Саруханян // *Вестн. УрФО. Безопасность в информ. сфере*. — 2016. — № 1 (19). — С. 15—21.
6. «Первый БИТ» изучил, как в российских компаниях используют мобильные приложения [Электронный ресурс] // *Открытые системы*. — URL: <http://www.osp.ru/news/2016/0221/13031751/> (дата обращения: 17.03.2016).

7. Social Media, Mobile Technology, Cloud Converging: Gartner [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.eweek.com/c/a/Mobile-and-Wireless/Social-Media-Mobile-Technology-Cloud-Converging-Gartner-124988> (дата обращения: 17.03.2016).
8. Хапай, А. А. Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации: инновационные подходы реализации на современном этапе / А. А. Хапай // Теория и практика обществ. развития. — 2015. — № 17. — С. 83—87.
9. Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Информационное общество (2011—2020 годы)» [Электронный ресурс] : Постановление Правительства РФ от 15 апр. 2014 г. № 313 // Справочная правовая система «Консультант-Плюс». — URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=181433;fld=134;dst=1000000001,0;rnd=0.595427589651158> (дата обращения: 11.04.2016).
10. Уточненный сводный годовой доклад о ходе реализации и оценке эффективности государственных программ РФ по итогам 2014 года [Электронный ресурс] // Портал госпрограмм. — URL: <http://programs.gov.ru/Portal/analytics/quarterReportToGovernment> (дата обращения: 11.04.2016).
11. Сведения о достижении показателей госпрограммы [Электронный ресурс] // Портал госпрограмм. — URL: <http://programs.gov.ru/Portal/programs/reportIndicators/24> (дата обращения: 11.04.2016).
12. Россия: курс на инновации [Электронный ресурс] // Открытый экспертно-аналитический отчет. — URL: <http://www.rusventure.ru/ru/programm/analytics/> (дата обращения: 11.04.2016).
13. Голиченко, О. Г. Национальная инновационная система: от концепции к методологии исследования. [Электронный ресурс] / О. Г. Голиченко. — URL: <http://institutiones.com/innovations/2523-nacionalnaya-innovacionnaya-sistema.html> (дата обращения: 15.03.2016).
14. Мошкин, И. В. Предпринимательская экосистема инновационного университета [Электронный ресурс] / И. В. Мошкин. — URL: <http://www.management61.ru/index.php?do=static&page=moshkinstat4> (дата обращения: 15.03.2016).
15. Национальная технологическая инициатива [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.rusventure.ru/ru/nti/> (дата обращения: 15.03.2016).

Сведения об авторах

Ольга Борисовна Потеряева — кандидат философских наук, доцент кафедры управления общественными отношениями Института государственного управления и предпринимательства Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Россия, Екатеринбург.

Третьяк Наталия Вадимовна — магистрант кафедры управления общественными отношениями Института государственного управления и предпринимательства, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Россия, Екатеринбург. n.v.tretiak@urfu.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2016. No. 6 (388). Economic Sciences. Iss. 53. Pp. 97—105.

CHARACTERISTICS OF INNOVATIVE DEVELOPMENT OF THE RUSSIAN FEDERATION

O.B. Poteriaeva

Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Russia, Yekaterinburg

N.V. Tretyak

Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Russia, Yekaterinburg. n.v.tretiak@urfu.ru

The article concerns questions of the information-oriented society and hi-tech economics development, the formation of innovative human and competence of the innovating activities, supporting of higher and additional professional education, creation of innovative country with modern infrastructure, which has a big strategic importance. Saving the country's independence in today's world strongly depends on the correct solution of these tasks. Also, the article notes the increasing role of the new technologies development, a significant part of which in the national economic is the sphere of information and telecommunication technologies. New and high technology, innovation and knowledge are considered in Russia as one of the most important sources of economic advance.

Keywords: *information, information revolution, innovations, national innovation system, innovative business, venture investment.*

References

1. Vaynshtayn G. Ot novykh tekhnologiy k “novoy ekonomike” [From new technologies to “new economy”]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* [World Economy and International Relationships], 2002, no. 10, pp. 22—29. (In Russ.).
2. Rakitov A.I. *Filosofiya komp'yuternoy revolyutsii* [The philosophy of the computer revolution]. Moscow, Politizdat Publ., 2007. 287 p. (In Russ.).
3. Naydysh V.M. *Kontseptsii sovremennogo yestestvoznaniya* [Concepts of modern science]. Moscow, Alfa-M Publ., Infra-M Publ., 2004. 622 p. (In Russ.).
4. Istoriya knigopечатaniya. [The history of printing]. *Tsentral'naya nauchnaya biblioteka imeni N.I. Zheleznova* [Central Scientific Library named after N.I. Zheleznov]. Available at: http://library.timacad.ru/redkie_knigi/istoriya-knigopечатaniya, accessed 05.04.2016. (In Russ.).
5. Kuts D.V., Tretyak N.V., Sarukhanyan K.S. Razvitiye tekhnologiy obespecheniya bezopasnosti mobil'nogo dostupa k seti [Development of technologies granting secure mobile access to network]. *Vestnik UrFO. Bezopasnost' v informatsionnoy sfere* [Bulletin of the Ural Federal District. Security in the sphere of information], 2016, no. 1 (19), pp. 15—21. (In Russ.).
6. “Pervyy BIT” izuchil, kak v rossiyskikh kompaniyakh ispol'zuyut mobil'nye prilozheniya [“The first bit” researched how Russian companies use mobile applications]. *Otkrytye sistemy* [Open systems]. Available at: <http://www.osp.ru/news/2016/0221/13031751/>, accessed 17.03.2016. (In Russ.).
7. *Social Media, Mobile Technology, Cloud Converging: Gartner*. Available at: <http://www.eweek.com/c/a/Mobile-and-Wireless/Social-Media-Mobile-Technology-Cloud-Converging-Gartner-124988>, accessed 17.03.2016.
8. Khapay A.A. Strategiya razvitiya informatsionnogo obshchestva v Rossiyskoy Federatsii: innovatsionnye podkhody realizatsii na sovremennom etape [Strategy of information society development in the Russian Federation: the implementation of innovative approaches at the present stage]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya* [Theory and practice of social development], 2015, no. 17, pp. 83—87. (In Russ.).
9. Approval of the state program of the Russian Federation “Information Society (2011—2020)”. Russian Federation Government Decree, no. 313 of 15 April 2014]. *Spravochnaya pravovaya sistema “Konsul'tantPlus”* [Legal reference system “ConsultantPlus”]. Available at: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=181433;fld=134;dst=1000000001,0;rnd=0.595427589651158>, accessed 11.04.2016. (In Russ.).
10. Utochnyonnyy svodnyy godovoy doklad o khode realizatsii i otsenke effektivnosti gosudarstvennykh programm RF po itogam 2014 goda [Adjusted consolidated annual progress report on the implementation and evaluation of the effectiveness of the Russian Federation on the results of 2014 state programs]. *Portal gosprogramm* [State programs site]. Available at: <http://programs.gov.ru/Portal/analytics/quarterReportToGovernment>, accessed 11.04.2016. (In Russ.).
11. Svedeniya o dostizhenii pokazateley gosprogrammy [Information about the indicators of the state program]. *Portal gosprogramm* [State programs site]. Available at: <http://programs.gov.ru/Portal/programs/reportIndicators/24>, accessed 11.04.2016. (In Russ.).
12. Rossiya: kurs na innovatsii [Russia: a course on innovation]. *Otkrytyy ekspertno-analiticheskiy otchet* [Open expert-analytical report]. Available at: <http://www.rusventure.ru/ru/programm/analytics/>, accessed 11.04.2016. (In Russ.).
13. Golichenko O.G. Natsional'naya innovatsionnaya sistema: ot kontseptsii k metodologii issledovaniya [National innovation system: from the concept to the research methodology]. *Ekonomicheskiy portal* [Economic site]. Available at: <http://institutions.com/innovations/2523-nacionalnaya-innovatsionnaya-sistema.html>, accessed 15.03.2016. (In Russ.).
14. Moshkin I.V. *Predprinimatel'skaya ekosistema innovatsionnogo universiteta* [Entrepreneurial ecosystem of innovative university]. Available at: <http://www.management61.ru/index.php?do=static&page=moshkin-stat4>, accessed 15.03.2016. (In Russ.).
15. *Natsional'naya tekhnologicheskaya initsiativa* [National Technology Initiative]. Available at: <http://www.rusventure.ru/ru/nti/>, accessed 15.03.2016. (In Russ.).

УДК 339.9
ББК У305.143.23(4)

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ РЫНКА ПРИРОДНОГО ГАЗА ЕВРОПЫ

Е. В. Кислицын

Уральский государственный экономический университет, Екатеринбург, Россия

Рассмотрены основные тенденции развития рынка природного газа в Европе. Энергетическая, в частности газовая, отрасль на современном этапе играет ключевую роль в развитии отдельных государств и целых макрорегионов. Устойчивый и стабильный энергетический сектор является залогом планомерного экономического роста. Цель работы — качественный анализ европейского рынка природного газа и выявление основных тенденций его развития. Выделены основные участники выше-названного рынка и обозначена их роль. Сделан акцент на роли России в развитии энергетического рынка Европы. Выявлены основные пути диверсификации поставщиков газа, перспективы развития рынка природного газа.

Ключевые слова: *природный газ, газовый рынок, газопровод, сжиженный природный газ, поставщик.*

В условиях интеграции национальных экономических систем особое значение приобретает развитие отношений Российской Федерации с государствами — членами ЕС и Турцией и влияние этих отношений на различные сферы деятельности указанных стран. В частности, возникает необходимость проведения экономических исследований в процессах взаимодействия выше-названных регионов в энергетической сфере. Цель работы — выявить основные тенденции развития газового рынка Европы, участников и перспективы дальнейшего развития.

Говоря о Европейском Союзе, необходимо отметить, что это крупнейший партнер как России, так и Турции. По мнению автора, в ближайшие десятилетия сотрудничество наших стран в энергетической сфере будет только расширяться, что обусловлено отсутствием у ЕС достаточного количества ресурсов и необходимости организации новых стабильных маршрутов доставки топлива. В связи с этим важно знать закономерности развития данной отрасли в государствах ЕС для выстраивания собственной модели взаимодействия с ними.

Энергетика всегда играла и играет ключевую роль в развитии европейской интеграции и создания Европейского Союза. При этом в течение продолжительного времени Европейское экономическое сообщество не имело общей энергетической стратегии, а деятельность в этом секторе экономики оставалась исключительной прерогативой самих государств. Однако постепенно ситуация стала меняться, и Европа взяла курс на объеди-

нение усилий в данном направлении и либерализацию топливно-энергетических комплексов всех стран-участниц [5].

Основополагающим проектом стал план по созданию единого либерализованного рынка электроэнергии и газа (ЕЛРЭГ), главная цель которого заключалась в организации рынка электроэнергии и газа в ЕС с высоким уровнем конкуренции и, как следствие, в выравнивании тарифов на электроэнергию и энергоносители во всех государствах-членах и общем снижении этих тарифов. При этом достижение заявленной цели давало возможность в будущем обеспечить безопасность в энергетической сфере для всего европейского содружества [10].

За время, прошедшее с начала работы по либерализации топливно-энергетического рынка, европейскому сообществу удалось добиться серьезных изменений в данном направлении. На сегодняшний день различные органы ЕС приняли многочисленные нормативно-правовые акты, призванные регламентировать вопросы в энергетической сфере как на уровне государств — членов Европейского Союза, так и при взаимодействии их с другими странами на международном уровне. Руководство ЕС принимает решения, обязательные для выполнения всеми странами-участницами и имеющие лишь рекомендательный характер.

Один из главных факторов, влияющих на развитие взаимоотношений России с Европейским Союзом, — зависимость последнего от поставок углеводородов из России. Согласно статистике,

представленной на рисунке, около 40 % природного газа в ЕС импортируется из России. На сегодняшний день Европа является импортером природного газа из России, Североморских месторождений, Нидерландов, Норвегии и Северной Африки [9]. Из России газ поступает в европейские страны по трем газопроводам: «Братство», проходящему по территории Украины, «Ямал — Европа», проложенному через территорию Беларуси, и «Северный поток», напрямую связывающий Россию и Германию по дну Балтийского моря. Потребности Германии в природном газе, например, РФ обеспечивает на 40 %, а Швеции, Финляндии, Литвы, Латвии, Эстонии и Болгарии практически на 100 %. В связи с этим европейские страны делают все возможное, чтобы диверсифицировать поставщиков нефти и газа.

Одним из вариантов решения поставленной проблемы могли бы стать новые трубопроводы из Нидерландов и Норвегии, которые обладают крупными разведанными запасами: 1,09 трлн и 2,05 трлн куб. м соответственно. Однако уже в 2013 г. представители Нидерландов заявили о снижении добычи газа на некоторых месторождениях, например Гронинген — на 11,3 млрд куб. м (около 21 %), до уровня 42,5 млрд куб. м в 2014 и 2015 гг., при ранее заявленных 49 млрд куб. м в год вплоть до 2020 г. [14].

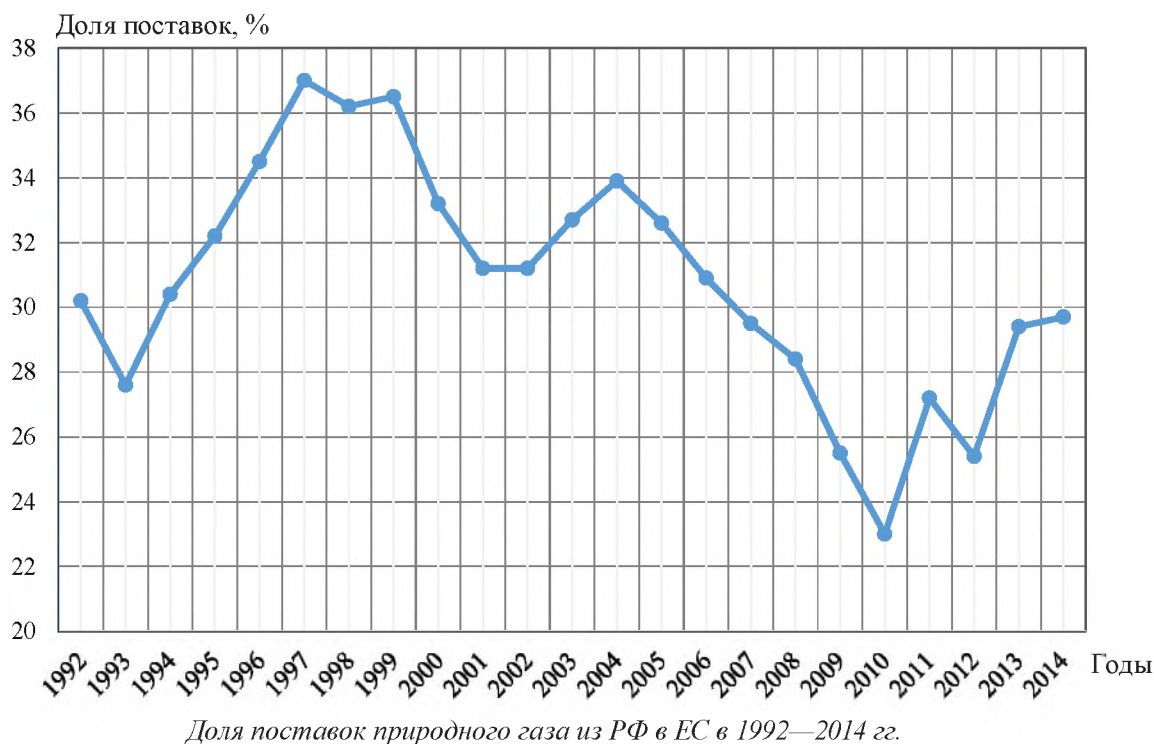
Турция может стать одним из ключевых транзитеров энергоносителей в ЕС. Таким образом,

в будущем даже при отсутствии прогресса в процессе евроинтеграции Турция останется стратегическим партнером Европы в различных сферах, в первую очередь в энергетической.

Основное направление развития турецкой энергетики — реализация энерготранспортных проектов. Турецкое руководство старается участвовать в обсуждении всех существующих проектов в данной сфере, даже если переговоры ведутся одновременно по двум конкурирующим стройкам. Подобная ситуация произошла, к примеру, с проектами европейского газопровода «Набукко» и российского «Южного потока».

Второй вариант решения вышеизложенной проблемы — полноценное использование имеющихся заводов по приему сжиженного природного газа (СПГ). Недостатки данного варианта заключаются в том, что СПГ по-прежнему остается достаточно дорогим, а спрос на него с годами только увеличивается. Крупнейшие азиатские экономики продолжают скупать крупные объемы СПГ по высоким ценам, не имея альтернатив [1].

Отсутствие достаточных внутренних ресурсов влечет за собой необходимость обеспечения потребностей в энергоносителях за счет проектирования и строительства новых транспортных потоков, связывающих страны — члены ЕС с крупнейшими государствами, добывающими нефть и газ. Однако сделать это в обход РФ возможно только через Турцию. Таким образом,

в интересах ЕС остается создание на территории Турции транспортной системы, работающей в следующих направлениях: из Прикаспийского региона, Северной Африки, Персидского залива на север Европы через Австрию, на юг — через Грецию и Италию [7].

До недавнего времени основным проектом, призванным обеспечить потребности европейских государств в «голубом топливе», был газопровод «Набукко», который предполагал поставки с Ближнего Востока и Каспийского региона по территории Турции на европейский рынок. Его мощность должна была составить 30 млрд куб. м в год [12]. Необходимо отметить, что с самого начала обеспечить заявленную наполняемость было сложно. Проблема обострилась в связи с введением санкций против Ирана в 2006 г. Запуск газопровода был намечен на 2014 год, однако уже в 2013 г. было принято решение о прекращении проекта.

Отказ от реализации «Набукко» привел к тому, что страны Европы не смогли снизить зависимость своих экономик от российских ресурсов. А очередной кризис на Украине в начале 2014 г. показал, что уже имеющиеся пути транспортировки газа из России нестабильны. По этой причине вместо «Набукко» был предложен проект строительства «Южного газового коридора».

Данный трубопровод должен обеспечить передачу газа с азербайджанского месторождения «Шахдениз» в Европу. Однако реализация вышеуказанного проекта невозможна без участия турецкой стороны, так как основная газовая артерия должна пройти по ее территории через Трансанатолийский газопровод (TANAP), строительство которого планируется завершить к концу 2018 г. Из Турции по Трансадриатическому газопроводу (TAP) газ попадет в Грецию, Албанию и Италию. Ввод в эксплуатацию нового газопровода запланирован на 2019 г. Первоначальная мощность «Южного газового коридора» составит около 10 млрд куб. м с возможностью расширения до 29 млрд куб. м. Работы по реализации проекта уже начаты. Так, руководством ЕС подписана программа строительства газопроводов на 2014—2020 гг. с учетом трубопроводов между Испанией и Францией, которые, в свою очередь, планируют в будущем получать газ из Каспийского региона. Для возведения объектов создан фонд, составляющий 5,8 млрд евро. По предварительным подсчетам специалистов, озвученным бывшим еврокомиссаром по энергетике Гюнтером

Эттингером, «Южный газовый коридор» в перспективе сможет обеспечивать до 20 % потребностей ЕС в газе.

Отметим, что у проекта «Южный газовый коридор» до недавнего времени был серьезный конкурент — газопровод «Южный поток» из Анапы до Варны по дну Черного моря, разработанный российской компанией ОАО «Газпром». Далее планировалось его соединение через Балканский полуостров с Италией и Австрией. Планируемая мощность «Южного потока» составляла 63 млрд куб. м газа в год [15]. Такая величина могла бы серьезно укрепить позиции РФ как основного поставщика природного газа в Европу.

Сотрудничество Турции и стран Европейского Союза в области энергетики имеет продуктивный характер. Однако по некоторым вопросам не удается прийти к единому мнению, что существенно осложняет дальнейшее сотрудничество. Так, например, обнаруженные в акватории Средиземного моря крупные залежи природного газа и нефти, получившие названия «Левиафан» и «Афродита», могут вызвать серьезные противоречия сразу нескольких стран.

Месторождение «Левиафан» находится в Средиземном море в непосредственной близости от морской границы Израиля и Ливана и имеет запасы природного газа 450 млрд куб. м. Месторождение «Афродита», обнаруженное компанией Noble Energy в 2011 г. на кипрском шельфе, согласно результатам геологоразведочных работ, обладает запасами природного газа 400—600 млрд куб. м и нефти — более 300 млн т. Необходимо отметить, что «Афродита» является частью «Левиафана» и находится в водном пространстве Кипра. В 2011 г. Израиль и Кипр согласовали принципы водной демаркации и подписали соответствующий договор. В свою очередь Турецкая Республика с момента обнаружения запасов углеводородов оспаривает права Кипра и Израиля на их разработку, мотивируя это тем, что месторождения обнаружены в море, договоренности о территориальном делении которого нет. По мнению турецкого руководства, все процессы, связанные с разработкой источников, добычей нефти и газа, а также их продаж, должны согласовываться с правительством Турецкой Республики Северного Кипра, которая, несмотря на расположение месторождения «Афродита» у берегов южной части острова, тоже имеет права на обнаруженные полезные ископаемые [4].

Важным фактором становится развитие путей транспортировки нефти и газа, добыча которых будет осуществляться на упомянутых месторождениях. Существуют планы, согласно которым для этих целей предлагается строительство морского Восточно-Средиземноморского газопровода (East Med Pipeline) от месторождений в страны ЕС и портовую зону с газовым терминалом и заводом по производству СПГ непосредственно на территории Кипра. А в качестве основного транспортно-логистического узла для передачи энергоносителей в Европу будет использоваться Греция. Подобное развитие ситуации не устроит Турцию, которая планирует стать крупнейшей энергетической артерией. Именно по этой причине Турецкая Республика делает все возможное для того, чтобы помешать реализации вышеизложенных планов. В качестве примера можно привести решение турецких властей отказаться от сотрудничества с крупнейшей итальянской компанией Eni, обусловленное тем, что последняя участвует в геологоразведке на кипрском шельфе [2].

Таким образом, подтверждено, что для ЕС оптимальный маршрут диверсификации поставщиков углеводородных ресурсов из Ближнего Востока или Каспийского региона проходит через Турцию. В связи с этим на ее территории будут активизироваться в реализации различных проектов европейские финансовые, строительные и энергетические компании. Основное направление активизации будет происходить в создании новой транспортной системы, способной в будущем обеспечить потребности ЕС в энергетических ресурсах, что усилит конкурентно-экономическое и политико-спекулятивное давление на Россию через угрозу нестабильности закупок и срыв сроков окупаемости энергетических проектов.

В условиях взаимодействия Турции и ЕС в топливно-энергетической сфере оба этих участника глобального энергетического рынка остаются зависимыми от России в силу отсутствия у них достаточного количества ресурсов. В то же время для РФ Европейский Союз и Турция остаются важными партнерами, сотрудничество с которыми помогает ей не только экспортировать свои полезные ископаемые, но и развивать свой собственный ТЭК благодаря импорту новых технологий и квалифицированной рабочей силы, получению качественных инжиниринговых услуг, использованию территорий других стран для раз-

вития транспортной инфраструктуры, необходимой для реализации добываемого сырья.

Топливо-энергетический комплекс России столкнулся с целым рядом вызовов и угроз. Их отличительной чертой является то, что они появились относительно недавно, вследствие чего мало изучены. Однако, по мнению автора, именно они могут иметь решающее значение для развития отечественной энергетики в среднесрочной и долгосрочной перспективе [3]:

- влияние украинского кризиса и санкций США, ЕС и ряда других государств в отношении РФ;

- резкое падение цен на нефть в конце 2014 — начале 2015 г.;

- попытки Европы диверсифицировать поставку российского сырья.

Украина постепенно теряет основного поставщика «голубого топлива» и вынуждена искать новые пути покупки и доставки природного газа. Несмотря на наличие АЭС и достаточно больших запасов угля, Украина зависима от российского газа. В условиях его отсутствия выходом из сложившейся ситуации для страны стали так называемые реверсные поставки. По реверсной схеме Украина импортировала 2,2 млрд куб. м, около 1 млрд куб. м — в сентябре. Большую часть газа, около 780 млн куб. м стоимостью 270 млн долл. (346 долл. за 1 тыс. куб. м), Украина получила через Словакию. Польша и Венгрия продали Киеву 117 млн и 90 млн куб. м соответственно. Таким образом, за достаточно короткий срок благодаря использованию этой схемы у Украины появились новые поставщики [11].

Россия в условиях ухудшения отношений с Украиной столкнулась еще с одной проблемой — реверсной схемой поставок газа, которая лишает ее возможности влияния на государства, снижающие по тем или иным причинам закупки энергоресурсов или отказывающиеся от них. До начала украинского кризиса многие ученые-экономисты предсказывали ухудшение отношений соседствующих стран и предлагали комплексы мероприятий по укреплению их сотрудничества. В работе [13] выделено семь оперативных и стратегических мероприятий, реализация которых могла бы способствовать дальнейшему конструктивному развитию взаимовыгодных научно-технических, производственно-технологических и экономических отношений России и Украины.

Несмотря на все попытки Украины кардинальным образом сократить расходы в области

энергетики, ситуация в отрасли остается тяжелой. Веерные отключения электроэнергии, использование различных видов топлива, снижение температуры для отопления домов не приводят к желаемому результату. Запасы газа постепенно истощаются. При условии затягивания кризиса на Украине государство будет вынуждено вновь закупать газ и энергию у России. Для этого существуют две основные предпосылки: недостаток собственных ресурсов, усиливающийся отсутствием доступа к угольным предприятиям Донбасса, и нестабильность реверса.

События на Украине послужили причиной не только газового кризиса, но и санкционных мер экономического характера, введенных руководством Европейского Союза, США и ряда других стран в отношении РФ с целью давления на ее дальнейшие действия в данном регионе. Помимо всего прочего, одной из основных задач санкций стало ослабление ТЭК Российской Федерации как основного поставщика средств в бюджет государства [8].

Испания предложила ЕС снизить зависимость от импорта из России за счет поставок из Африки. Необходимо отметить, что в последнее время данное государство реализовывало план по созданию и развитию инфраструктуры для получения сжиженного природного газа. На ее территории построены 7 терминалов для приема СПГ, при этом что в Европе их всего 21. В настоящее время на СПГ приходится 60 % всех поставок газа в страну. Имея серьезные мощности СПГ на своей территории, 6 газопроводов, налаженные пути доставки «голубого топлива» из Африки, Испания предлагает диверсифицировать поставки газа в Европу. По мнению испанской стороны, подобным образом возможно обеспечить около 10 % газа, поставляемого в ЕС из России. Важно отметить, что сама Испания на данном этапе независима от газа из РФ, поскольку закупает газ из Алжира (51 %), Франции (12 %), Катара (11 %), Нигерии (10 %), Тринидада и Тобаго (6 %) [6].

Представитель Министерства нефти Ирана заявил, что его страна готова обеспечить поставку газа в страны ЕС. По мнению Тегерана, для этого, возможно, стоит вернуться к проекту «Набукко», который, как уже отмечалось, был закрыт в августе 2014 г., или использовать другие пути — через Сирию или Черное море.

Некоторые страны — члены ЕС предпринимают самостоятельные шаги в данном направлении. Так, в Литве компания Litgas (входит в Lietuvos

Energija) договорилась с Statoil о поставках ежегодно в течение пяти лет по 540 млн куб. м газа в виде СПГ начиная с 2015 г. Согласно контракту, доставка будет осуществляться на терминал СПГ в Клайпеде, мощность — 2—3 млрд куб. м газа в год. Цена будет привязана к индексу британской биржи NBP, а предварительная общая стоимость контракта — 1—1,2 млрд долл. Важно отметить, что до этого события единственным поставщиком газа для Литвы оставался «Газпром», поставивший в 2013 г. около 2,7 млрд куб. м по 359 долл. за 1 тыс. куб. м. В свою очередь руководство Германии одобрило выдачу компании E.On гарантий в рамках госпрограммы на 2 млрд евро для ее участия в проекте Goldboro по экспорту СПГ из Канады. При этом E.On взяла на себя обязательства ежегодно поставлять в страну 1,5 млн т топлива.

В целом украинский кризис заставил ЕС вновь задуматься о диверсификации поставок энергоносителей, что может быть обеспечено несколькими путями: во-первых, увеличение поставок природного газа из европейских источников (в первую очередь из Норвегии и Нидерландов); во-вторых, увеличение объемов поставок сжиженного природного газа; в-третьих, строительство новых газопроводов из азиатских и североафриканских стран. Но каждый из предложенных путей решения имеет ряд существенных барьеров, которые Европейский Союз пока не в состоянии преодолеть. Отсюда на сегодняшний день российский природный газ остается для государств ЕС наиболее привлекательным с точки зрения цены и удобства транспортировки. В свою очередь для России Европа остается крупнейшим импортером сырья и поставщиком современных технологий и инвестиций. Подобная взаимозависимость говорит о том, что двум сторонам необходимо развивать сотрудничество в топливно-энергетической сфере и подходить более гибко к решению спорных вопросов. Во взаимодействии с Украиной у РФ имеется ряд серьезных угроз в сфере энергетической безопасности. Они связаны как с реверсными поставками природного газа на Украину, так и с опасностью срыва поставок в европейские страны. В связи с этим России необходимо также четко продумывать пути диверсификации поставок природного газа в Европу через развитие как уже существующих магистральных трубопроводов («Северный поток» и «Ямал — Европа»), так и южного направления.

Список литературы

1. Некоррелированность цен на рынках СПГ Европы, США и Юго-Восточной Азии / С. Э. Абрамов [и др.] // Газовая пром-сть. — 2010. — № 5. — С. 10—14.
2. Бондаренко, А. С. Сотрудничество России и ЕС в сфере энергетики: проблемы и перспективы / А. С. Бондаренко // Горный информ.-аналит. бюл. (науч.-техн. журн.). — 2012. — № 2. — С. 335—361.
3. Бондаренко, А. С. Российская Федерация и Европейский Союз: партнерство в интересах глобальной энергетической безопасности / А. С. Бондаренко // Горный информ.-аналит. бюл. (науч.-техн. журн.). — 2010. — № 4. — С. 108—113.
4. Боженко, Е. В. Роль Турции в организации реверсивных поставок природного газа на рынке ЕС / Е. В. Боженко // Науч. тр. Вольного экон. о-ва России. — 2011. — Т. 145, № 1. — С. 10—21.
5. Головина, М. С. Особенности современного этапа формирования газового рынка Европейского Союза / М. С. Головина // Газовая пром-сть. — 2014. — № 704. — С. 76—80.
6. Жувакин, Д. Ю. Обзор рынка сжиженного природного газа Европейского Союза / Д. Ю. Жувакин // Вопр. экономики и права. — 2011. — № 34. — С. 407—410.
7. Глобализация рынка природного газа: возможности и вызовы для России : монография / С. В. Жуков [и др.]. — М. : ИМЭМО РАН, 2010. — 175 с.
8. Игишева, Е. А. Энергетическая безопасность в современном мире: основные подходы к изучению / Е. А. Игишева, С. М. Морий // Изв. Урал. гос. экон. ун-та. — 2014. — № 6 (56). — С. 114—118.
9. Кузнецов, А. М. Мировой рынок природного газа: современные тенденции и перспективы развития / А. М. Кузнецов, В. И. Савельев, Н. В. Бахтизина // Вестн. МГИМО ун-та. — 2012. — № 1. — С. 273—277.
10. Местоев, Р. А. Опыт Европейского Союза в обеспечении энергетической безопасности [Электронный ресурс] / Р. А. Местоев // Современ. проблемы науки и образования : электрон. науч. журн. — 2015. — № 1 (ч. 2). — URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=19979>.
11. Мещанская, Ю. А. Имитационная модель как инструмент контроля, мониторинга и оценки реализации стратегических планов газовой компании / Ю. А. Мещанская // Нефть, газ и бизнес : информ.-аналит. журн. — 2014. — № 7. — С. 51—55.
12. Пашковская, И. Г. Газопровод «Набукко»: проект создания / И. Г. Пашковская // Мировая экономика и международн. отношения. — 2010. — № 4. — С. 71—80.
13. Сопилко, Н. Ю. Россия и Украина в контексте развития инновационно-инвестиционного сотрудничества / Н. Ю. Сопилко, Н. А. Навроцкая // Управленец. — 2013. — № 3. — С. 75—78.
14. Ульченко, М. В. Особенности и способы поставки природного газа в страны ЕС Норвегией / М. В. Ульченко // Фундамент. исслед. — 2015. — № 10-2. — С. 427—432.
15. Фокин, В. Ю. Газопроводы «Набукко» и «Южный поток»: проблемы и перспективы / В. Ю. Фокин // Нац. безопасность. — 2011. — № 1. — С. 95—99.

Сведения об авторе

Кислицын Евгений Витальевич — старший преподаватель кафедры статистики, эконометрики и информатики Уральского государственного экономического университета, Екатеринбург, Россия. kev@usue.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2016. No. 6 (388). *Economic Sciences. Iss. 53. Pp. 106—113.*

TRENDS IN THE DEVELOPMENT OF THE EUROPEAN NATURAL GAS MARKET

E.V. Kislitsyn

Ural State University of Economics, Yekaterinburg, Russia. kev@usue.ru

The main tendencies of development of the natural gas market in Europe are considered. Energy, and in particular, the gas industry at the present stage plays a key role in the development of individual states

and entire macro-regions. Sustainable and stable energy sector is the key to systematic economic growth. The aim of this work is to conduct a qualitative analysis of the European natural gas market and to identify the main trends of its development. The paper identifies the main participants of the market and above their designated role. The emphasis on Russia's role in the development of the energy market of Europe. The paper identifies the main ways of diversifying gas suppliers, prospects of development of the natural gas market.

Keywords: *natural gas, gas market, gas pipeline, liquefied natural gas, supplier.*

References

1. Abramov S.E. [et al.]. Nekorrelirovannost' tsen na rynkakh SPG Evropy, SShA i Yugo-Vostochnoy Azii [No correlation of prices in the LNG markets of Europe, USA and South-East Asia]. *Gazovaya promyshlennost'* [Gas industry], 2010, no. 2, pp. 10—14. (In Russ.).
2. Bondarenko A.S. Sotrudnichestvo Rossii i ES v sfere energetiki: problemy i perspektivy [The cooperation between Russia and the EU in the energy sector: problems and prospects]. *Gornyy informatsionno-analiticheskiy byulleten' (nauchno-tehnicheskii zhurnal)* [Mining information and analytical bulletin (scientific and technical journal)], 2012, no. 2, pp. 335—361. (In Russ.).
3. Bondarenko A.S. Rossiyskaya Federatsiya i Evropeyskiy Soyuz: partnyorstvo v interesakh global'noy energeticheskoy bezopasnosti [The Russian Federation and the European Union: a partnership for global energy security]. *Gornyy informatsionno-analiticheskiy byulleten' (nauchno-tehnicheskii zhurnal)* [Mining information and analytical bulletin (scientific and technical journal)], 2014, no. 4, pp. 108—113. (In Russ.).
4. Bozhenko E.V. Rol' Turtsii v organizatsii reversivnykh postavok prirodnogo gaza na rynke ES [Turkey's role in the organization of reverse supplies of natural gas on the EU market]. *Nauchnye trudy Vol'nogo ekonomicheskogo obshchestva Rossii* [Scientific works of the Free economic society of Russia], 2011, vol. 145, no. 1, pp. 10—21. (In Russ.).
5. Golovina M.S. Osobennosti sovremennogo etapa formirovaniya gazovogo rynka Evropeyskogo Soyuz [Features of the present stage of formation of the gas market of the European Union]. *Gazovaya promyshlennost'* [Gas industry], 2014, no. 704, pp. 76—80. (In Russ.).
6. Zhuvakin S.V. Obzor rynka szhizhennogo prirodnogo gaza Evropeyskogo Soyuz [An overview of the liquefied natural gas market of the European Union]. *Voprosy ekonomiki i prava* [The issues of economy and law], 2011, no. 34, pp. 407—410. (In Russ.).
7. Zhukov S.V. [et al.]. *Globalizatsiya rynka prirodnogo gaza: vozmozhnosti i vyzovy dlya Rossii* [Issues of economy and globalization of the natural gas market: opportunities and challenges for Russia]. Moscow, 2010. 175 p. (In Russ.).
8. Igisheva E.A., Moriy S.M. Energeticheskaya bezopasnost' v sovremennom mire: osnovnye podkhody k izucheniyu [Energy security in the modern world: the main approaches to the study]. *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta* [Proceedings of the Ural State University of Economics], 2014, no. 6 (56), pp. 114—118. (In Russ.).
9. Kuznetsov A.M., Savel'yev V.I., Bakhtizina N.V. Mirovoy rynek prirodnogo gaza: sovremennye tendentsii i perspektivy razvitiya [The world natural gas market: current tendencies and prospects of development]. *Vestnik MGIMO universiteta* [Vestnik MGIMO University], 2012, no. 1, pp. 273—277. (In Russ.).
10. Mestoev R.A. Opyt Evropeyskogo Soyuz v obespechenii energeticheskoy bezopasnosti [The experience of the European Union to ensure energy security]. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya* [Modern problems of science and education], 2015, no. 1 (pt. 2), available at: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=19979> (In Russ.).
11. Meshchanskaya Y.A. Imitatsionnaya model' kak instrument kontrolya, monitoringa i otsenki realizatsii strategicheskikh planov gazovoy kompanii [Simulation model as a tool for control, monitoring and evaluation implementation of strategic plans of the gas company]. *Neft', gaz i biznes: informatsionno-analiticheskiy zhurnal* [Oil, gas and business: information-analytical journal], 2014, no. 7, pp. 51—55. (In Russ.).
12. Pashkovskaya I.G. Gazoprovod "Nabukko": proekt sozdaniya [The Nabucco gas pipeline: a project]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* [World economy and international relations], 2010, no. 4, pp. 71—80. (In Russ.).

13. Sopilko N.Yu., Navrotskaya N.A. Rossiya i Ukraina v kontekste razvitiya innovatsionno-investitsionno-go sotrudnichestva [Russia and Ukraine in the context of development of innovative-investment cooperation]. *Upravlenets* [Manager], 2013, no. 2, pp. 75—78. (In Russ.).
14. Ul'chenko M.V. Osobennosti i sposoby postavki prirodnogo gaza v strany ES Norvegiy [The features and modes of supply of natural gas to the EU by Norway]. *Fundamental'nye issledovaniya* [Fundamental research], 2015, no. 10-2, pp. 427—432. (In Russ.).
15. Fokin V.Y. Gazoprovody “Nabukko” i “Yuzhnyy potok”: problemy i perspektivy [The gas pipelines “Nabucco” and “South stream”: challenges and prospects]. *Natsional'naya bezopasnost'* [National security], 2011, no. 1, pp. 95—99. (In Russ.).

ЭКОНОМИКА ХОЗЯЙСТВУЮЩИХ СУБЪЕКТОВ

MICROECONOMICS AND ECONOMICS OF ENTERPRISES

Вестник Челябинского государственного университета.
2016. № 6 (388). Экономические науки. Вып. 53. С. 114—121.

УДК 334.021
ББК У290.31

ИЗМЕНЕНИЯ КРИТЕРИЯ ОЦЕНКИ УСПЕШНОСТИ МАЛОГО И СРЕДНЕГО БИЗНЕСА В ПРОЦЕССЕ ЭВОЛЮЦИИ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ¹

В. И. Бархатов

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

Изложена авторская точка зрения на процесс эволюции критерия успешности малого и среднего бизнеса в российской экономике с начала 1990-х гг. до настоящего времени. Рассмотрен этап становления фигуры предпринимателя в процессе развития «челночного бизнеса», особенности его трансформаций в условиях приватизационных процессов и становления финансовой системы. Особое внимание уделено процессам адаптации характеристик руководителя малого и среднего предприятия к меняющимся экономическим реалиям, что требовалось для достижения успеха. Сделан вывод о существенных изменениях как в личностных, так и в профессиональных характеристиках успешного предпринимателя в короткой исторической перспективе.

Ключевые слова: *малый и средний бизнес, устойчивость малого и среднего бизнеса, эволюция российской экономики.*

Эффективность развития экономики России, выход из финансового кризиса, экономический рост в ближайшей перспективе невозможны без включения в экономические процессы активных, мотивированных людей, способных организовать и вести успешный малый и средний бизнес. Однако для эффективного управления процессами развития малого и среднего бизнеса, этими важнейшими точками будущего роста российской экономики, необходимо не только обладать соответствующими ресурсами и полномочиями, но и понимать природу малого и среднего бизнеса, природу субъектов, его образующих, природу успешности малого и среднего предприятия. За короткий период эволюции российской экономики с начала 1990-х гг. эта природа постепенно эволюционировала. Изучение этой эволюции, выделение ее основных этапов чрезвычайно важно для разработки грамотной государственной политики в сфере поддержки малого и среднего бизнеса.

Целью статьи является систематизация процесса эволюции критерия успешности малого и среднего бизнеса в России с начала 1990-х гг. до настоящего времени.

Проблема успешности малого и среднего бизнеса в российской экономической науке развита недостаточно. Само понимание успешности бизнеса нуждается в уточнении, которое уже сделано автором и его коллегами ранее, в работах [1] и [2]. Под успешностью бизнеса предложено понимать его жизнеспособность, проявляющуюся через способность генерировать прибыль, способность расти и способность быть лучше конкурентов. Также для малого и среднего бизнеса, роста его успешности важно понимание противоречий, возникающих на пути к успешности (см. [3]), использование ключевых факторов, включая институциональную среду (см. [4]) и человеческие ресурсы (см. [5; 6]). Эволюция российской экономики, неотъемлемой частью которой является российский малый и средний бизнес, его субъекты, подробно рассмотрена в работах А. В. Бугалина и А. И. Колгагнова [7—10], Р. С. Дзарасова [11; 12]

Фигура руководителя предприятия малого и среднего бизнеса — предпринимателя, эволюция и изменчивость его природы обоснованы еще в классических работах — Й. Шумпетера [13] и В. Зомбарта [14].

Включение в процессы производства и обращения множества индивидов берет начало в ходе

¹ Исследование выполнено на средства гранта Российского научного фонда (проект № 14-18-02508).

реформ девяностых годов. Переход от тотальной государственной формы к доминированию частной формы собственности, приватизация государственных предприятий, фактическая ликвидация многих крупных предприятий сопровождались массовым высвобождением рабочей силы. Произошедшее в этот период существенное изменение структуры национального производства потребовало от многих людей заниматься поиском новой сферы деятельности, которая позволила бы обеспечить достойный уровень дохода. Это происходило, с одной стороны, в условиях невозможности самореализации и трудоустройства в сфере профессиональной компетентности человека, что само по себе было существенным стрессом, но с другой — еще и в условиях гипертрофированной социальной и экономической нестабильности, усиливающей негативный психологический эффект.

Практически полное отсутствие многих товаров на нарождавшемся российском рынке (в первую очередь — одежды, обуви, «экзотических» по тем временам продуктов питания) и наличие их в сопредельных странах создало условия для появления нового субъекта в российской экономике — индивидуального предпринимателя, способного при минимальном капитале, минимальной осведомленности о рынке и максимальных рисках различной природы заниматься куплей-продажей товаров народного потребления и создавать видимость рыночных отношений. Эти отношения существовали в форме «базара», в рамках которого возникали и господствовали прямые отношения продавца и покупателя, а доход извлекался в виде разницы между ценой покупки и продажи товара. Возникла специфическая группа населения, которая, применяя свои внутренние способности и пользуясь стихийно складывающимися рыночными отношениями, пыталась в этих экстремальных условиях не только выжить, но и накопить первоначальный капитал. Зародились предпосылки и условия нового уклада, который впоследствии станет основой развития малого и среднего бизнеса в России. На первый план вышли торговые отношения.

В процессе торговли обращение и накопление капитала происходит с большей скоростью, чем при производстве. Человеческие ресурсы и основные фонды переходят в сферу торговли. Возникает множество торговых точек, где реализуется масса низкокачественных, но востребованных товаров. В России движение этих това-

ров осуществляется от центра (Москва) к периферии (регионы) (подробнее см. в [15]). Появляются и региональные центры, географически и логистически близкие к заграничным каналам поставки товаров. По мере движения от центра к периферии цены товаров возрастают, что позволяет получать доход нескольким торговцам-посредникам. Этот период можно назвать периодом нецивилизованного предпринимательства, в котором наблюдались зачатки малого и среднего бизнеса. Развивалось торговое обращение, обеспечивающее движение товаров от центра к периферии и соединяющее продавца и покупателя.

В сфере предпринимательства произошла революция торговых «челноков», в результате которой появился новый тип субъекта — носителя специфических установок, соизмеряющего свое поведение с запросами рынка, выступающего источником дохода. «Челноками» становились представители совершенно разных групп населения — рабочие, инженеры, профессора. Базар в России формировался в условиях жесткой конкуренции, когда создавались особые группы, неформально контролировавшие локальные рынки. Торговцы-«челноки» попали в жесткую зависимость от этих групп, зародились новые институты — «крышевание», «рэкёт». Возникли группы, «паразитирующие» на индивидуальных предпринимателях путем их экономической эксплуатации, участия в распределении дохода, к происхождению которого они отношения не имели. Сложилось новые отношения, по своей природе рентные.

Параллельно с развитием торговли возникало предпринимательство — в процессе «захвата» имущества государственных предприятий, деления этого имущества на мелкие части, использования производственных площадей для организации отдельного бизнеса, особенно в сфере услуг и строительства. Происходило разрушение структуры государственных предприятий, а это вело не только к утрате производственного и кадрового потенциала, но и к полному исчезновению многих отлаженных производств, нарушению системы воспроизводства кадров, технологий, инноваций. Особенно пострадали сферы народного хозяйства с малой капиталоемкостью. При переходе в руки частного владельца они могли обеспечить быстрое получение прибыли. Предприниматель получал место для ведения бизнеса и, не вкладывая адекватный капитал, первичную массу средств труда, наработанные

технологии, что позволяло вести новый бизнес. Были созданы экономические условия для формирования малого и среднего бизнеса в производственной сфере, который, базируясь на старом оборудовании и технологиях, производил товар невысокого качества и имел среднюю прибыль. Однако в ситуации дефицита даже такой товар пользовался спросом.

В обстановке, когда крупные и средние «старые» предприятия находились в непрерывных процессах акционирования, слияний, поглощений, рейдерских захватов, возникающие на их «обломках» малые и средние предприятия сумели отчасти поддержать производство, решить некоторые задачи более эффективно, чем крупный бизнес. Сформировался первоначальный частный капитал, впоследствии ставший основой как среднего, так и крупного частного российского бизнеса. На базе получаемой предпринимателями средней прибыли накапливался торговый и промышленный капитал. Период до 1998 г. можно назвать временем формирования нового уклада, центральной фигурой в котором становился новый предприниматель, индивидуальный и «средний». Успешность среднего и малого бизнеса определялась как его способность при жесткой конкуренции, высокой неопределенности и постоянных трансформациях получить положительный финансовый результат, «заработать». Речь шла не о наживе или максимизации прибыли, а о сохранении бизнеса ради дохода, обеспечивающего выживание в непростых условиях, а основным фактором успешности бизнеса становились предпринимательские способности, причем в значительной степени такие, благодаря которым можно победить в жесткой борьбе, на грани (а иногда и за гранью) закона, а также те, что на «обычном» языке называются «изворотливостью».

В этот период развивалось предпринимательство не только в торговой, производственной сферах. Стал возникать финансовый бизнес, в том числе банки с небольшим первоначальным капиталом, которые также можно отнести к среднему бизнесу. Эти банки часто строились не с целью получения банковской прибыли в ее традиционном понимании, а с целью поддержки торгового или производственного бизнеса, а также концентрации частных капиталов для решения инвестиционных задач. Происходит формирование сетевых структур взаимодействия, в которых банки оказывают поддержку торговому бизнесу. Связи между предпринимателями укоряются, появ-

ляются группы заинтересованных лиц — «стейкхолдеры», в том числе с перекрестным владением. Средний бизнес принимает участие в формировании новых региональных элит, равно как и региональные элиты участвуют в формировании малого и среднего бизнеса, становясь значимым фактором их успешности.

Первый этап развития малого бизнеса, с его противоречиями и особой поведенческой функцией предпринимателей, заканчивается кризисом 1998 г., когда накопленный предпринимателями капитал проходит серьезную проверку на прочность. Вследствие падения спроса на многие товары и услуги, а также увеличения затрат из-за падения курса рубля и высокого уровня инфляции малый и средний бизнес оказался в зоне с отрицательной эффективностью. Его привлекательность существенно упала.

Объективные процессы в экономике катком прошли по малому и среднему бизнесу. Выжили далеко не все предприятия. Государство тогда было экономически слабым и неспособным поддержать малый и средний бизнес, который выживал самостоятельно, при отсутствии финансовой поддержки и снижении собственного капитала.

Одновременно кризис привел к изменению поведенческой функции выживших предприятий, возник новый уклад малого и среднего бизнеса (между кризисами 1998 и 2008 гг.), и он требовал своего развития. В этот период продолжается трансформация отношений собственности, изменяются структуры производства, усложняются рыночные отношения, формируются новые институты. Происходит выравнивание цен, совершенствуются логистические процессы, получают распространение более крупные формы организации торгового бизнеса, появляются торговые сети. Челночный бизнес начинает терять свою доходность.

Вместе с тем сформированы центры торговли, имеющие крупные обороты, где получает развитие теневой бизнес. Возникает некоторая общность торговцев, развивается сеть мелких и средних торговых предприятий, происходит формирование групп предпринимателей, приспособленных к новым реалиям. Меняется тип экономического поведения субъектов малого и среднего бизнеса. Если раньше предпринимательская инициатива сводилась к способности найти, привезти и продать с наценкой нужный товар, то теперь происходит усложнение систе-

мы: нужен определенный объем капитала, позволяющий вести бизнес, включая приобретение или аренду имущества, пополнение оборотных активов и т. п. Элементарное место ведения бизнеса теперь тоже имело значение — выгодные места в торговых центрах нужно было выкупать, конкурируя с другими предпринимателями.

Возникает потребность в несколько иных качествах предпринимателя. Круг его взаимодействий расширяется, необходимо вступать в экономические отношения с множеством субъектов, и качество этих отношений во многом определяет эффективность бизнеса. Возможно ли взаимное доверие, есть ли взаимопонимание, совпадают ли интересы? В эту совокупность отношений вовлечены предприниматели, «челноки», производители, криминальные элементы. Иногда несколько функциональных ролей исполняет один человек. Выживание предпринимателей стало зависеть от достижения равновесия экономических интересов всех субъектов. Барьеры входа на рынки возрастают, становятся больше затраты на организацию и ведение бизнеса, от предпринимателя требуются определенные усилия по согласованию движения товаров, поиску капитала, найму работников искомой квалификации, имеющих установку на работу в малом бизнесе. Растут затраты на «обустройство» бизнеса, происходит замена киосков на новые торговые павильоны, потребитель становится более внимательным к внешним атрибутам продавца, в том числе к тому, как выглядит его торговое место, офис. Возникают и развиваются арендные отношения. Доля арендной платы в структуре издержек существенно возрастает.

Одновременно происходят качественные изменения фигуры предпринимателя в малом и среднем бизнесе. Одной предпринимательской инициативы оказывается недостаточно, необходимо изучение потребностей покупателей, налаживание хозяйственных связей с бизнес-партнерами, формирование кредитных отношений для обеспечения достаточного уровня капитала.

Основное противоречие на этом этапе проявляется в том, что федеральные и региональные властные структуры оказываются неспособными создать благоприятные условия ведения бизнеса — напротив, их персонифицированные представители (чиновники) пытаются извлекать из бизнеса личный доход. Институциональная среда малого и среднего бизнеса достаточно слабая, что отражает низкое место России в рейтин-

ге Doing Business. Серьезное давление на предпринимателей оказывают представители власти, криминальных и полукриминальных кругов, банковские круги, устанавливающие чрезмерно высокие ставки процентов, которые не позволяют наращивать предпринимателям капитал.

В структуре малого и среднего бизнеса мало что меняется, в основном он связан с торговлей и услугами, а также со строительством. Производственные, а особенно высокотехнологичные, ИТ и финансовые компании малого и среднего бизнеса, скорее, исключение. Качественные изменения, если они и происходят, связаны именно с этими видами деятельности.

Фигура предпринимателя также мало меняется по сравнению с предыдущим укладом. Его экономический мотив деятельности сохраняется — это максимизация дохода на основе оптимизации соотношения цен поставщиков и покупателей. Транзакционные издержки по сравнению с предыдущим укладом становятся существенно выше. Формирующаяся институциональная среда вовлекает в процесс новых субъектов, с определенными экономическими интересами. Рост денег в экономике порождает новые формы предпринимательской активности, однако все они ориентируются на быструю отдачу.

Экономический кризис 2008 г. резко меняет условия хозяйствования. По сравнению с предыдущими «тучными» годами наступает период нехватки капитала, как собственного, так и подорожавшего заемного. Спрос на товары и услуги замедляет рост, а в ряде случаев происходит падение. Коммерческая недвижимость пустеет, построенные жилые дома не распродаются, рекламные площади высвобождаются, автомагистрали становятся свободными от фур. Растет уровень инфляции, объем инвестиций сокращается. Начинаясь рецессия особенно негативно отражается на малом и среднем бизнесе, сфера его работы сужается, новые точки роста практически не создаются.

Опровергнут тезис о том, что «кризис — это возможность», в действительности оказывается, что кризис — это яма, из которой самостоятельно выбраться могут далеко не все. Государство в силу множественности кризисных явлений и приоритетности социальной сферы не оказывает поддержку малому и среднему бизнесу, отдавая предпочтение сохранению банковской сферы и крупных, «системообразующих» промышленных предприятий.

В этот период формируется новый экономический уклад в малом и среднем бизнесе, что сопровождается появлением противоречий, особенно в сфере отношений собственности субъектов, возникшей в процессе первоначального накопления капитала. В ходе трансформаций зарождаются новые отношения отчуждения-присвоения, изменяются соотношения прав собственности (владения, пользования, распоряжения) у субъектов. В рамках этого уклада в малом и среднем бизнесе начинает доминировать тип индивида, обладающий большим числом экономических связей. Однако сохраняется вопрос о том, насколько собственник малого или среднего предприятия, находясь в развивающейся экономической системе, осознает свой статус хозяина. Проявления экономической власти со стороны государства, крупных компаний, теневых структур не позволяют предпринимателю выйти за границы психологии наемного работника, зависящего больше от внешних обстоятельств или воли властных структур, чем от собственной индивидуальности, предприимчивости, а также от объема капитала в его распоряжении.

В условиях кризиса многие представители малого и среднего бизнеса не сумели осуществить его реструктуризацию и потерпели фиаско. Происходят постоянные колебания в границах «успешность — неуспешность» в зависимости от уровня неопределенности и информационной асимметрии в рыночной среде. Запас прочности у предприятий малого и среднего бизнеса оказывается незначительным, в том числе и по причине малого объема используемого капитала. Таким образом, развитие уклада сопровождается появлением новых противоречий между государством и малым и средним бизнесом, крупными хозяйствующими субъектами и субъектами малого и среднего бизнеса.

Нарастают противоречия и внутри малого и среднего бизнеса в процессе конкуренции и борьбы за контроль доли рынка, субсидии, места деятельности. Успешность малого и среднего бизнеса зависит не только от издержек собственной хозяйственной деятельности, но и от возникающих и растущих трансакционных издержек по его поддержке, преодолению барьеров, созданных другими участниками рынка. Фигура предпринимателя претерпевает изменения, в данный момент ему мало личного энтузиазма, необходимы профессиональные навыки, умение быстро ориентироваться и приспособливаться к измене-

ниям рынка, реагировать на них, внося коррективы в процесс собственной деятельности. Кризис 2008 г. обострил названные проблемы, в этих условиях многие субъекты малого и среднего бизнеса становились банкротами, и сегмент малого и среднего бизнеса сжался.

Кризис 2008 г. стал точкой отсчета в развитии нового экономического уклада в малом и среднем бизнесе. Последовавший за кризисом экономический рост спровоцировал в первую очередь увеличение числа, объемов продаж и прибыли именно в малом и среднем бизнесе. Происходила дальнейшая реструктуризация его подсистемы, возникали новые формы регулирования (в том числе усиливалась роль саморегулируемых организаций, замещающих гослицензирование). Развивалась государственная стратегия роста числа индивидов, занятых в малом и среднем бизнесе. Сформировалась новая группа людей, осознающая свое место в экономике, обладающая определенным объемом собственности и имеющая определенную стратегию развития своего присутствия в хозяйственных процессах и отношениях, создающая собственные условия для жизнедеятельности. Делали они это на основе собственного экономического и интеллектуального потенциала, способности решать поставленные задачи, вписываясь в рыночные отношения.

Происходит трансформация структур управления малым и средним бизнесом, развиваются и создаются новые малые и средние предприятия, способные функционировать в послекризисных условиях. Растет значимость человеческого капитала в границах института частной собственности, где владелец малого или среднего предприятия сам определяет интенсивность, а также оценивает качество своего труда и труда своих работников. Этим обусловлена эффективность производственно-торговой деятельности, на основе чего формируется доход предпринимателя.

В этот период происходит изменение среды хозяйствования. Наблюдается расширение сферы активности малого и среднего бизнеса. Наряду с торговлей и строительством начинают развиваться предприятия финансового, страхового, логистического, юридического сопровождения малого и среднего бизнеса. Возникают и получают государственную поддержку инновационные предприятия, способные разрабатывать и предлагать на рынок новые виды продукции и услуг, решать вопросы новых технологий. Для этого требуются люди новой генерации. Возникает

персонифицированный субъект, обладающий высокой квалификацией, способный реализовывать новые проекты и решать нетрадиционные задачи. Складывается новая организационная модель такого бизнеса.

В этих условиях основной проблемой становится не только произвести продукт, но и продвинуть его на рынке. Экономические затраты возрастают — требуются затраты на доведение новой идеи до промышленного образца, продвижение продукта. Риски хозяйственной деятельности также увеличиваются, успешность бизнеса становится многофакторной, определяется как совокупностью затрат, так и полученной в достаточном объеме прибылью, позволяющей в условиях разнообразных рисков расширять масштабы деятельности малого и среднего предприятия. При развитии такого бизнеса нельзя сбрасывать со счетов необходимость гармонизации отношений с внутренними заинтересованными лицами и партнерами по бизнесу — владельцем идеи, работниками, воплощающими идеи в реальный

продукт, владельцами капитала, вложенного в бизнес-идею, группами из окружающей среды бизнеса.

Бизнес-структура упорядочилась и усложнилась. Идеальные для предпринимательства условия — когда она базируется на минимальном числе участников, но по мере развития их количество возрастает, интересы субъектов становятся все более разнонаправленными. Отказ от учета интересов или их ложное понимание может привести к кризису и банкротству существующих организационных структур. Однако формирование малого и среднего бизнеса, в основе которого лежит интеллектуальный капитал предпринимателя и работника, есть базис для организации технологичного производства, которое создает товары высокого качества, основу для перехода к последующим способам производства. Тренд формирования следующего уклада на основе малого и среднего бизнеса — это создание высокотехнологичных производств во всех сферах национальной экономики.

Список литературы

1. Бархатов, В. И. Сравнительный анализ подходов к определению понятия «успешность бизнеса» в современной науке / В. И. Бархатов, Д. А. Плетнев // Вестн. Челяб. гос. ун-та. — 2014. — № 18 (347). Экономика. Вып. 46. — С. 8—18.
2. Природа, факторы и измерение успешности предприятий малого и среднего бизнеса в России : монография / В. И. Бархатов [и др.] ; под общ. ред. В. И. Бархатова, Д. А. Плетнева. — М. : Перо, 2015. — 302 с.
3. Бархатов, В. И. Природа и противоречия успешности малого и среднего бизнеса в современной экономике / В. И. Бархатов // Вестн. Челяб. гос. ун-та. — 2014. — № 21 (350). Экономика. Вып. 47. — С. 8—14.
4. Николаева, Е. В. Институциональные факторы успешности предприятий среднего бизнеса в Челябинской области / Е. В. Николаева, И. А. Белова // Вестн. Челяб. гос. ун-та. — 2014. — № 21 (350). Экономика. Вып. 47. — С. 159—176.
5. Плетнев, Д. А. Взаимосвязь успешности малого и среднего бизнеса в России и социальной ответственности его руководителей / Д. А. Плетнев // Институциональная трансформация экономики: российский вектор новой индустриализации : материалы IV Междунар. науч. конф. (Омск, 21—23 окт. 2015 г.) : в 2 ч. / отв. ред. Е. А. Капогузов, Г. М. Самошилова. — Омск : Изд-во ОмГУ, 2015. — Ч. 1. — С. 492—497.
6. Бархатов, В. И. Фактор креативности персонала в устойчивом и успешном развитии современной компании / В. И. Бархатов, О. В. Дьяченко // Поиск модели эффективного развития: экономико-правовые аспекты социоэкономической модернизации на постсоветском пространстве : сб. ст. междунар. науч.-практ. конф. (2—9 сент. 2014 г.). — Краснодар : Краснодар. ун-т МВД России, 2015. — С. 48—55.
7. Колганов, А. И. Реиндустриализация как ностальгия? Теоретический дискурс / А. И. Колганов, А. В. Бузгалин // Социол. исслед. — 2014. — № 1 (357). — С. 80—94.
8. Колганов, А. И. Полемические заметки о целевых акцентах альтернативной социально-экономической стратегии / А. И. Колганов, А. В. Бузгалин // Социол. исслед. — 2014. — № 3 (359). — С. 120—131.
9. Бузгалин, А. В. Российская экономическая система: некоторые итоги «реформ» / А. В. Бузгалин, А. И. Колганов // Проблемы теории и практики упр. — 2014. — № 8. — С. 8—19.
10. Бузгалин, А. В. Эволюция экономических теорий и этапы генезиса, развития и заката рыночно-капиталистической экономической системы / А. В. Бузгалин // Проблемы соврем. экономики. — 2013. — № 4 (48). — С. 88—89.

11. Дзарасов, Р. С. Кризис капитализма и общественный строй новой России / Р. С. Дзарасов // Полис. Полит. исслед. — 2011. — № 4. — С. 41—59.
12. Дзарасов, Р. С. Капиталистическая мир-система и российская экономика в эпоху кризисных потрясений / Р. С. Дзарасов // Вестн. Рос. акад. наук. — 2011. — Т. 81, № 7. — С. 626—636.
13. Шумпетер, Й. А. Теория экономического развития / Й. А. Шумпетер. — М. : Прогресс, 1982. — 455 с.
14. Зомбарт, В. Буржуа: этюды по истории духовного развития современного экономического человека. Евреи и хозяйственная жизнь : пер. с нем. / В. Зомбарт. — М. : Айрис-пресс, 2004.
15. Бархатов, В. И. Устойчивое развитие национальной экономики России в современных условиях / В. И. Бархатов // Вестн. Челяб. гос. ун-та. — 2014. — № 9 (338). Экономика. Вып. 44. — С. 5—11.

Сведения об авторе

Бархатов Виктор Иванович — доктор экономических наук, заведующий кафедрой экономики отраслей и рынков Челябинского государственного университета, Челябинск, Россия. ieo-science@csu.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2016. No. 6 (388). Economic Sciences. Iss. 53. Pp. 114—121.

EVALUATION CRITERIA CHANGES OF SMALL AND MEDIUM BUSINESS SUCCESS IN THE EVOLUTION OF THE RUSSIAN ECONOMY

V.I. Barkhatov

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. science@csu.ru

In the article there is an author's point of view on the criterion evolution of the small and medium business success in the Russian economy since the early 1990s to the present. The process of becoming an entrepreneur is disclosed in the development of "shuttle business", especially his transformation under the privatization process and the formation of the financial system. Particular attention is paid to the process of adaptation of the characteristics of the head of small and medium enterprises to changing economic realities, what is need to be or become successful. There is a conclusion about significant changes both in the personal and professional characteristics of a successful entrepreneur in a short historical perspective.

Keywords: *small and medium business, stability of small and medium-sized businesses, the evolution of the Russian economy.*

References

1. Barkhatov V.I., Pletnev D.A. Sravnitel'nyy analiz podkhodov k opredeleniyu ponyatiya "uspeshnost' biznesa" v sovremennoy nauke [A comparative analysis of approaches to the definition of "business success" in modern science]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University], 2014, pp. 18 (347), pp. 8—18. (In Russ.).
2. Barkhatov V.I. [et al.]. *Priroda, faktory i izmereniye uspehnosti predpriyatiy malogo i srednego biznesa v Rossii* [Nature, factors and measuring of success of small and medium-sized businesses in Russia]. Moscow, Pero Publ., 2015. 302 p. (In Russ.).
3. Barkhatov V.I. Priroda i protivorechiya uspehnosti malogo i srednego biznesa v sovremennoy ekonomike [Nature and contradictions success of small and medium businesses in modern economy]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University], 2014, no. 21 (350), pp. 8—14. (In Russ.).
4. Nikolaeva E.V., Belova I.A. Institutsional'nye faktory uspehnosti predpriyatiy srednego biznesa v Chelyabinskoy oblasti [Institutional factors of success of midsize businesses in the Chelyabinsk region]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University], 2014, no. 19, pp. 159—176. (In Russ.).

5. Pletnev D.A. Vzaimosvyaz' uspehnosti malogo i srednego biznesa v Rossii i sotsial'noy otvetstvennosti ego rukovoditeley [Interrelation of small and medium-sized businesses success in Russia and social responsibility of its leaders]. *Institutsional'naya transformatsiya ekonomiki: rossiyskiy vektor novoy industrializatsii: materialy IV Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii v 2 ch.* [Institutional transformation of the economy: the Russian vector of new industrialization: proceedings of the IV International conference in 2 pt.]. Omsk, 2015. Pt. 1. Pp. 492—497. (In Russ.).

6. Barkhatov V.I., Dyachenko O.V. Faktor kreativnosti personala v ustoychivom i uspešnom razvitii sovremennoy kompanii [Creativity factor of staff in sustainable and successful development of the modern company]. *Poisk modeli effektivnogo razvitiya: ekonomiko-pravovye aspekty sotsiohozyaystvennoy modernizatsii na postsovetskom prostranstve* [Search of effective development model: economic and legal aspects socio-economical modernization of the former Soviet Union]. Krasnodar, 2015. Pp. 48—55. (In Russ.).

7. Kolganov A.I., Buzgalin A.V. Reindustrializatsiya kak nostalg'iya? [Is a deindustrialization as a nostalgia?]. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological studies], 2014, no. 1 (357), pp. 80—94. (In Russ.).

8. Kolganov A.I., Buzgalin A.V. Polemicheskiye zametki o tselevykh aktsentakh alternativnoy sotsial'no-ekonomicheskoy strategii [Polemic notes on target accents of alternative socio-economic strategy]. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological studies], 2014, no. 3 (359), pp. 120—131. (In Russ.).

9. Buzgalin A.V., Kolganov A.I. Rossiyskaya ekonomicheskaya sistema: nekotorye itogi "reform" [Russian Economic System: some results of "reforms"]. *Problemy teorii i praktiki upravleniya* [Problems of the theory and practice of management], 2014, no. 8, pp. 8—19. (In Russ.).

10. Buzgalin A.V. Evolyutsiya ekonomicheskikh teoriy i etapy genezisa, razvitiya i zakata rynochno-kapitalisticheskoy ekonomicheskoy sistemy [The evolution of economic theories and stages of genesis, development and decline of market-capitalist economic system]. *Problemy sovremennoy ekonomiki* [Problems of modern economics], 2013, no. 4 (48), pp. 88—89. (In Russ.).

11. Dzarasov R.S. Krizis kapitalizma i obshchestvennyy stroy novoy Rossii [The crisis of capitalism and the social system of the new Russia]. *Politicheskiye issledovaniya* [Political studies], 2011, no. 4, pp. 41—59. (In Russ.).

12. Dzarasov R.S. Kapitalisticheskaya mir-sistema i rossiyskaya ekonomika v epokhu krizisnykh potryaseniy [The capitalist world-system, and the Russian economy in the era of crisis shocks]. *Vestnik Rossiyskoy akademii nauk* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences], 2011, vol. 81, no. 7, pp. 626—636. (In Russ.).

13. Shumpeter Y.A. *Teoriya ekonomicheskogo razvitiya* [Theory of Economic Development]. Moscow, Progress Publ., 1982. 455 p. (In Russ.).

14. Zombart V. *Burzhua: etyudy po istorii dukhovnogo razvitiya sovremennogo ekonomicheskogo cheloveka. Evrei i hozyaystvennaya zhizn'* [Bourgeois: studies on the history of the spiritual development of the modern economic man. Jews and economic life]. Moscow, Ayris-press Publ., 2004. (In Russ.).

15. Barkhatov V.I. Ustoychivoye razvitie national'noy ekonomiki Rossii v sovremennykh usloviyakh [Sustainable development of Russia's national economy in modern conditions]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University], 2014, no. 9 (338), pp. 5—11. (In Russ.).

УДК 338.36
ББК У301-551

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ИННОВАЦИОННОГО ПОТЕНЦИАЛА ПРОМЫШЛЕННОГО ПРЕДПРИЯТИЯ

Н. А. Маерина

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

Обобщены основные теоретико-методологические аспекты исследования инновационного потенциала промышленного предприятия, различные терминологические трактовки смыслового содержания понятий «наукоемкость», «инновации», «инновационный потенциал»; обоснована необходимость исследования инновационного потенциала промышленного предприятия исходя из совокупности составляющих его критериев; выявлена необходимость исследования субъектной составляющей в оценке инновационного потенциала промышленного предприятия. Актуализируются отдельные направления теоретического и методологического исследования в области анализа и оценки инновационного потенциала промышленного предприятия, в том числе при оценке факторов, оказывающих качественное влияние на потенциал.

Ключевые слова: *инновационная деятельность, инновации, наукоемкость, предприятие, потенциал, инновационный потенциал, ресурсы, человеческий капитал.*

Стратегия инновационного развития Российской Федерации, разработанная на основе положений Концепции долгосрочного развития РФ на период до 2020 г. в соответствии с Федеральным законом «О науке и государственной научно-технической политике» от 27 августа 1996 г. № 127-ФЗ, определяет комплекс мероприятий, связанных с реализацией положений инновационной политики, и устанавливает ориентиры развития субъектам инновационной деятельности в период перехода к инновационной экономике, основанной на знаниях. Стратегия определяет основные приоритеты инновационного развития, среди которых — развитие человеческого капитала, повышение инновационной активности бизнеса, и впервые декларирует положение, в соответствии с которым направления стратегического развития должны опираться на результаты всесторонней оценки инновационного потенциала. Положения стратегии регламентируют необходимость использования инновационных механизмов и инструментов производственными предприятиями, что обуславливает развитие в том числе наукоемких отраслей, к которым относится промышленность.

Появление категории «наукоемкость» является результатом естественной эволюции технико-экономического и технологического развития. В наиболее общем смысле под наукоемкостью понимается доля участия такого фактора, как на-

ука, в создании того или иного вида продукции или услуги. Ряд исследователей под наукоемкостью понимают показатель, который характеризует долю научно-исследовательской деятельности и разработок в общем объеме деятельности и применяется для оценки научно-технического уровня отраслей и предприятий, либо показатель степени связи технологии с научными исследованиями и разработками. Анализ различных подходов к определению сущности и содержания «наукоемкости» показал, что термины и понятия, относящиеся к наукоемкости технологий, отраслей и изделий не стандартизированы, как не стандартизированы и методики определения такого показателя. Унифицированная методология идентификации высокотехнологичных отраслей промышленности к настоящему времени не сформирована, так же как и унифицированная методика оценки инновационного потенциала — той части потенциала промышленного предприятия, на которую в значительной степени оказывает влияние «наукоемкость», являясь одним из ведущих факторов конкурентоспособности предприятия и его продукции [6].

Предприятие как социально-экономическая система представлено в отдельных исследованиях в виде целостной совокупности взаимосвязанных и взаимодействующих социально-экономических институтов (субъектов) и отношений по поводу распределения и потребления материальных

и нематериальных ресурсов, производства, распределения, обмена и потребления товаров и услуг [5]. Исследуя потенциал предприятия как потенциал социально-экономической системы, сторонники данного подхода рассматривают его как совокупность факторов, имеющих в наличии ресурсы, источников пополнения запасов, которые могут быть реализованы и приведены в действие для достижения определенной цели, решения какой-либо задачи, получения определенной возможности [7].

Применение современных методов и механизмов управления в процессе обеспечения конкурентоспособности продукции требует от субъектов хозяйственной деятельности новаторского подхода, сутью которого являются поиск и реализация инноваций, изучение различных трактовок понятия, которое показало неоднозначность определения его сущности и содержания. Термин «инновация» (от лат. *innovare* — «использовать нечто новое») в процессе эволюции к современному моменту имеет достаточно большое количество определений, что свидетельствует о сложности и многоаспектности данной научной категории. Словарное содержание «инновации» определяет ее как «нововведение в области техники, технологии, организации труда и управления, основанное на использовании достижений науки и передового опыта, а также использование новшеств в самых разных областях и сферах деятельности». В зарубежной экономической литературе в отличие от отечественной термин «инновация» применяется в аспекте специфического процесса, который через практическое использование идей и изобретений приводит к созданию лучших по свойствам изделий и технологий. В современной экономической литературе основные подходы к толкованию термина «инновация» осуществляются с точки зрения «процесс — результат» [6].

В аспекте исследования роли инноваций в реализации целей промышленного предприятия как социально-экономической системы под инновациями, присоединяясь к мнению ряда исследователей, мы понимаем процесс прохождения нововведения в рамках какой-либо системы от начала зарождения идеи до получения конкретных результатов реализации этой идеи в виде существенных изменений ее состояния. Данный процесс на уровне хозяйствующего субъекта может быть осуществлен в том числе с помощью инновационных проектов, реализуемых через иннова-

ционную деятельность, способность осуществления которой определяется его инновационным потенциалом и выделение которой в специальный объект актуализирует отдельное направление исследования.

Анализ существующей научной литературы и публикаций показал неоднозначность подходов к пониманию сущности и содержания инновационного потенциала.

Определяя инновационный потенциал как «способность системы к трансформации фактического порядка вещей в новое состояние для удовлетворения существующих или вновь возникающих потребностей (субъекта-новатора, потребителя, рынка и т. п.)», В. Г. Матвейкин с соавт. наделяют инновационный потенциал характеристикой «способности системы к изменению, улучшению, прогрессу» [10]. Способность сферы НИОКР обеспечивать нововведениями процесс обновления производственного аппарата усматривает в инновационном потенциале Г. А. Барышева [1]. Исследуя инновационный потенциал как научно-технический потенциал страны, Б. А. Райзберг, Л. Ш. Лозовский, Е. Б. Стародубцева определяют его с точки зрения совокупности специальных институтов в виде научно-исследовательских, проектно-конструкторских, технологических организаций, экспериментальных производств, опытных полигонов, учебных заведений, а также персонала и технических средств этих организаций [14]. Г. М. Гукасян рассматривает инновационный потенциал как способность различных отраслей народного хозяйства производить наукоемкую продукцию, отвечающую требованиям мирового рынка, где инновационный потенциал включает научные, проектные и конструкторские разработки, мощности экспериментальных услуг, связанные с подготовкой нового производства, инструмент и оснастку для наукоемких операций, средства технологического контроля и т. д. [2]. В Постановлении Правительства РФ от 24 июля 1998 г. № 832 «О Концепции инновационной политики Российской Федерации на 1998—2000 годы» инновационный потенциал (государства, региона, отрасли, организации) определяется как совокупность различных видов ресурсов, включая материальные, финансовые, интеллектуальные, научно-технические и иные ресурсы, необходимые для осуществления инновационной деятельности [13].

Таким образом, большинство подходов, в том числе нормативный, учитывают ресурсно-факторную

составляющую инновационного потенциала, а ресурсно-субъектная составляющая остается недостаточно исследована и регламентирована. Значимость финансово-экономической составляющей инновационного потенциала в изученных понятиях безусловная, но система отношений людей, которые, исходя из содержательного понимания «инновационного потенциала», реализуют инновационный проект, не учитывается. Один и тот же инновационный проект при одних и тех же материальных и финансовых ресурсах разные группы людей могут реализовать по-разному, что актуализирует направление исследования субъектной составляющей инновационного потенциала промышленного предприятия.

Содержание отдельных определений потенциала предприятия основано на использовании человеческого познания, которое, согласно философскому энциклопедическому словарю, является высшей формой отражения объективной действительности. В познании существуют разные уровни: чувственное, мышление, эмпирическое и теоретическое познание. Наряду с этим выделяют различные формы познания: направленное на получение знания, неотделимого от индивидуального субъекта, и направленное на получение обобщенного знания, существующего вне индивида. В этой связи способность получения знания и его использование в процессе деятельности логично дополняет ресурсно-результативный подход к системному определению инновационного потенциала элементами структуры человеческого капитала, где знания становятся важнейшим фактором производства, одним из главных источников роста производительности и конкурентных преимуществ и проявляются в навыках, умениях, профессиональном уровне, которые в совокупности с интеллектом человека, характеризующим качество и степень использования человеческого капитала, становятся движущей силой производства инноваций. Таким образом, в процессе всестороннего исследования инновационного потенциала промышленного предприятия необходимо принимать во внимание всю совокупность критериев, учитывающих как финансово-экономические, так и социально-управленческие аспекты функционирования предприятия, что позволит существенно повысить качество управления инновациями [6; 7]. Это должно затрагивать вопросы не только регламентации отношений в области инновационной деятельности и направлений инновационной

стратегии предприятий, но и нормативного закрепления методологических положений.

Инновационная политика, согласно Стратегии инновационного развития России, реализуется через комплекс мероприятий и носит декларативный характер, а регулирование инновационной деятельности во многих аспектах происходит без надлежащего исследования применяемых категорий и инструментов, что обуславливает ряд проблем, связанных с правовой регламентацией отношений в области производства и использования инноваций [8]. Понятийный аппарат, обеспечивающий понимание категорий в сфере инноваций, требует научного обоснования и уточнения, так как отсутствие в нормативных правовых актах унифицированной терминологии и инновационного инструментария приводит к сложности определения правового статуса субъектов инновационной деятельности и методологии оценки их инновационного потенциала, который является основой для принятия решений, связанных с финансированием инновационных проектов.

Несмотря на наличие достаточного количества публикаций в области исследования инновационного потенциала, механизм оценки и комплексная модель оценки инновационного потенциала, в том числе наукоемких предприятий, к которым относятся промышленные предприятия, в настоящее время не имеют окончательной разработанности. Различные способы оценки инновационного потенциала предприятий, предлагаемые авторами публикаций (на основе ресурсного подхода, интегральной оценки, оценки по различным группам показателей, по привлекательности условий, по различным составляющим инновационного потенциала), как правило, основываются на расчете реально определяемых экономических показателей, используемых в системе финансово-экономических расчетов, и направлены на анализ инвестиционных ресурсов предприятия, включая производственные, финансовые, трудовые, информационные и др.

Формирование инновационного потенциала промышленного предприятия осуществляется не только под воздействием факторов, оказывающих количественное влияние на состояние всей системы. Разрабатываемые комплексные методики оценки инновационного потенциала, таким образом, должны включать оценку факторов, оказывающих качественное влияние на потенциал осуществления инновационных проектов и учи-

тывающих в рамках предпринимательской деятельности влияние системы взаимоотношений людей, которые будут реализовывать инновационный проект. Именно эта группа факторов, основой которой является человеческий капитал, обеспечивает наличие субъектной составляющей инновационного потенциала и определяет способность промышленного предприятия к развитию и осуществлению инновационной деятельности. Проблема применения методов количественного

финансового анализа для оценки данной группы факторов в структуре инновационного потенциала может быть решена на основе специального инструментария, методология использования которого логично дополнит разрабатываемые модели комплексной оценки инновационного потенциала промышленного предприятия, что обеспечит реализацию положений Стратегии инновационного развития в части использования всесторонней оценки инновационного потенциала.

Список литературы

1. Барышева, Г. А. Инновационный фактор и интеллектуальный ресурс в динамизации экономики России / Г. А. Барышева ; под ред. Ю. С. Нехорошева. — Томск : Томс. гос. ун-т, 2001. — 221 с.
2. Гукасян, Г. М. Экономика от А до Я : тематич. справ. [Электронный ресурс] / Г. М. Гукасян. — URL: <http://vocabulary.ru/dictionary/910/word/inovacionyi-potencial>.
3. Костенко, М. А. Правовые основы инновационной деятельности : учеб. пособие / М. А. Костенко. — Таганрог : Изд-во ТТИ ЮФУ, 2012. — 72 с.
4. Квеско, Р. Б. Инновационный менеджмент / Р. Б. Квеско, С. Б. Квеско. — Томск: Изд-во Томс. политехн. ун-та, 2009. — 160 с.
5. Лясковская, Е. А. Экономико-статистическое исследование потенциала, устойчивости и процессов развития: предприятие, отрасль, регион : монография / Е. А. Лясковская. — Челябинск : Изд-во ЮУрГУ, 2007. — 384 с.
6. Маврина, Н. А. Инновационный потенциал промышленного предприятия: теоретические аспекты анализа / Н. А. Маврина // Сборник научных трудов IX региональной научно-практической конференции «Проблемы управления социально-экономическими системами в условиях инновационного развития». Ч. 1. — Челябинск : Энциклопедия, 2015. — С. 139—43.
7. Маврина, Н. А. К вопросу об исследовании сущности потенциала предприятия / Н. А. Маврина // Вестн. Челяб. гос. ун-та. — 2014. — № 5 (334). Экономика. Вып. 43. — С. 145—148.
8. Маврина, Н. А. К вопросу о правовом регулировании инновационной деятельности в Российской Федерации / Н. А. Маврина // Вестн. Челяб. гос. ун-та. — 2015. — № 23 (378). Право. Вып. 44. — С. 31—35.
9. Маврина, Н. А. Смена парадигм как условие развития человеческого капитала / Н. А. Маврина // Сборник научных трудов VI региональной научно-практической конференции «Проблемы в управлении социально-экономическими системами в условиях инновационного развития». Ч. 1. — Челябинск : Энциклопедия, 2012. — С. 186—192.
10. Инновационный потенциал: современное состояние и перспективы развития : монография / В. Г. Матвейкин [и др.]. — М. : Машиностроение-1, 2007. — 284 с.
11. Миско, К. М. Ресурсный потенциал региона (теоретические и методологические аспекты исследования) / К. М. Миско. — М. : Наука, 1991. — 94 с.
12. О науке и государственной научно-технической политике : федер. закон от 27 авг. 1996 г. № 127-ФЗ.
13. О Концепции инновационной политики Российской Федерации на 1998—2000 годы : постановление Правительства РФ от 24 июля 1998 г. № 832.
14. Райзберг, Б. А. Современный экономический словарь / Б. А. Райзберг, Л. Ш. Лозовский, Е. Б. Стародубцева. — М. : ИНФРА-М, 1996. — 496 с.
15. Стратегия инновационного развития России на период до 2020 года (утв. Распоряжением правительства РФ от 8 дек. 2011 г. № 2227-р) [Электронный ресурс] // Гарант : информ.-правовой портал. — URL: <http://garant.ru/products/ipo/prime/doc/70006124/>.

Сведения об авторе

Маврина Наталья Александровна — старший преподаватель кафедры учета и финансов Челябинского государственного университета. mna@csu.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2016. No. 6 (388). Economic Sciences. Iss. 53. Pp. 122—127.

THEORETICAL AND METHODOLOGICAL ASPECTS OF RESEARCH OF THE INNOVATIVE POTENTIAL OF INDUSTRIAL ENTERPRISES

N.A. Mavrina

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. mna@csu.ru

The paper summarizes the main theoretical and methodological directions of the research of innovative potential of industrial enterprises, various terminological interpretation of the semantic content of the concepts of “knowledge intensity”, “innovation”, “innovation potential”; the necessity of research of innovative potential of industrial enterprise on the basis of the combination of components its criteria; identified the need to study the subjective component in the evaluation of innovative potential of industrial enterprises. Updated separate line of theoretical and methodological research in the field of analysis and evaluation of innovative potential of industrial enterprises, including in the evaluation of factors having a qualitative impact on the potential.

Keywords: *innovative activity, innovations, research intensity, the company, potential, resources, innovation potential, human capital.*

References

1. Barysheva G.A. *Innovatsionnyy faktor i intellektual'nyy resurs v dinamizatsii ehkonomiki Rossii* [The Innovation factor and the intellectual resource in the dynamization of the Russian economy]. Tomsk, 2001. 221 p. (In Russ.).
2. Gukas'yan G.M. *Ekonomika ot A do Ya: Tematicheskiy spravochnik* [The Economy from A to Z: Thematic guide]. Available at: <http://vocable.ru/dictionary/910/word/inovacionyi-potencial> (In Russ.).
3. Kostenko M.A. *Pravovye osnovy innovatsionnoy deyatel'nosti* [Legal basis of the innovation activity]. Taganrog, 2012. 72 p. (In Russ.).
4. Kvesko R.B., Kvesko S.B. *Innovatsionnyy menedzhment* [Innovation management]. Tomsk, 2009. 160 p. (In Russ.).
5. Lyaskovskaya E.A. *Ekonomiko-statisticheskoye issledovaniye potentsiala, ustoychivosti i protsessov razvitiya: predpriyatie, otrasl', region* [Economic and statistical research capacity, sustainability, and development processes: enterprise, branch, region]. Chelyabinsk, 2007. 384 p. (In Russ.).
6. Mavrina N.A. Innovatsionnyy potentsial promyshlennogo predpriyatiya: teoreticheskiye aspekty analiza [Innovative potential of industrial enterprise: theoretical aspects of the analysis]. *Sbornik nauchnykh trudov IX regional'noy nauchno-prakticheskoy konferentsii “Problemy upravleniya sotsial'no-ekonomicheskimi sistemami v usloviyakh innovatsionnogo razvitiya”. Chast' 1* [The innovative potential of industrial enterprises: theoretical aspects of the analysis. Proceedings of the IX Regional scientific-practical conference “Problems of socio-economic systems in the conditions of innovative development”. Pt. 1]. Chelyabinsk, Entsiklopediya Publ., 2015. Pp. 139—143. (In Russ.).
7. Mavrina N.A. K voprosu ob issledovanii sushchnosti potentsiala predpriyatiya [To the question of the essence of potential of the enterprise]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University], 2014, no. 5, pp. 145—148. (In Russ.).
8. Mavrina N.A. K voprosu o pravovom regulirovanii innovatsionnoy deyatel'nosti v Rossiyskoy Federatsii [To the question of legal regulation of innovative activity in the Russian Federation]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University], 2015, no. 23 (378), pp. 31—35. (In Russ.).
9. Mavrina N.A. Smena paradigm kak usloviye razvitiya chelovecheskogo kapitala [The change of paradigms as a condition of human capital development]. *Sbornik nauchnykh trudov VI Regional'noy nauchno-prakticheskoy konferentsii “Problemy v upravlenii sotsial'no-ekonomicheskimi sistemami v usloviyakh innovatsionnogo razvitiya”. Chast' 1* [Collection of scientific works of VI Regional scientific and practical conference “Problems in the management of socio-economic systems in the conditions of innovative development”. Pt. 1]. Chelyabinsk, Entsiklopediya Publ., 2012. Pp. 186—192. (In Russ.).

10. Matveykin V.G. *Innovatsionnyy potentsial: sovremennoye sostoyaniye i perspektivy razvitiya* [Innovation potential: current state and prospects of development]. Moscow, Mashinostroeniye-1 Publ., 2007. 284 p. (In Russ.).
11. Misko K.M. *Resursnyy potentsial regiona (teoreticheskiye i metodologicheskiye aspekty issledovaniya)* [Resource potential of a region (theoretical and methodological aspects of studying)]. Moscow, Nauka Publ., 1991. 94 p. (In Russ.).
12. *On science and state scientific-technical policy: the Federal law. 27.08.1996, no. 127-FZ.* (In Russ.).
13. *The Decree of the Government of the Russian Federation of 24 July 1998, no. 832 "On the Concept of innovation policy of the Russian Federation on 1998—2000".* (In Russ.).
14. Rayzberg B.A., Lozovskiy L.Sh., Starodubtseva E.B. *Sovremennyy ekonomicheskiy slovar'* [Modern economic dictionary]. Moscow, INFRA-M Publ., 1996. 496 p. (In Russ.).
15. *Strategy of innovative development of Russia for the period until 2020 (approved by Decree of the RF government dated 8 Dec. 2011, no. 2227-R).* Available at: <http://garant.ru/products/ipo/prime/doc/70006124/> (In Russ.).

УДК 334.021
ББК У290.31

УСПЕШНОСТЬ МАЛОГО И СРЕДНЕГО БИЗНЕСА В РОССИИ И СОЦИАЛЬНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЕГО РУКОВОДИТЕЛЕЙ¹

Д. А. Плетнев, Е. В. Николаева

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

Развитие малого и среднего бизнеса рассматривается сегодня в качестве одного из потенциальных драйверов российской экономики. Государство прилагает серьезные усилия для запуска механизма устойчивого воспроизводства практик успешного развития бизнеса, но значительная часть этих усилий низкоэффективна. Одна из основных причин — повышенное внимание к внешним для предприятий факторам и недостаточное к внутренним. Целью статьи является исследование влияния важнейшего внутреннего фактора успешности — человеческого потенциала, который проявляется в профессиональных и личных качествах работников, умении действовать единой командой. Показана взаимосвязь расходов на оплату труда и успешности бизнеса. Анализ факторов успешности проведен на основании опроса руководителей 250 предприятий в ноябре 2014 г. Особое внимание уделено доле расходов на оплату труда и вознаграждения руководителей в структуре выручки. Выявлено, что при осознании важности человеческого потенциала руководители не оказывают материальной поддержки его развитию при росте успешности. Результаты могут быть использованы руководителями предприятий малого и среднего бизнеса при разработке стратегии развития человеческого потенциала, учеными в исследованиях факторов успешности таких предприятий, регулирующими органами при разработке политики поддержки малого и среднего бизнеса.

Ключевые слова: *успешность малого и среднего бизнеса, социальная ответственность руководителей.*

В современной экономике малый и средний бизнес играет важную роль. В некоторых европейских странах он занимает до 80 % в валовом внутреннем продукте и структуре занятости. Ситуация в России несколько иная — есть наследие советской экономики, в которой отдавалось предпочтение крупным организационным формам ведения хозяйственной деятельности. В условиях экономического кризиса роль малого бизнеса усиливается тем, что он начинает выполнять важную «амортизирующую» функцию. Работники, увольняемые с крупных предприятий, получают возможность реализовать себя и сохранить достаточный уровень дохода благодаря участию или даже открытию своего малого бизнеса. Сегодня предприятия среднего и малого бизнеса развиваются, государство их поддерживает (создается даже Федеральная корпорация по развитию малого и среднего предпринимательства [1]), но до сих пор они выполняют вспомогательную функцию и не состоялись как самостоятельные субъекты экономики. Исключение составляют компании, которые развиваются в сфере интернет-торговли, IT и мар-

кетинга. В российской экономике в целом примеры успешного ведения малого и среднего бизнеса есть, и важной задачей является их отыскание и выявление их «секретов успеха», благодаря которым они остаются успешными в среде, этому не благоприятствующей. Проведенное ранее исследование мнения руководителей предприятий среднего и малого бизнеса в России [2] показало, что наиболее значимым фактором успеха для малых и средних предприятий являются профессиональные и личные качества работников. В связи с этим возникает актуальная задача оценки взаимосвязи тех усилий и затрат, которые осуществляют предприниматели для развития человеческого потенциала на своих предприятиях, и успешности самих малых и средних предприятий. Целью статьи является анализ взаимосвязи успешности предприятий среднего и малого бизнеса и затрат на оплату труда. Этот анализ осуществлен на основе проведенного авторами анкетирования руководителей среднего и малого бизнеса в ноябре 2014 г.

Проблема успешности среднего и малого бизнеса рассматривалась в работах многих авторов. Э. Ромар [3] анализировал соотношение стратегических ожиданий и успешности фирм.

¹ Исследование выполнено на средства гранта Российского научного фонда (проект № 14-18-02508).

Ф. Сигер [4] посвятил исследование проблеме оценки долгосрочной успешности семейных фирм. М. Дженсен [5] указал на возможные способы разрешения противоречия в двух конкурирующих индикаторах успешности фирмы — максимизации стоимости и общественного благосостояния. Дж. Бронштейн, К. Букафуско, Дж. Мазур [6] рассмотрели новое измерение успешности бизнеса «анализ благополучия» как альтернативу анализу «издержки — выгоды».

Ряд авторов уделили особое внимание изучению факторов, влияющих на успешность среднего и малого бизнеса. Среди них особое место занимают работы, которые определяют влияние «капитала красоты» руководителя на успешность бизнеса. С. Браун [7] указал на прикладное значение неудач в бизнесе как фактора последующего успеха, основанное на концепции С. Беккета. С. Вонг и коллеги [8] применили подход «мотивация — способности» для оценки успешности малых и средних китайских предприятий-вендоров, занимающихся производством электроники. Они установили, в частности, влияние неформальных связей на успешность китайских предприятий.

Г. Бергер-Уолистер и коллеги [9] указали на важное значение фактора определенности в контрактных отношениях для достижения успеха в среднем и малом бизнесе, а также предложили широко использовать новую форму такого контракта — «визуализированную».

Не обделены вниманием такие факторы успешности малых и средних предприятий, как пол руководителя (С. Готтшалк и М. Ниферт [10]) и его привлекательность, «капитал красоты» [12]. Также важным фактором успешности бизнеса признается «эмоциональный интеллект» руководителя [11], который влияет на приверженность работников фирме и их вовлеченность в производство.

Существует ряд исследований, посвященных выявлению национальных особенностей успешности бизнеса. Группа исследователей из университета Сен-Галлена [13] изучила факторы успеха швейцарских средних и малых предприятий. Среди позитивно влияющих факторов названы профессиональные качества работников, инфраструктура, доступность финансовых ресурсов, а также ценности общества. Негативное влияние оказали такие факторы, как экономическая среда (в том числе рецессия) и государственное регулирование, включая налогообложение.

Ч. Чититхаворн и коллеги [14] проанализировали факторы успешности среднего и малого бизнеса в Таиланде и выявили, что основными из них, учитывая специфику тайской экономики и результат проведенного ими масштабного опроса, являются: отношения с клиентами, способ ведения бизнеса и кооперация (по сути, отношения с поставщиками), доступ к финансовым и иным ресурсам и внешняя среда. Такие факторы, как менеджмент инноваций, сервисное обслуживание и стратегия бизнеса, напротив, не оказали серьезного влияния на его успешность. Следует отметить, что в проведенном исследовании отсутствовал анализ факторов, связанных с человеческими ресурсами. Видимо, для тайской экономики он не входит в число требующих анализа по причине однородности качества используемых ресурсов.

Подробное исследование факторов успешности среднего и малого бизнеса в национальной экономике Пакистана представлено в работе [15]. Здесь из выделенных для опроса семи факторов все оказались важными, причем если расположить их по снижению значимости, то получится такой ряд: финансовые ресурсы, технологические ресурсы, предпринимательские навыки, поддержка государства, маркетинговая стратегия, качество бизнес-планирования и доступ к информации. Авторы не уточняют, был ли рассмотрен человеческий фактор, в том числе профессиональные и личные качества работников, однако его отсутствие в списке значимых факторов довольно показательно: для крупной пакистанской экономики, где средний и малый бизнес сосредоточен в легкой промышленности и металлургии, трудовые ресурсы, по-видимому, представляют собой однородную массу.

Согласно данным исследования частного и семейного бизнеса, организованного компанией PWC [16], отсутствие на рынке труда достаточного количества специалистов, обладающих необходимыми знаниями и навыками, является общемировой тенденцией. Даже в развитых странах, таких как Великобритания, ощущается нехватка высококвалифицированных молодых специалистов. В ходе исследования руководителям малых и средних предприятий из разных стран предлагалось ответить на вопрос: «Обладают ли молодые специалисты, которые выходят на рынок труда, необходимыми знаниями и навыками?» Наименее устраивают работодателей молодые специалисты из стран: ЮАР, Великобритания,

Россия, где доля отрицательных ответов была максимально высока. В число стран, где наблюдается похожая ситуация недовольства работодателей уровнем подготовки специалистов, попали страны как Западной (Италия, Франция), так и Восточной (Румыния) Европы. Также данный показатель достаточно низкий в странах Латинской Америки (например, в Бразилии) и некоторых странах Азиатско-Тихоокеанского региона (Южная Корея). Это означает, что в современной экономике развитие человеческих ресурсов в значительной степени отстает от развития науки и техники и является сдерживающим фактором экономического роста стран в целом и отдельных предприятий в частности.

Обобщая представленные выше исследования факторов успешности, необходимо отметить, что, за редким исключением, это попытки отыскать факторы успеха среднего и малого бизнеса за пределами самого бизнеса: например, государственная поддержка или ее отсутствие, банки, законодательная система. На наш взгляд, больше внимания стоит уделить изучению внутренних причин успеха, поиску факторов, которыми может управлять сам бизнес, и среди важнейших — расходы на заработную плату. Чем они выше — и в абсолютном выражении, и в пересчете на одного работника, и в соотношении с выручкой, — тем больше внимание, которое уделяют работникам на предприятиях. Также важную информацию об отношении к персоналу может дать анализ соотношения зарплат руководителей и рядовых сотрудников.

Методология и данные

Использовались данные организованного и проведенного авторами исследования факторов успешности среднего и малого бизнеса в форме опроса его руководителей. Всего опрошено более 250 руководителей, после предварительного анализа в качестве выборки были определены 212 из них. В числе прочих задавались вопросы о ключевых и значимых факторах успешности, о барьерах, мешающих бизнесу стать успешным, о самооощении руководителя (является ли его бизнес успешным), а также об уровне оплаты труда на предприятии и его соотношении с уровнем доходов руководителя. Группировка и сравнение полученных результатов легли в основу настоящего исследования. При проведении анализа использовались такие методы, как аналитическая группировка, гра-

фический метод, корреляционный анализ качественных признаков.

Исходя из анализа существующих подходов и фактически сложившихся норм в среде среднего и малого бизнеса в России [17] его успешность оценивалась при помощи показателя рентабельности собственного капитала («отдачи от вложенного капитала», как это было сформулировано в опросе). Расходы на оплату труда оценивались по результатам трех вопросов: о величине средней заработной платы; структуре выручки и доле заработной платы в ней; и о соотношении.

Результаты

В целом исследуемые предприятия представляли различные сферы деятельности, однако показательным является то, что в выборке преобладали представители сферы услуг. Речь в первую очередь идет о торговле, финансовых услугах и консалтинге. Также значимую долю составили сферы деятельности, связанные со строительством. Сельское хозяйство, легкая промышленность и ИТ практически не были представлены. Опрос показал, что в качестве ключевого фактора успешности бизнеса подавляющее большинство руководителей выделяют работников, их профессиональные и личные качества. Всего более 75,9 % респондентов указали на ключевой характер этих факторов, а 16,5 % отметили его значимое влияние (итого 92,4 % предпринимателей выделили этот фактор). Кроме того, факторами, которые оказали наиболее сильное влияние на успешность бизнеса, названы хорошие, доверительные отношения с клиентами и с поставщиками (в анкете это было два варианта ответа): 52,4 % выделили этот фактор как ключевой, еще 18,8 % — как значимый (итого 71,2 %). Также отмечены предпринимательские способности высшего менеджмента и самого руководителя (29,2 % назвали этот фактор ключевым, еще 13,7 % — значимым; итого 42,9 %) (подробнее см. в [2]). Остальные факторы набрали существенно меньше голосов.

Интересные результаты получены в ходе анализа ответа на вопрос о рентабельности бизнеса, отдаче от вложенного капитала. Во-первых, более половины (52,0 %) руководителей отметили, что имеют рентабельность ниже 12 % — фактического уровня инфляции в России, то есть по этому критерию их капитал не приумножился, а в той или иной степени обесценился. Однако более трех четвертых из них (79,1 %) утверждают, что

их бизнес успешен, то есть, несмотря на декларирование прибыли как основной меры успешности, бизнес вполне может признаваться успешным и в случае отсутствия прибыли в объеме, достаточном для «компенсации» владельцам инфляции. В целом распределение предприятий по рентабельности получилось равномерным, а среднее значение составило 19,4 % (рис. 1).

Теперь перейдем к анализу фактора влияния оплаты труда на успешность бизнеса. В анкете было три вопроса по этому поводу: «Какой средний уровень заработной платы на предприятии?»; «Во сколько раз доход руководителя больше заработной платы работника с полной занятостью и минимальным доходом?»; а также открытый вопрос о структуре выручки, в числе элементов которого была указана и заработная плата.

Первый важный с этой точки зрения момент — взаимосвязь среднего уровня оплаты и успешности бизнеса. И здесь говорить о причинно-следственных связях нужно осторожно, поскольку возможны оба варианта: влияние как оплаты труда на успешность бизнеса, так и успешности бизнеса на уровень зарплат в нем. Количественно результат отражен на рис. 2. Был установлен характер распределения предприятий как в целом по выборке, так и по трем группам: низкорентабельным (отдача от вложенного капитала до 12 %), среднерентабельным (от 13 до 30 %) и высокорентабельным (более 30 %).

На низкорентабельных предприятиях в подавляющем большинстве случаев доход работников не превышает 20 тыс. р. — это значительно меньше среднего уровня заработной платы в России. Кроме того, персонал четверти предприятий получает заработную плату менее 15 тыс. р., что позволяет балансировать на черте бедности и не способствует проявлению лучших качеств в бизнесе и ощущению сопричастности к нему. Среднерентабельные предприятия имеют модальное значение рентабельности на более высоком уровне — от 20 тыс. до 25 тыс. р., а само распределение носит более равномерный характер. Высокорентабельные предприятия характеризуются более сложной зависимостью, в распределении по заработной плате фигурируют три модальных интервала: от 15 до 20, от 25 до 30 и от 35 тыс. р. По всей видимости, руководство высокорентабельных предприятий следует различной логике в вопросе формирования уровня оплаты труда. Часть полагает, что если и так все идет хорошо, то нет смысла что-либо менять и дополнительно стимулировать сотрудников. Другие связывают уровень оплаты труда с рентабельностью бизнеса и пропорционально увеличивает первый с ростом второго. Третья, самая малочисленная, но значимая группа (6 из 35 высокорентабельных предприятий) характеризуется принципиально иным подходом к оплате труда,

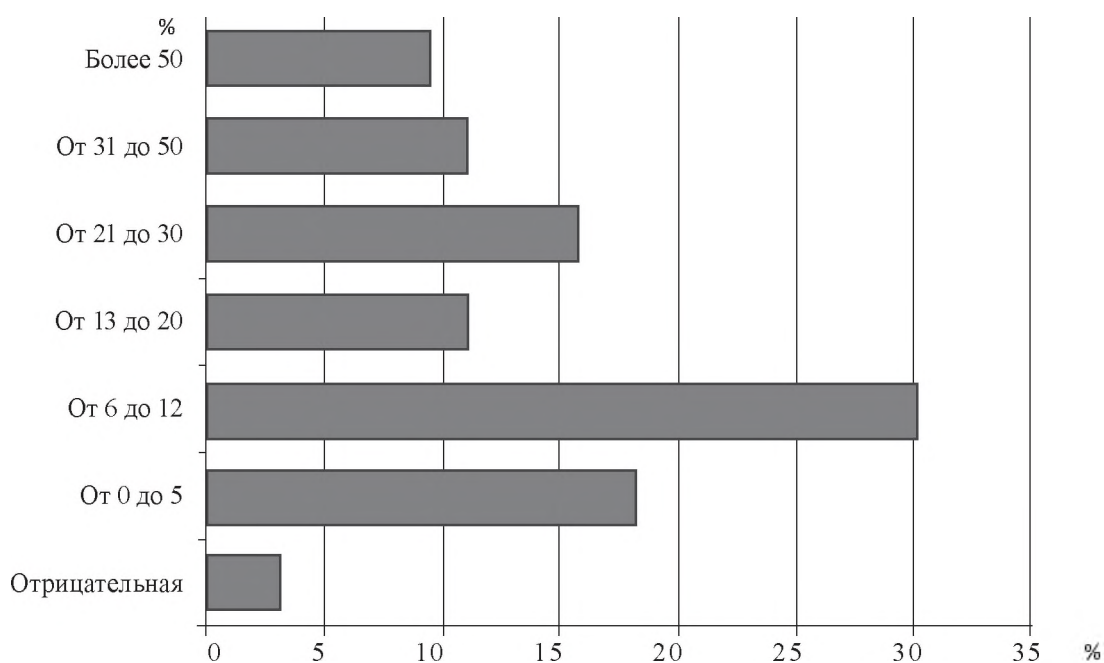

Рис. 1. Отдача от вложенного капитала (рентабельность собственного капитала) малых и средних предприятий (данные опроса руководителей российских малых и средних предприятий в ноябре 2014 г.)

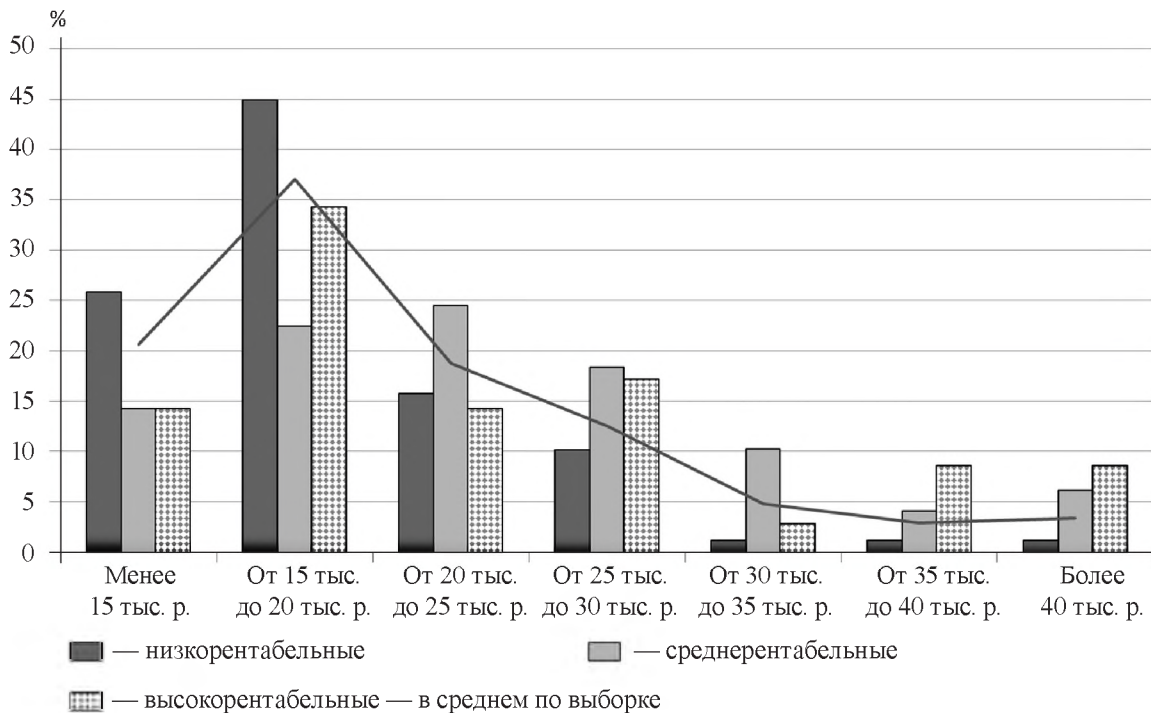

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос об уровне оплаты труда в зависимости от рентабельности бизнеса (данные опроса руководителей российских малых и средних предприятий в ноябре 2014 г.)

для них это один из приоритетов деятельности, ключевой фактор успеха.

Во втором вопросе в целом по выборке ответы распределились так, как показано на рис. 3. Вполне ожидаемо дифференциация доходов оказалась на большинстве предприятий незначительной и укладывалась в рамки предложенного П. Друкером соотношения (8 : 1). Однако вместе с тем можно выделить значительную долю предприятий, на которых эта разница существенна. Около 25 % респондентов ответили, что это соотношение 10 : 1 или больше. У 12 предприятий соотношение оказалось более чем 25-кратным. Такое распределение может объясняться спецификой бизнеса, его зависимостью от качества труда работников, персональной позицией руководителя по этому вопросу.

Далее был проведен анализ распределения ответов на этот же вопрос в группах с разным уровнем рентабельности. Результаты отражены в таблице на с. 134, из которой видно, что имеют место существенные различия в распределении предприятий по соотношению дохода для разных групп по рентабельности. Статистическая значимость различий подтверждается на уровне 0,1 % (расчетное значение хи-квадрат 34,04, табличное — 26,1). Зависимость этих переменных носит нелинейный характер. Так, для низкорентабельных

предприятий характерно более равномерное распределение дохода, а доля высокодифференцированных по оплате предприятий, напротив, мала, в то время как с ростом рентабельности до среднего резко возрастает доля руководителей, имеющих более высокую разницу в доходах с рядовыми работниками. Однако для предприятий с еще более высоким уровнем рентабельности ситуация с распределением становится похожа на ситуацию в низкорентабельных организациях. С точки зрения причинно-следственных связей объяснение может быть следующим. При низкой рентабельности у руководителей просто нет возможности повышать себе вознаграждение. С ростом рентабельности такая возможность появляется. Это выражается в резком росте предприятий с соотношением дохода 10—15 к 1. Однако дальнейший рост рентабельности позволяет направлять часть ресурсов на повышение оплаты труда всех работников, по этой причине дифференциация снова становится ниже, но на более высоком общем уровне оплаты труда. Таким образом, повышенное внимание к человеческому фактору в большей степени проявляется в низкорентабельных и высокорентабельных предприятиях, в то время как среднерентабельные характеризуются существенно меньшей заботой о благосостоянии работников, ориентацией на максимизацию доходов руково-

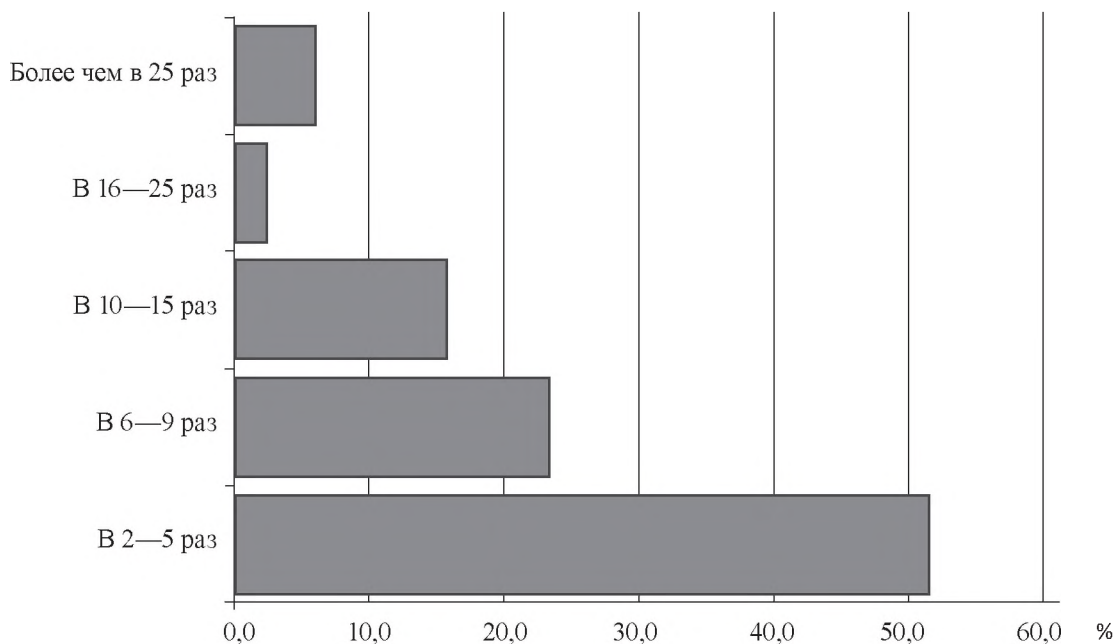

Рис. 3. Превышение дохода руководителя бизнеса над доходом малооплачиваемого работника (данные опроса руководителей российских малых и средних предприятий в ноябре 2014 г.)

дителя бизнеса. Результаты опроса в абсолютном выражении приведены в таблице на с. 134, в долях — на рис. 4. В таблице также можно видеть, что значительная доля предпринимателей вообще не задумывается о рентабельности своего бизнеса, и это, безусловно, камень в огород приверженцев неоклассической интерпретации поведения представителей малого и среднего бизнеса. В общей массе таких насчитывается почти 20 %.

Также выполнена оценка среднего уровня рентабельности для каждой группы предприятий по соотношению доходов. Картина получилась похожей: при малой дифференциации доходов рентабельность низкая (при 2—5-кратной разнице — 18,6, а при 6—9-кратной — 18,3). При средней дифференциации доходов (10—15 раз) происходит резкий рост средней рентабельности (до 23,2), а дальнейший рост дифференциации

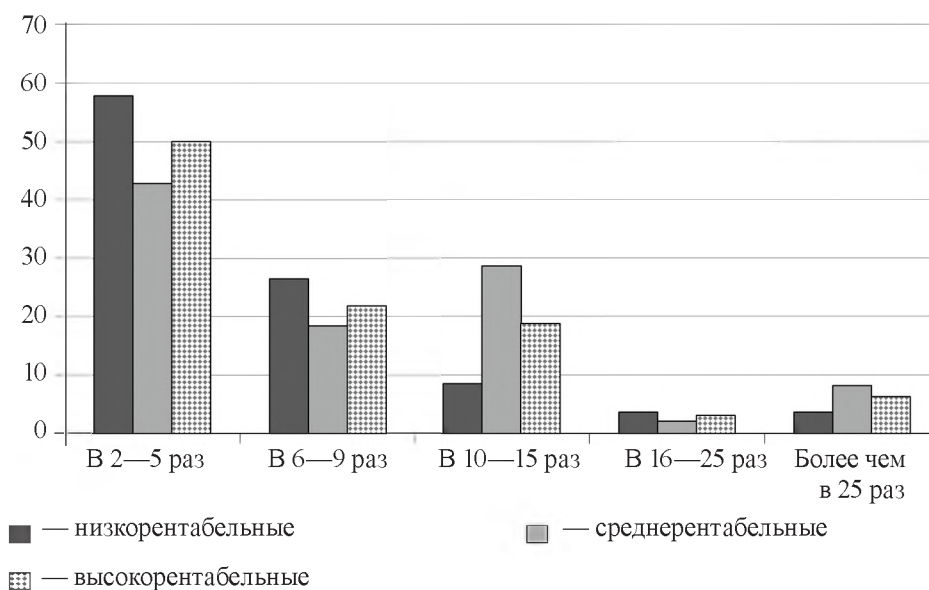

Рис. 4. Распределение ответов на вопрос о соотношении доходов руководителя и низкооплачиваемого работника в зависимости от рентабельности бизнеса (данные опроса руководителей российских малых и средних предприятий в ноябре 2014 г.)

Распределение ответов на вопрос о соотношении доходов руководителя и низкооплачиваемого работника

Превышение дохода руководителя над доходом низкооплачиваемого работника	По всей выборке	Среди низкорентабельных	Среди среднерентабельных	Среди высокорентабельных	Среди тех, где руководители не задумываются о рентабельности
В 2—5 раз	101	48	21	16	16
В 6—9 раз	46	22	9	7	8
В 10—15 раз	31	7	14	6	4
В 16—25 раз	5	3	1	1	1
Более чем в 25 раз	12	3	4	2	2
Итого	195	83	49	32	31

сопровождается незначительным, но устойчивым снижением рентабельности. Таким образом, можно сделать вывод о наличии своеобразного оптимума в дифференциации дохода (10—15 раз). При соблюдении этого соотношения, с одной стороны, обеспечивается адекватное вознаграждение руководству, которое в среднем и малом бизнесе часто совмещает в одном лице еще и фигуру владельца, а с другой — формирует достаточную мотивацию работникам для обеспечения их вовлеченности в трудовой процесс.

Ответы на третий вопрос (о распределении выручки на предприятиях малого и среднего бизнеса) также представляют определенный интерес. В целом распределение оказалось довольно предсказуемым: наибольшая доля осталась за затратами на сырье и материалы (34,8 %). На выплату заработной платы (без ЕСН) предприниматели тратили 17,0 % (при этом на оплату труда управленческого персонала направлялось 6,4 %), а чистая прибыль составляла 14,5 %. Доля всех налогов в выручке составила 12,0 %, доля уплаченных процентов — 7,0 %, на инвестиции в среднем направляли 6,3 %, на рекламу — 3,7 %, на юридическую поддержку бизнеса — 2,9 %. Также было указано, что в среднем 1,9 % выручки расходовалось на неформальные выплаты заинтересованным лицам — откаты и взятки.

В целом такая тенденция показывает, что на заработную плату предприятия малого и среднего бизнеса тратят больше, чем крупные (у них на это редко уходит больше 10 %). Однако из-за небольших размеров доля затрат на управленцев доходит до 40 % от этой суммы. Интересно проанализировать, как изменяется доля зарплаты и выплат руководству в выручке в зависимости от ответа еще на один вопрос: был ли бизнес успешен, по мнению самих руководителей? Ответы распределились, как показано на рис. 5,

а средние доли выручки, затраченные на оплату труда (всех без исключения работников) и вознаграждение управленцам, — на рис. 6 и 7 соответственно.

Полученный результат выглядит несколько парадоксальным: доля выручки, направляемой на оплату труда, существенно ниже у тех предприятий, которые, по мнению руководителей, успешны (на успешных предприятиях на оплату труда в среднем расходуется 14,3 %, а на «скорее неуспешных» и «неуспешных» — 22,5 %). При этом те же руководители называют человеческий потенциал ключевым фактором успеха. Получается, что тот фактор, который уже принес успех, не ценится руководителями, а возникающий у успешных предприятий дополнительный доход направляется на что угодно: рекламу, инвестиции, выплаты собственникам, — но не на повышение оплаты труда. И, наоборот, руководители не вполне успешных предприятий вынуждены тратить дополнительные средства на человеческий потенциал, чтобы он смог реализоваться и сделать бизнес более успешным (рис. 6).

Одновременно доля выручки, получаемой самими руководителями, на успешных предприятиях стабильно более высокая, чем на предприятиях, названных «скорее успешными, чем нет» (7,3 и 4,8 % соответственно). Для предприятий, еще менее успешных, доля выручки, присваиваемая руководством, также становится высокой (7,2 %). Такая тенденция может быть объяснена действием двух разнонаправленных факторов: стремлением к экономии на прочих расходах в малоуспешных предприятиях, из-за чего в структуре расходов в принципе доминируют две статьи — сырье и зарплата, и осознанием руководителем своей ведущей роли в росте успешности компании, что получает выражение в виде увеличения вознаграждения опережающими темпами.

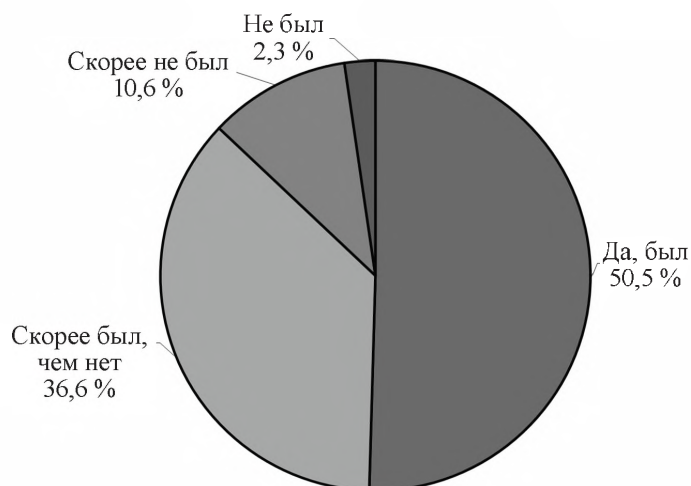

Рис. 5. Распределение ответов руководителей на вопрос о том, был ли их бизнес успешен в прошедшем (2013) году (данные опроса руководителей российских малых и средних предприятий в ноябре 2014 г.)

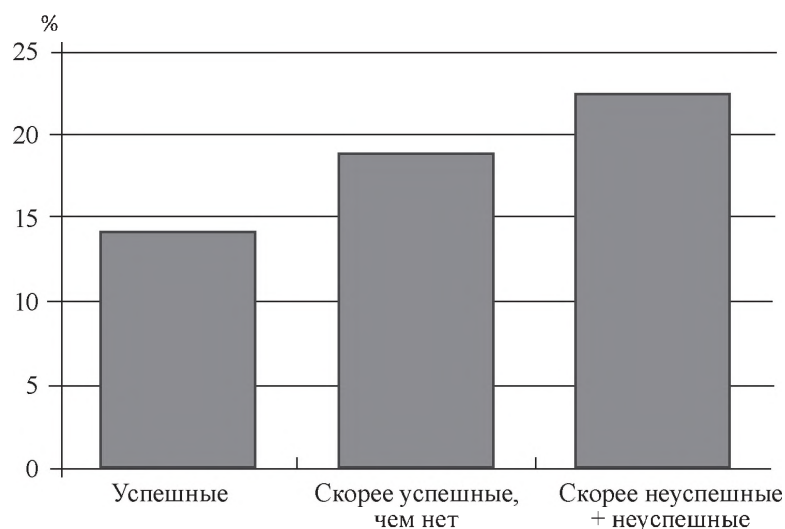

Рис. 6. Средние значения доли выручки, направленной на оплату труда, на средних и малых предприятиях в России (данные опроса руководителей российских малых и средних предприятий в ноябре 2014 г.)

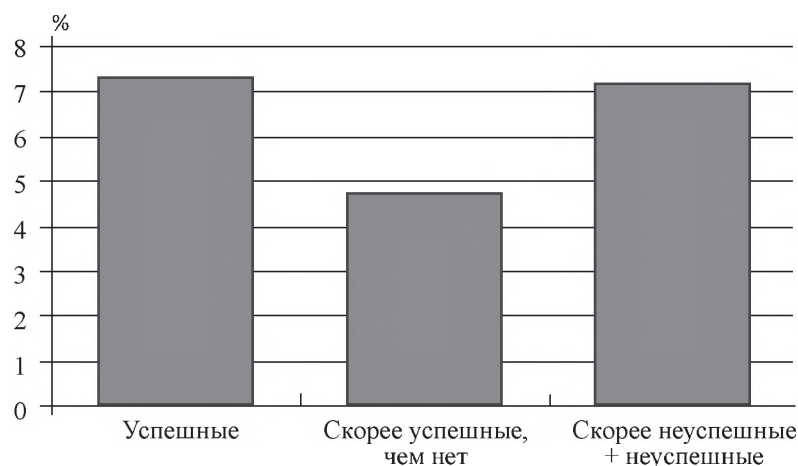

Рис. 7. Средние значения доли выручки, направленной на вознаграждение руководителям, на средних и малых предприятиях в России (данные опроса руководителей российских малых и средних предприятий в ноябре 2014 г.)

В промежуточном же состоянии «скорее успешного» бизнеса себя вознаграждать еще особо не за что, но дополнительные расходы на рекламу и инвестиции, как правило, появляются.

Таким образом, в результате проведенного исследования установлено, что человеческий потенциал играет ведущую роль в достижениях предприятиями малого и среднего бизнеса в России успешности. Подавляющее большинство из 212 руководителей таких предприятий считают человеческие ресурсы, профессиональные и личные качества работников ключевым или значимым фактором в достижении своего успеха. Однако на практике заботу о персонале руководители проявляют далеко не всегда: заработная плата в большинстве случаев находится на уровне, не позволяющем проявить человеку свои лучшие качества и всецело быть преданным своей работе. При этом существует прямая связь уровня оплаты труда и успешности бизнеса. Этот факт следует учитывать руководителям малого и среднего бизнеса в будущем. Вместе с тем можно выделить результат, положительный характеризующий отношение руководи-

лей среднего и малого бизнеса к человеческим ресурсам на предприятии. Соотношение дохода руководителя и уровня оплаты труда работников в большинстве случаев укладывается в норму, озвученную еще П. Друкером (1 : 8). Это означает, что руководитель демонстрирует солидарность с работниками, и, несмотря на низкий доход, работники, не чувствуют себя в значительной мере эксплуатируемыми. Они видят, что находятся «в одной лодке» с работодателем. Отмечено некоторое ослабление этой тенденции у среднерентабельных предприятий, однако предприятия с высокой рентабельностью демонстрируют низкую дифференциацию доходов. В целом руководители российских предприятий не готовы подкрепить признание важности человеческого капитала на словах соответствующим распределением денежного потока: на более успешных предприятиях на оплату труда расходуется меньшая доля выручки. При этом к себе как к части человеческого потенциала предприятия у руководителей иное отношение: достижение успешности вознаграждается более высокой долей доходов руководителей в выручке.

Список литературы

1. Федеральный закон от 29 июня 2015 года № 156-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам развития малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.garant.ru/news/633827/#ixzz3ptSxGsUd>.
2. Плетнев, Д. А. К вопросу о факторах успешности среднего и малого бизнеса в современной России / Д. А. Плетнев, Е. В. Николаева // Управление экономикой в стратегии развития России : материалы междунар. управленч. форума. — М. : ГУУ, 2014. — С. 229—231
3. Romar, E. J. Strategic intent, confucian harmony and firm success / E. J. Romar // Acta Polytechnica Hungarica. — 2009. — Vol. 6, № 3. — P. 57—67.
4. Sieger, Ph. Long-term success of family firms: investigating specific aspects of firm-level entrepreneurship and individual-level antecedents / Ph. Sieger // Dissertation of the University of St. Gallen, School of Management, Economics, Law, Social Sciences and International Affairs to obtain the title of Doctor of Philosophy in Management. — St.Gallen : Niedermann Druck AG, 2011.
5. Jensen, M. C. Value maximization, stakeholder theory, and the corporate objective function / M. C. Jensen // J. of Applied Corporate Finance. — 2001. — Fall. — P. 8—21.
6. Bronsteen, J. Well-Being analysis vs. cost-benefit analysis / J. Bronsteen, C. J. Buccafusco, J. S. Masur // 62 Duke Law J. 1603 : Chicago-Kent College of Law Research Paper. — 2013. — № 05.
7. Brown, S. Fail better! Samuel Beckett's secrets of business and branding success / S. Brown // Business Horizons. — 2006. — Vol. 49, iss. 2. — P. 161—169.
8. Modeling the success of small and medium sized online vendors in business to business electronic marketplaces in China: a motivation — capability framework / S. Wang [et al.] // J. of Global Inform. Management. — 2011. — № 19 (4). — P. 45—75.
9. Berger-Walliser, G. Promoting business success through contract visualization / G. Berger-Walliser, C. R. Bird, H. Haapio // J. of Law, Business, and Ethics. — 2011. — Vol. 17.
10. Gottschalk, S. Gender differences in business success of German start-up firms / S. Gottschalk, M. Niefert // ZEW Discussion Paper. — 2011. — № 11-019.

11. Webb, K. S. Emotional intelligence and business success (August 14, 2011) [Электронный ресурс] / K. S. Webb. — URL: <http://ssrn.com/abstract=1948065>.
12. Business success and businesses beauty capital / G. A. Pfann [et al.] // *Economics Letters*. — 2006. — Vol. 93. — P. 201—207.
13. Success factors for Swiss SMEs. Company succession in practice // Univ. of St. Gallen and Credit Swiss Global Research, Swiss Issues Industries. — 2013. — June.
14. Factors affecting business success of small & medium enterprises (SMEs) in Thailand / Ch. Chittithaworn [et al.] // *Asian Social Science*. — 2011. — Vol. 7, no. 5. — P. 180—190.
15. Determinants of business success of small and medium enterprises / J. M. Jasra [et al.] // *Intern. J. of Business and Social Science*. — 2011. — Vol. 2, no. 20. — P. 274—281.
16. Частный и семейный бизнес: надежная модель XXI века. Исследование частного и семейного бизнеса. — РвС. — 2012. [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.pwc.ru/en/private-companies/family-business/assets/family-business-survey-global-rus.pdf>.
17. Плетнев, Д. А. Три измерения успешности малого и среднего бизнеса в России / Д. А. Плетнев // Стратегическое планирование и развитие предприятий : материалы симп., Москва, 14—15 апр. 2015 г. Секция 1. — М., 2015. — С. 25—27.

Сведения об авторах

Плетнев Дмитрий Александрович — кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики отраслей и рынков Челябинского государственного университета, Челябинск, Россия. pletnev@csu.ru

Николаева Екатерина Владимировна — кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики отраслей и рынков Челябинского государственного университета, Челябинск, Россия. nikolaeva@csu.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2016. No. 6 (388). *Economic Sciences. Iss. 53. Pp. 128—138.*

SUCCESS OF SMALL AND MEDIUM BUSINESS IN RUSSIA AND THE SOCIAL RESPONSIBILITY OF ITS LEADERS

D.A. Pletnev

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. pletnev@csu.ru

E.V. Nikolaeva

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. nikolaeva@csu.ru

In the current economic conditions, the development of small and medium-sized businesses is regarded as one of the potential drivers of the Russian economy. The government is making serious efforts to “run” a mechanism for sustainable reproduction practices of successful development of small and medium-sized businesses. However, until now a significant portion of this effort has low efficiency. One of the main reasons for this is the increased attention to external factors of success. Internal factors given much less attention. The aim of the article is to study the influence of the most important internal factor of success of the enterprise, the human potential of its employees, which is manifested in the professional and personal qualities, as well as the ability to act as a team. The article presents the results of studies on the relationship of labour costs and success of small and medium-sized businesses in Russia. The analysis is based on SME business success factors research conducted by the authors (based on a survey of 250 heads of enterprises in various industries, held in November 2014). The distribution of wages in the total sample and by groups of companies of varying success is studied. Particular attention is paid to analysis of the share of labour costs and executive remuneration in the revenue structure for different groups of enterprises success. It was determined that business leaders do not have financial support to its development during the growth of success, despite their awareness of the importance of human development. The results can be used by managers of small and medium-sized businesses in developing a strategy for human development, scientists in conducting further research the factors of success of small and medium-sized enterprises, regulatory bodies in the development of policy support in the area of small and medium-sized businesses.

Keywords: *success of small and medium business, social responsibility of leaders.*

References

1. Federal Law of June 29, 2015 № 156-FZ “On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation on development of small and medium enterprises in the Russian Federation”. Available at: <http://www.garant.ru/news/633827/#ixzz3ptSxGsUd> (In Russ.).
2. Pletnev D.A., Nikolaeva E.V. K voprosu o faktorakh uspehnosti srednego i malogo biznesa v sovremennoy Rossii [To a question about the factors of success of small and medium businesses in Russia today]. *Upravleniye ekonomikoy v strategii razvitiya Rossii: materialy mezhdunarodnogo upravlencheskogo foruma* [Management of the economy in Russia’s development strategy: Proceedings of the International Management Forum]. Moscow, 2014. Pp. 229—231. (In Russ.).
3. Romar E.J. Strategic Intent, Confucian Harmony and Firm Success. *Acta Polytechnica Hungarica*, 2009, vol. 6, no. 3, pp. 57—67.
4. Sieger Ph. *Long-term Success of Family Firms: Investigating Specific Aspects of Firm-level Entrepreneurship and Individual-level Antecedents. Dissertation of the University of St. Gallen, School of Management, Economics, Law, Social Sciences and International Affairs to obtain the title of Doctor of Philosophy in Management*. St. Gallen, Niedermann Druck AG, 2011.
5. Jensen M.C. Value Maximization, Stakeholder Theory, and the Corporate Objective Function. *Journal of Applied Corporate Finance*, 2001, fall, pp. 8—21.
6. Bronsteen J., Buccafusco, C.J., Masur, J.S. Well-Being Analysis vs. Cost-Benefit Analysis. *62 Duke Law Journal 1603 (2013). Chicago-Kent College of Law Research Paper*, 2013, no. 05.
7. Brown S. Fail better! Samuel Beckett’s secrets of business and branding success. *Business Horizons*, 2006, vol. 49, no. 2, pp. 161—169.
8. Wang S. [et al.]. Modeling the Success of Small and Medium Sized Online Vendors in Business to Business Electronic Marketplaces in China: A Motivation — Capability Framework. *Journal of Global Information Management*, 2011, no. 19 (4), pp. 45—75.
9. Berger-Walliser G. [et al.]. Promoting business success through contract visualization. *Journal of Law, Business, and Ethics*, 2011, vol. 17.
10. Gottschalk S., Niefert M. Gender Differences in Business Success of German Start-up Firms. *ZEW Discussion Paper*, 2011, no. 11-019.
11. Webb Kerry S. *Emotional Intelligence and Business Success* (August 14, 2011). Available at: <http://ssrn.com/abstract=1948065>.
12. Pfann G.A. [et al.]. Business success and businesses beauty capital. *Economics Letters*, 2006, vol. 93, pp. 201—207.
13. Success Factors for Swiss SMEs. Company Succession in Practice. *University of St. Gallen and Credit Swiss Global Research, Swiss Issues Industries*, 2013, June.
14. Chittithaworn Ch. [et al.]. Factors Affecting Business Success of Small & Medium Enterprises (SMEs) in Thailand. *Asian Social Science*, 2011, vol. 7, no. 5, pp. 180—190.
15. Jasra J.M. [et al.]. Determinants of Business Success of Small and Medium Enterprises. *International Journal of Business and Social Science*, 2011, vol. 2, no. 20, pp. 274—281.
16. Chastnyy i semeynyy biznes: nadezhnaya model’ XXI veka [Private and family business: a reliable model of the XXI century]. *Issledovaniye chastnogo i semeynogo biznesa* [Investigation of private and family business]. PwC, 2012. Available at: <http://www.pwc.ru/en/private-companies/family-business/assets/family-business-survey-global-rus.pdf> (In Russ.).
17. Pletnev D.A. Tri izmereniya uspehnosti malogo i srednego biznesa v Rossii [Three measuring the success of small and medium-sized businesses in Russia]. *Strategicheskoye planirovaniye i razvitie predpriyatiy. Sectsiya 1* [Strategic planning and enterprise development: proceedings of the symposium, Moscow, 14—15 April, 2015. Section 1]. Moscow, 2015. Pp. 25—27. (In Russ.).

ДИСКУССИИ DISCUSSION

*Вестник Челябинского государственного университета.
2016. № 6 (388). Экономические науки. Вып. 53. С. 139—144.*

УДК 338.1
ББК У9(2Рос)

НЕОБХОДИМОСТЬ НОВОЙ МОДЕЛИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ

Г. П. Журавлева^а, В. В. Смагина^б

^а*Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова, Москва, Россия*

^б*Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина, Тамбов, Россия*

Дан анализ новой экономической реальности на рубеже XX и XXI столетий. Авторы называют происходящее эпохой перемен. Проведена всесторонняя аналитика понятия «эпоха перемен». Выявлены особенности геополитического кризиса, дано определение демографическим, технологическим и ресурсным переменам.

Ключевые слова: *эпоха перемен, неоэкономика, базовые изменения, противоречия, суепокрафия, трансгрессия.*

Постановка проблемы. Новую экономическую реальность, которую мы наблюдаем на рубеже XX и XXI столетий, вполне обоснованно можно назвать эпохой перемен. Объясняется это тем, что современный мир находится на сломе двух цивилизаций: существующей более четырех веков индустриальной цивилизации, базисом которой выступает рыночная система хозяйствования, постепенно заменяемая элементами новой, малоизученной, не имеющей в научном сообществе общепризнанного названия «экономикой будущего». Под последней чаще всего понимают постиндустриальную цивилизацию, фундаментом которой, по мнению различных авторов, выступает неоинформационная экономика, или экономика знаний, образования, инноваций и множество других определений. Между этими двумя цивилизациями возникает сложный и достаточно длительный эволюционный период смены вышеназванных цивилизаций, который и называется эпохой перемен.

Эпоха перемен, согласно общепринятому пониманию, — это период в развитии природы, общества, экономики, науки и других областей, имеющий какие-то характерные особенности [5]. К исследуемой эпохе перемен можно отнести целый ряд качественных, базовых социально-экономических изменений, обусловленных множеством новых явлений и процессов, таких как:

— всесторонняя трансформация всех существующих в мире экономических систем, формирование в большинстве развитых и развивающихся стран новой модели капитализма (по словам Дж. Стиглица, «другой экономики» [1]); становление и развитие переходной экономики (от АКСХ к социально-ориентируемой рыночной системе), пришедшей на смену социалистическому типу хозяйствования;

— кардинальные изменения всех существующих в мире экономических систем на основе глобализации, информатизации, компьютеризации, экологизации, гуманизации и нового технологического взрыва;

— чрезмерное увлечение всеобъемлющим реформированием, что дает основание говорить о появлении такого нового явления, как «суепокрафия» (власть суеты);

— динамичность и возросшая скорость перемен, недостаточная изученность кардинальных потрясений определяют трудности предсказуемости развития мира. Достоверное предсказание многих явлений оказалось за пределами возможности экономической науки [4];

— явление последних лет — небывалый глобальный, системный, интегрированный, экономический, финансовый, экологический, нравственный, духовный кризис, который усугубил нестабильность, неустойчивость, турбулентность, изменчивость современного мира;

— длительная вялотекущая депрессия после кризиса 2008—2009 гг., особенно обострившаяся геополитическими кризисами: на Украине, в США, Евросоюзе и России. Нынешние украинские «демократы» пытаются без достаточных оснований отрицать единство родственных ветвей народа, который издревле называл себя Русью. Новгородской, Киевской, Владимиро-Суздальской, Малой, Белой, Великой, Червонной, но — Русью. Пока, наконец, из объединения удельных княжеств не выросло государство, сначала Московское, затем Российское, сплотившее и великороссов, малороссов, белорусов, и множество других народов, усвоивших для общения единый язык — русский.

Анализ последних исследований и публикаций. Задачи и проблемы эпохи перемен рассмотрены в работах Л. Абалкина [1; 2], В. Юрьева [12; 13], Г. Журавлевой [7] и др. Между тем эта проблема в России практически не изучена.

Целью исследования является изучение явления «эпоха перемен», а также разработка проекта новой модели социально-экономического развития, определение тенденций вхождения мира и России в будущую цивилизацию.

Основные результаты исследования. Глубина происходящих изменений позволяет сделать вывод о наступлении особого временного феномена, или эпохи перемен, что предполагает качественное обновление общества и экономики на пути к их новой модели социально-экономического развития. Отмеченные перемены, по мнению доктора экономических наук, профессора, заслуженного деятеля науки А. И. Добрынина [6], представляют собой определенный скачок истории, «цивилизационный сдвиг» или цивилизационный разлом, поскольку речь идет о событии эпохального значения — завершении многовековой эпохи расточительного эксплуататорского использования человеческих и природных ресурсов и последствий, которые так и не смогла преодолеть система рыночной экономики в ее капиталистической форме, при всех ее преимуществах.

В экономической литературе можно выделить две гипотезы выхода из данного цивилизационного кризиса: оптимистическую и пессимистическую. Согласно первой, результатом выхода из кризиса будет неэкономика, или инновационная, неинформационная, постиндустриальная экономическая система. Согласно второй — первобытно-общинное общество.

Третья технологическая революция не только вносит коренные изменения в экономику, организацию предприятий (возникновение креативных структур), но и качественно изменяет положение человека, то есть человеческий капитал. И это выходит на первый план развития научно-производственного комплекса. Последнее ведет к заметным изменениям потребностей людей, пересматриваются их роли в производстве и экономике, возрастает значимость нравственных и духовных факторов в их поведении, выходящих за рамки сложившейся неоклассической модели экономического человека времен А. Смита, которым управляет рационалистический эгоизм. Эти изменения меняют характер традиционного развития рыночных систем, вызывая деструкцию их основного ядра — рынка, приводят к перестройке всего сложившегося мирового порядка и возникновению глобализации как новой ступени в экономических отношениях между государствами.

В России по-прежнему формируются предложения о проведении новой перестройки, то есть обоснование необходимости второго этапа перестройки. Обусловлено это тем, что, несмотря на ощутимые успехи 15-летнего управления Россией В. В. Путиным (рост ВВП, реальных доходов населения, заработной платы, пенсий, рост населения, авторитета страны на международной арене и др.), сегодня особенно остро продолжает стоять проблема поиска другого пути выхода из создавшейся тревожной и чрезвычайно сложной ситуации.

Шквал не только перемен, угроз, вызовов, рисков, но и противоречий породил нестабильность, неудовлетворенность, ощущение хаоса, неуверенность в будущем человечества.

Тридцатилетняя перестройка хозяйственной системы в России позволила преодолеть две утопии: одностороннюю ориентацию в социально-экономическом развитии исключительно на частную собственность и свободный рынок, а также одностороннюю ориентацию исключительно на всеобщее огосударствление и детальное директивное командование из центра. В настоящее время Российская Федерация (по итогам перестройки) находится в противоречивой ситуации. После беспредельного спада в экономике в 1990-е гг. начало нового века характеризовалось, правда, небольшим, но все же ростом. И это уже успех.

К успехам можно отнести солидный рост золотовалютных запасов, ликвидацию внешнего долга, важные политические достижения, рост авто-

ритета страны в мире. Но, с другой стороны, к сожалению, по-прежнему сохраняются плохие условия для инвестирования, бизнеса, процветает коррупция. По этим показателям Россия занимает одно из первых мест в мире. Золотовалютные резервы во многом размещены не в стране, а в зарубежных банках. Масштабы вывоза капитала и утечки умов из России чрезмерны. Разрыв между доходами и благосостоянием отдельных людей чрезвычайно высок. Решение этих насущных проблем усложняется падением цен на нефть и газ, необходимостью импортозамещения, помощи Крыму и Украине, второй волной экономического кризиса 2008 г.

Несмотря на эти нерешенные и болезненные проблемы России, оценивая современный мир, американский политический деятель Збигнев Бжезинский отмечает: «Впервые в истории привычные международные конфликты померкли перед общей проблемой выживания человечества, и ведущим державам еще предстоит разработать совместные пути решения новых растущих угроз: экологических, климатических, социологических, продовольственных, демографических, идеологических и т. д.» [3]. К ведущим державам он относит США, Евросоюз, Китай, Индию, Россию и Японию. Но картина ведущих стран мира быстро меняется. Возникает не просто угроза передела мира, а, по некоторым оценкам зарубежья, есть основание утверждать, что третья мировая война (несколько модифицированная) уже давно идет полным ходом, о чем свидетельствуют события в Югославии, Сербии, на Украине и т. д.

И все-таки в существующем потоке перемен, где господствуют «всесторонняя суетократия», постоянное нарушение известных правил жизнедеятельности и, на первый взгляд, хаос, можно выделить ряд важнейших, ключевых, а по словам Г. Малинецкого [9], базовых и принципиальных тенденций вхождения мира и России в будущую цивилизацию:

- глобальная демографическая;
- технологическая;
- ресурсная;
- приоритетность решения социальных проблем по сравнению с экономическими и т. д.

Демографические перемены характеризуются существенным сокращением темпов роста человечества в новом столетии (по словам академика С. Капицы [8], демографической революции), переходом от стратегии «высокая рождаемость —

высокая смертность» к стратегии «низкая рождаемость — низкая смертность», что дает основание предполагать, что XXI столетие будет столетием пожилых людей. Возникает противоречие: будущей новой модели социально-экономического развития нужны молодые кадры, а новое столетие (предположительно) дает рост пожилых.

Технологические перемены базируются на эффективной экономике нового развитого 6-го технологического уклада, от чего Россия, да и большинство стран мира, к сожалению, достаточно далеки. Предстоит разрешить и это противоречие. В целях стимулирования инновационного развития, общего инвестиционного оживления в ряде стран активно используются налоговые льготы, ускоренная амортизация и другие эффективные меры. Известный западный ученый М. Кастельс отмечает новое противоречие в современном мире — противоречие между «недоразвитостью» человека и «переразвитостью» прогресса.

Современные ресурсные перемены характеризуют, по существу, новую неолитическую революцию. Как результат первой неолитической революции, еще в первобытном обществе на смену охоте и собирательству пришло животноводство и растениеводство. Важнейшие ресурсы удовлетворения потребностей в еде — животноводство и растениеводство — постепенно уступают сегодня новым видам хозяйственной деятельности. Мы уже научились выращивать рыбу и другие виды морских продуктов. Принципиально изменилось значение таких ресурсов, как информация, инновация, зеленая экономика. Появились новые блага — сетевые и мн. др.

В условиях глобализации становится очевидным, что побеждает сильнейший. Но сильнейшим становится не просто богатое и экономически развитое государство, а то, где наилучшим способом решаются социальные проблемы. Нельзя не вспомнить слова Бисмарка о том, что богатство страны — это не те деньги, которые государство собирает в виде налогов, а те, которые оно оставляет в карманах своих граждан. Беспрецедентная дифференциация в уровне и качестве жизни населения в разных странах и внутри них служит важнейшим мотивом для возникновения антиглобалистических движений, разного рода «цветных революций» и других форм проявления агрессии. Не менее важна возникшая в этих условиях у хозяйственных субъектов апатия к своей деятельности, безразличие к результатам своего труда.

Социально-экономическое развитие — процесс сложный, многофакторный. Анализ господствующей парадигмы развития — «мейнстрима» стандартного, неоклассического либерализма — показал несостоятельность ее в эпоху перемен. Нужна новая парадигма развития и с учетом исторического опыта. На юбилейном заседании Международного клуба «Валдай» (24 октября 2014 г.) В. В. Путин говорил, что экономический рост и благосостояние — это производные от состояния самого общества, от того, насколько граждане той или иной страны чувствуют себя единым народом, насколько они укоренены в этой своей истории, ценностях и традициях, объединяют ли их общие цели и ответственность [10].

Важнейшей чертой современного мира становится его усложнение и на этой основе возрастание противоречия, в том числе противоречия отношения государства к своим и не своим соседям. Такой подход опасен для глоболизирующегося мира по мере проявляющихся интересов в том или ином регионе держав глобального масштаба. Это приводит к двойственности понимания событий не только политики, экономики, но и морали, идеологии, духовности и т. д.

Существует и множество других противоречий в протекающих процессах. Например, противоречия между глобальными и национальными интересами, обуславливающие необходимость их трансгрессии как процесса преодоления их противоречий путем выработки новых правил (новаций), создания новых институтов (международных организаций, кластеров, новых договоренностей). Таким образом, результатом этого процесса выступают инновации (новации, внедренные в практику).

Сегодня становится ясным утверждение об исчерпании модели линейного развития, когда только или государство, или рынок (бизнес) определяют социально-экономическое развитие общества. Остается одно — необходимость обеспечения взаимодействия (партнерских отношений) государства, бизнеса и гражданского общества, и

не только в одной стране (национальной экономике), но и во всем мире (глоболизирующейся экономике и в отдельных ее глобальных регионах, таких как ЕЭС, СНГ, ЕАСТ и др.).

Выводы. Перечисленные тенденции открывают перед Россией возможность старта в совершенно новом направлении. Каком? Ясно, что в ближайшем будущем не может быть речи о коммунизме. Признание же становления постиндустриального общества в развитых странах тоже не вызывает оптимизма.

Во-первых, потому, что оно не отменяет кризисы и не объясняет причины их появления.

Во-вторых, несмотря на свои преимущества по сравнению с капитализмом и социализмом, постиндустриальная экономика уже продемонстрировала присущие именно ей неразрешимые противоречия между глобализацией и национальным государством, пытающимся примитивно извлекать выгоду именно для себя.

В-третьих, в современном постиндустриальном обществе потребляется больше, чем позволяют ресурсы нашей планеты. Мы живем «в долг», растрачивая ресурсы будущих поколений.

В-четвертых, отсутствие справедливого распределения, сохранение социальных конфликтов в постиндустриальном обществе позволяют вести речь не о его совершенствовании, а об отказе от него, о необходимости новой модели социально-экономического развития или даже о новой альтернативной цивилизации, где на первом месте не потребление, а разумность.

В-пятых, нельзя не отметить сложившийся парадокс в экономической теории, суть которого в том, что, когда роль субъекта экономики, человека, на деле стала решающей, сам он исчез со страниц учебников и учебных пособий и весьма слабо освещается в научных изданиях. Этот парадокс требует решения. Таким образом, новую модель социально-экономического развития мира и России еще только предстоит разработать экономической науке, мировому сообществу ученых.

Список литературы

1. Абалкин, Л. И. Проблемы современной России / Л. И. Абалкин. — М. : Ин-т экономики, 2011. — 110 с.
2. Абалкин, Л. И. Уроки прошлого и будущее России / Л. И. Абалкин. — М. : Ин-т экономики, 2010. — 169 с.
3. Бжезинский, З. Стратегический взгляд. Америка и глобальный кризис / З. Бжезинский. — М. : Астрель, 2012. — 286 с.

4. Винокуров, М. А. Новая экономическая реальность и экономическая политика современной России / М. А. Винокуров // Экономика и политика. — 2014. — № 2. — С. 41—47.
5. Государственность России : слов.-справ. : в 6 кн. / сост. О. Ф. Козлов, В. Ф. Янковая — Кн. 1: А—Г. — М. : Наука, 1996. — 324 с.
6. Добрынин, А. И. Формирование посткризисной модели хозяйствования и экономического роста России : монография / А. И. Добрынин, Е. С. Ивлев. — СПб. : Изд-во Санкт-Петербург. ун-та упр. и экономики, 2012. — 338 с.
7. Журавлева, Г. П. Россия: исторический опыт модернизации (X—XXI вв.) / Г. П. Журавлева, В. М. Юрьев. — Тамбов, 2013. — 143 с.
8. Капица, С. П. Синергетика и прогнозы будущего / С. П. Капица, С. П. Курдюмов, Г. Г. Малинецкий. — Изд. 3-е. — М. : Едиториал УРСС, 2003. — 288 с.
9. Малинецкий, Г. Г. Чтобы сказку сделать былью... Высокие технологии — путь России в будущее / Г. Г. Малинецкий. М. : Либроком, 2012. — 224 с.
10. Выступление Владимира Путина на заседании клуба «Валдай» [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.rg.ru/2013/09/19/stenogramma-site.html>.
11. Стиглиц, Дж. Глобализация: тревожные тенденции / Дж. Стиглиц. — М. : Мысль, 2003. — 300 с.
12. Юрьев, В. М. Новые антиформальные подходы к развитию социально-экономических систем и их профессиональных сегментов / В. М. Юрьев // Новые подходы к развитию экономики и корректировки современных хозяйственных систем : монография / рук. В. И. Гришин [и др.]. М. ; Тамбов : Издат. дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2014. — С. 57—60.
13. Юрьев, В. М. Политэкономическое познание современного мира / В. М. Юрьев, В. Г. Бабаян. — М. ; Тамбов: Издат. дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2015. — 232 с.

Сведения об авторах

Журавлева Галина Петровна — доктор экономических наук, профессор, руководитель научной школы «Экономическая теория» Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова (Москва), профессор кафедры экономики отраслей и рынков Челябинского государственного университета. galinaguravleva@rambler.ru

Смагина Валентина Викторовна — доктор экономических наук, профессор Тамбовского государственного университета им. Г. Р. Державина. galinaguravleva@rambler.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2016. No. 6 (388). *Economic Sciences. Iss. 53. Pp. 139—144.*

THE NEED FOR NEW MODELS OF SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT OF RUSSIA

G.P. Zhuravleva

Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia. galinaguravleva@rambler.ru

V.V. Smagina

Tambov State University, Tambov, Russia. galinaguravleva@rambler.ru

This analytical article describes new economic reality at the edge between twentieth and twenty first century. The authors call this process “the epoch of change”. The definition for demographic, technological and recourse changes is given, the features of geopolitical crisis are identified as well.

Keywords: *the epoch of changes, neo-economy, basic changes, contradictions, rushocracy, transgression.*

References

1. Abalkin L.I. *Problemy sovremennoy Rossii* [Problems of modern Russia]. Moscow, 2011. 110 p. (In Russ.).
2. Abalkin L.I. *Uroki proshlogo i budushcheye Rossii* [Lessons from the past and the future of Russia]. Moscow, 2010. 169 p. (In Russ.).

3. Bzhezinskiy Z. *Strategicheskiy vzglyad. Amerika i global'nyy krizis* [Strategic view. America and the Global Crisis]. Moscow, Astrel Publ., 2012. 286 p. (In Russ.).
4. Vinokurov M.A. *Novaya ekonomicheskaya real'nost i ekonomicheskaya politika sovremennoy Rossii* [The new economic reality and the economic policy of modern Russia]. *Ekonomika i politika* [Economy and Politics], 2014, no. 2, pp. 41—47. (In Russ.).
5. *Gosudarstvennost' Rossii. Slovar'-spravochnik. Kn. 1* [Russian State. Reference Dictionary, vol. 1]. Moscow, Nauka Publ., 1996. 324 p. (In Russ.).
6. Dobryinin A.I. *Formirovaniye postkrizisnoy modeli hozyaystvovaniya i ekonomicheskogo rosta Rossii* [Formation of post-crisis economic model and the economic growth of Russia]. Saint Petersburg, 2012. 338 p. (In Russ.).
7. Zhuravleva G.P., Yurev V.M. *Rossiya: istoricheskiy opyt modernizatsii (X—XXI vv.)* [Russia: historical experience of modernization (XX—XXI centuries)]. Tambov, 2013. 143 p. (In Russ.).
8. Kapitsa S.P., Kurdyumov S.P., Malinetskiy G.G. *Sinergetika i prognozy budushchego*. [Synergetics and forecasts of the future]. Moscow, Editorial URSS Publ., 2003. 288 p. (In Russ.).
9. Malinetskiy G.G. *Chtobyi skazku sdelat' byl'yu... Vvisokiye tekhnologii — put' Rossii v budushchee* [To make a fairy tale come true... High Technology is Russia's path to the future]. Moscow, Librokom Publ., 2012. 224 p. (In Russ.).
10. *Vystupleniye Vladimira Putina na zasedanii kluba "Valday"* [Vladimir Putin's speech at the meeting of the Valday club]. Available at: <http://www.rg.ru/2013/09/19/stenogramma-site.html>. (In Russ.).
11. Stiglits Dzh. *Globalizatsiya: trevozhnye tendentsii* [Globalization: disturbing trends]. Moscow, Mysl' Publ., 2003. 300 p. (In Russ.).
12. Grishin V.I. [et al.]. *Novye antiformal'nye podkhody k razvitiyu sotsial'no-ekonomicheskikh sistem i ikh professional'nykh segmentov* [New antiformal approaches to the development of socio-economic systems and their professional segments]. Moscow, 2014. Pp. 57—60. (In Russ.).
13. Yurev V.M., Babayan V.G. *Politekonomicheskoye poznaniye sovremennogo mira* [Political and economic knowledge of the modern world]. Moscow, 2015. 232 p. (In Russ.).